

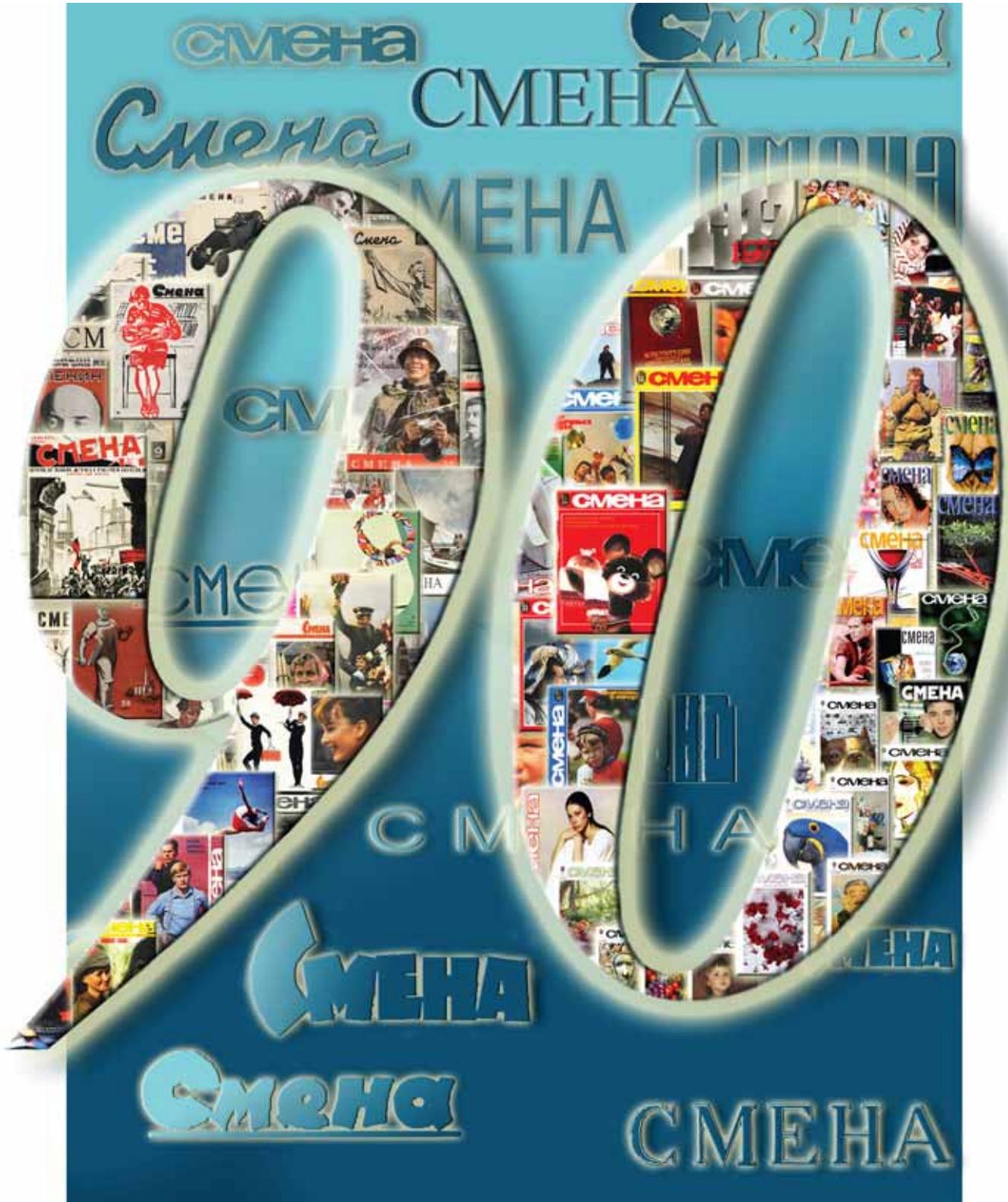
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2014

О жизни актрисы Сары Бернар, талант которой французы считали национальным достоянием, читайте на стр. 74

Забытые страницы

- Антон Павлович Чехов* **Мошенники поневоле
(Новогодняя побрехушка)**4

Из российской истории

- Светлана Бестужева-Лада* **Рождение Северной Венеции**.....8

Нам пишут

- Е.С. Шпикина* **Письмо в редакцию**27

Конкурс одного стихотворения28**Рассказ**

- Владимир Куницын* **Смоленский регтайм** 30

- Мэри-Линн Рoubи* **Рождественские скидки** 58

Неизвестное об известном

- Денис Логинов* **Мистификация
Серебряного века** 46

История шедевров

- Ирина Опимах* **Приключения четырех
евангелистов**65

Память

- Алла Зубкова* **Божественная Сара**74

Штрихи к портрету

- Евгения Гордиенко* **Незабываемый «Дядя Стёпа»**86

Иронический детектив

- Ольга Степнова* **Снегурочка в беде**100

Поэзия

- Анатолий Пшеничный* **Стихи** 174

Это интересно

- Татьяна Харламова* **Встречаем год лошади** 178

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Коллаж Людмилы Калиши
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7500 экз.

Зак. №5146

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.11.2013

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

90 лет назад, в январе 1924 года, вышел первый номер журнала «Смена».

«Журнал для молодых рабочих «Смена» с его абонентами должен занять центральное место в работе издательства.

«Смена» должна строиться так, чтобы она была доступна массовику.

Журнал с его приложениями должен стать основным пособием во всей союзной работе.

Утвердить редакционную коллегию журнала «Смена» в составе т.т. Зонина (редактор), Федорова и Борисова».

Это строки из решения Бюро ЦК РКСМ от 8 января 1924 года.

Как вы видите, главное в том, что журнал был «должен...»

Но уже в первые годы своего существования журнал «Смена» стараниями и профессионализмом сотрудников и авторов постепенно стал и нужным.

Сегодня вы держите в руках 1791-й номер, про который, надеюсь, в полной мере можно сказать, что он нужен.

Нужен вам, уважаемые читатели. Ведь именно благодаря вашей поддержке и вашему интересу «Смена» остается востребованным журналом, а ее сайт — один из самых посещаемых среди «толстых» журналов.

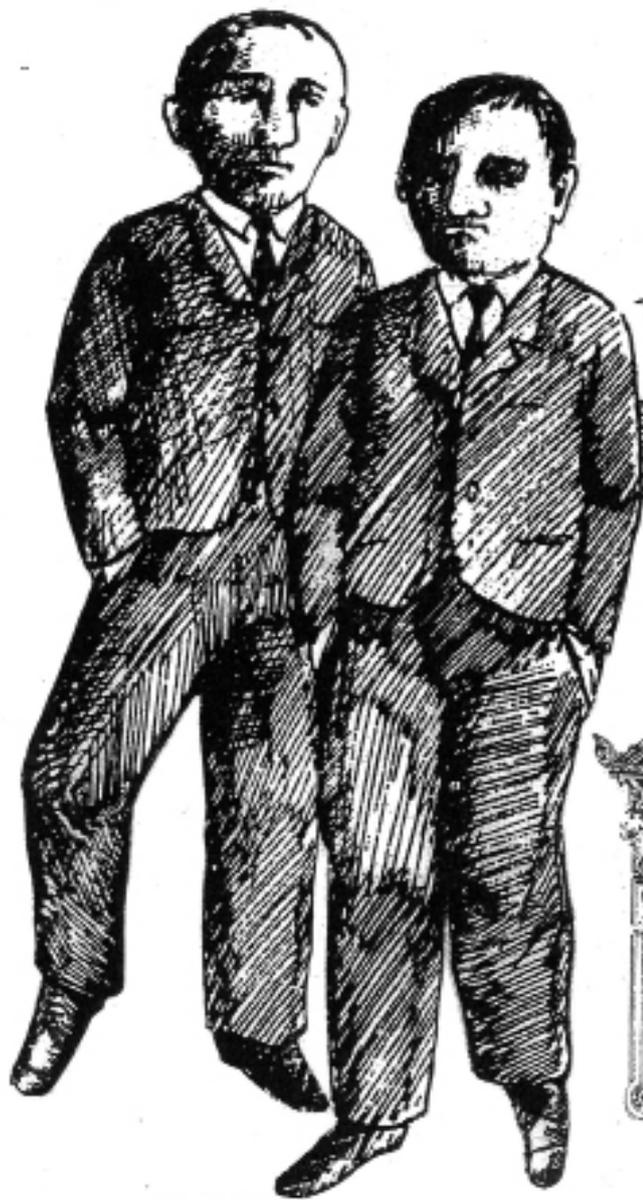
Огромное вам спасибо за ваше внимание, поддержку и критику.

Мы и в дальнейшем будем делать журнал не только для вашего пытливого ума, но и для души.

Чтобы «Смена» всегда была нужна вам, дорогие читатели.

*С искренним
уважением,
главный редактор
Михаил Кизилов*

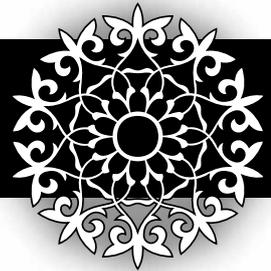

Антон Павлович Чехов

МОШЕННИКИ ПОНЕВОЛЕ

(Новогодняя побрехушка)

У Захара Кузьмича Дядечкина вечер. Встречают Новый год и поздравляют с днем ангела хозяйку Меланью Тихоновну.

Гостей много. Народ все почтенный, солидный, трезвый и положительный. Прохвоста ни одного. На лицах умиление, приятность и чувство собственного достоинства. В зале на большом клеенчатом диване сидят квартирный хозяин Гусев и лавочник Размахалов, у которого Дядечкины забирают по книжке. Толкуют они о женихах и дочерях.

— Нонче трудно найти человека, — говорит Гусев, — который непьющий и обстоятельный... человек, который работающий... Трудно!

Главное в доме — порядок, Алексей Василич! Этого не будет, когда в доме не будет того... который... в доме порядок...

— Порядка коли нет в доме, тогда... все этак... Глупостей много развелось на этом свете... Где быть тут порядку? Гм...

Около них на стульях сидят три старушки и с умилением глядят на их рты. В глазах у них написано удивление «уму-разуму». В углу стоит кум Гурий Маркович и рассматривает образа. В хозяйской спальне шум. Там барышни и кавалеры играют в лото. Ставка — копейка. Около стола стоит гимназист первого класса Коля и плачет. Ему хочется поиграть в лото, а его не пускают за стол. Разве он виноват, что он маленький, и что у него нет копейки?

— Не реви, дурак! — увещевают его. — Ну, чего реवेशь? Хочешь, чтоб мама высекла?

— Это кто ревет? Колька? — слышится из кухни голос маменьки. — Мало я его порола, пострела... Варвара Гурьевна, дерните его за ухо!

На хозяйской постели, покрытой полинялым ситцевым одеялом, сидят две барышни в розовых платьях. Перед ними стоит малый лет двадцати трех, служащий в страховом обществе, Копайский, en face очень похожий на кота. Он ухаживает.

— Я не намерен жениться. — говорит он, рисуясь и оттягивая пальцами от шеи высокие, режущие воротнички. — Женщина есть лучезарная точка в уме человеческого, но она может погубить человека. Злостное существо!

— А мужчины? Мужчина не может любить. Грубости всякие делает.

— Как вы наивны! Я не циник и не скептик, а все-таки понимаю, что мужчина завсегда будет стоять на высшей точке относительно чувств.

Из угла в угол, как волки в клетке, снуют сам Дядечкин и его первенец Гриша. У них души горят. За обедом они сильно выпили и теперь страстно желают опохмелиться... Дядечкин идет в кухню. Там хозяйка посыпает пирог толченым сахаром.

— Малаша, — говорит Дядечкин, — закуски бы подать. Гостям закусить бы...

— Подождут... Сейчас выпьете и съедите все, а что я подам в двенадцать часов? Не помрете. Уходи... Не вертись перед носом!

— По рюмочке бы только, Малаша... Никакого тебе дефицита от этого не будет... Можно?

— Наказание! Уйди, тебе говорят! Ступай с гостями посиди! Чего в кухне толчешься?

Дядечкин глубоко вздыхает и выходит из кухни. Он идет поглядеть на часы. Стрелки показывают восемь минут двенадцатого. До желанного мига остается еще пятьдесят две минуты. Это ужасно! Ожидание выпивки самое тяжелое из ожиданий. Лучше пять часов прождать на морозе поезд, чем пять минут ожидать выпивки... Дядечкин с ненавистью смотрит на часы и, походив немного, подвигает большую стрелку дальше на пять минут... А Гриша? Если Грише сейчас не дадут выпить, то он уйдет в трактир и там выпьет. Умирать от тоски он не согласен...

— Маменька, — говорит он, — гости сердятся, что вы закуски не подаете! Свинство одно только... Голодом морить!.. Дали бы по рюмке!

— Подождите... Мало осталось... Скоро уж... Не толчись в кухне.

Гриша хлопает дверью и идет в сотый раз поглядеть на часы. Большая стрелка безжалостна! Она почти на прежнем месте.

— Отстают! — утешает себя Гриша и указательным пальцем подвигает стрелку вперед на семь минут.

Мимо часов бежит Коля. Он останавливается перед ними и начинает считать время... Ему ужасно хочется поскорее дожить до того момента, когда крикнут «ура!» Стрелка своей неподвижностью колет его в самое сердце. Он взбирается на стул, робко оглядывается и похищает у вечности пять минут.

— Подите, поглядите, келер этиль?¹ — посылает одна из барышень Копайского. — Я умираю от нетерпения. Новый год ведь! Новое счастье!

Копайский шаркает обеими ногами и мчится к часам.

— Черт подери, — бормочет он, глядя на стрелки. — Как еще долго! А жрать страсть как хочется... Катьку непременно поцелую, когда «ура» крикнут...

Копайский отходит от часов, останавливается... Подумав немного, возвращается и укорачивает старый год на шесть минут. Дядечкин выпивает два стакана воды, но... горит душа! Он ходит, ходит, ходит... Жена то и дело гонит его с кухни. Бутылки, стоящие на окне, рвут его за душу. Что делать! Нет сил терпеть! Он опять хватается за последнее средство. Часы к его услугам. Он идет в детскую, где висят часы, и наталкивается на картину, неприятную его родительскому сердцу: перед часами стоит Гриша и двигает стрелку.

— Ты... ты... ты что это делаешь? А? Зачем стрелку подвинул? Дурак ты этакий! Зачем это? А?

Дядечкин кашляет, мнетя, страшно морщится и машет рукой.

— Зачем? А-а-а... Да двигай же ее, чтоб она сдохла, подлая! — говорит он и, оттолкнув сына от часов, подвигает стрелку.

До Нового года остается одиннадцать минут. Папаша и Гриша идут в зал и начинают готовить стол.

— Малаша! — кричит Дядечкин. — Сичас Новый год!

Меланья Тихоновна выбегает из кухни и идет проверить супруга... Она долго глядит на часы: муж не врет.

— Ну, как тут быть? — шепчет она. — А ведь у меня еще горошек для ветчины не сварился! Гм. Наказание! Как я им подам?

И, подумав немного, Меланья Тихоновна дрожащей рукой двигает большую стрелку назад. Старый год получает обратно двадцать минут.

— Подождут! — говорит хозяйка и бежит на кухню. □

¹ Который час? (от франц. — Quelle heure est-il?).

Рождение

СЕВЕРНОЙ

Светлана
Бестужева-Лада

ВЕНЕЦИИ

«Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток. Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей по-

гибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. Иноземный путешественник, въезжая в государство, ищет столицы, обыкновенно, среди мест плодоноснейших, благоприятнейших для жизни и здравия; в России же он въезжает в пески, в болота, в песчаные леса сосновые, где царствует бедность, уныние, болезни. Там обитают государи российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы их царедворцы и стража не умирали голодом, и чтобы ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человек не одолеет натуры!»

Н.М. Карамзин

Город на плаву... Каких только названий и эпитетов не удостоивался Санкт-Петербург за сравнительно недолгую свою историю. Его постоянно сравнивают с другими великими городами, называя то Северной Пальмирой, то Северным Римом. Но чаще зовут Северной Венецией.

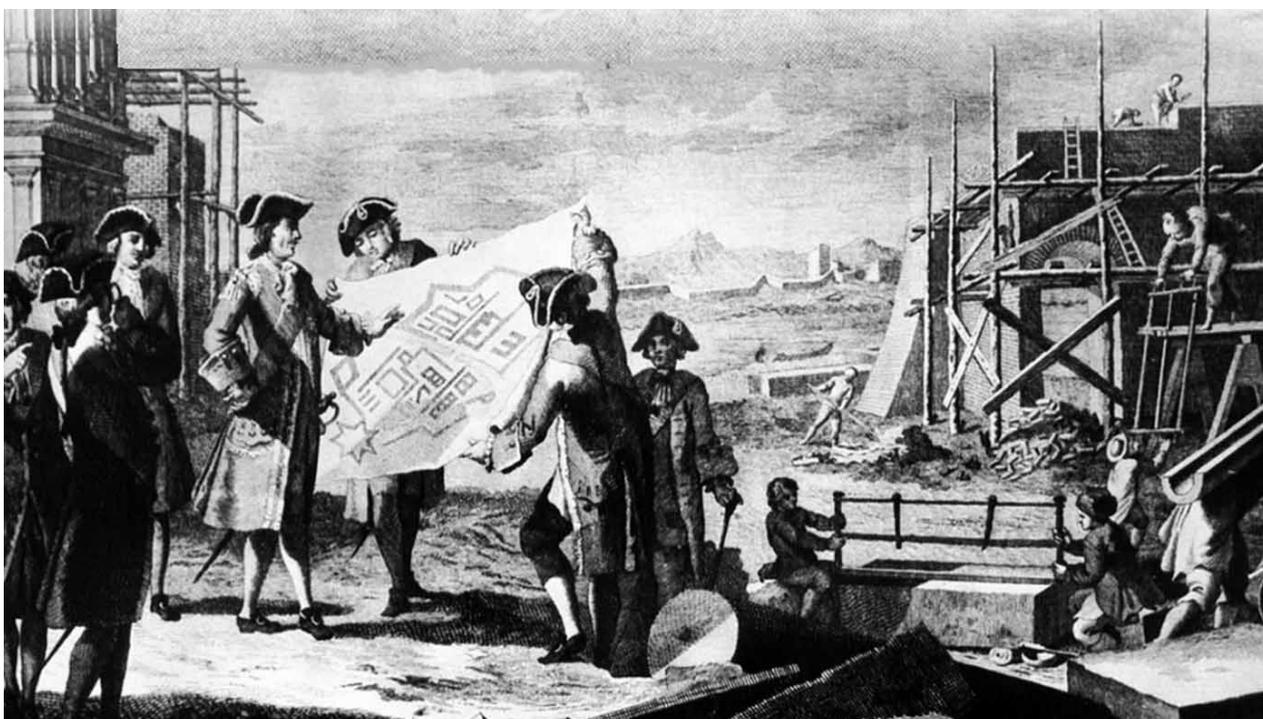
Потому что изначально Петербург планировался с оглядкой именно на Венецию. Вместо дорог — каналы, вместо повозок — лодки, вместо подъездов — причалы, и каждый житель — моряк.

Однако и без этих затей Петербург по праву считается одним из

самых «водных» городов в мире. Он расположен на 42 островах (когда-то их было более 100), омываемых более чем 80 реками, протоками и каналами. В городе более 300 мостов. И это, вкуче с итальянской архитектурой, позволяет ему гордо именоваться Северной Венецией.

Первоначально речь шла всего лишь о крепости на Заячьем острове для обороны невских рубежей от

Крепость была заложена 16 мая 1703 года, как свидетельствуют документы, относящиеся к этому событию. Свое первоначальное название Санкт-Питербурх она получила 29 июня того же года, в церковный праздник святых Петра и Павла. А позднее, когда был построен собор в честь Петра и Павла, она стала называться Петропавловской, название же Санкт-Петербург закрепилось за городом, возникшим во-

шведов. Для этого место было очень удобно. Остров находился у самого разветвления реки на два рукава, и крепость могла держать под обстрелом шведов, откуда бы они ни появились. Стратегические выгоды острова были, по-видимому, оценены Петром сразу же, и он немедленно приказал начать работы по возведению на нем крепости.

круг нее. В начавшей выходить при Петре первой русской печатной газете «Ведомости», в номере от 4 октября 1703 года, было напечатано:

«Его царское величество по взятии Шлотбурга (Ниеншанца) в одной миле оттуды, ближе к восточному морю, на острове новую и зело удобную крепость построить велел, в ней же есть 6 бастионов, где работали

20 тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское именование, прозванием Питербургом, обновити указал».

Апостол Петр, по христианскому преданию, был хранителем ключей от рая, и это тоже казалось русскому царю символичным: город, носящий имя его небесного покровителя, должен был стать ключом от Балтийского моря, «окном в Европу» — способствовать вхождению

Заложенный как крепость, Санкт-Петербург уже в 1712 году становится столицей России, оставаясь ею более двухсот лет (до 1918 г.). Первые городские постройки преследовали, прежде всего, оборонительные цели. Жилые домики были вначале совсем примитивными. Сразу же после закладки крепости на берегу Невы за три дня был срублен деревянный дом для Петра. Царь захотел, чтобы его новое жилище походило

России в более живую и тесную связь с общеевропейской жизнью. Царь-реформатор был настолько увлечен этой идеей, что приказал подарить пятьсот золотых червонцев капитану первого же иностранного корабля, который придет в новый город. Что и было впоследствии исполнено — к немалой, надо полагать, радости капитана.

на полюбившиеся ему голландские постройки, поэтому стены деревянного дома масляной краской расписали под кирпич. Петр жил в этом доме недолго и только летом, но в память об основателе Петербурга домик Петра сохранен до сегодняшнего дня.

Впрочем, царь всегда испытывал необъяснимое отвращение к пыш-

ным дворцам и обожал маленькие каморки с низкими потолками — одно из самых невинных его чудачеств в достаточно длинном списке оных.

Однако уже очень скоро строительство приобрело большой размах, начало вестись более планомерно под руководством профессиональных архитекторов. В отличие от городов Древней Руси, развивавшихся стихийно и длительно,

В это же время были разработаны «образцовые» проекты домов для различных слоев жителей: «именитых», «зажиточных» и «подлых». К сожалению, изображения и подробные описания этих «образцовых жилищ» не сохранились, а до массового их строительства руки не дошли.

В 1716 году был утвержден первый план застройки Санкт-Петербурга, исполненный архитектором Доменико Трезини, работавшим в го-

Петербургу создавался в исторически короткий срок по регулярному плану. В целях ускорения строительства был принят указ, воспрещающий возводить где-либо помимо Петербурга каменные дома. Каменщики были вынуждены ехать на работы только в Петербург. Кроме того, с каждого въезжавшего в город воза брался «каменный налог»: надо было привезти с собой определенное количество камня или же заплатить специальный сбор.

роде со времени его основания. По этому плану, согласно желанию Петра, центр столицы предполагался на Васильевском острове, омываемом двумя главными рукавами невольской дельты. Весь остров должен был пересекаться прямоугольной сетью улиц-каналов — идея, особенно полюбившаяся Петру, который уже мысленным взором видел гондолы, скользящие по застроенному образцовыми домами острову.

Увы, затея так и не была доведена до конца и долго еще многострадальные жители Васильевского острова вынуждены были не входить, а пробираться в свои дома через глубокие рвы и высокие насыпи. Но спорить с царем относительно разницы климатов Венеции и Санкт-Петербурга и некоторого неудобства передвижения по каналам в период ледохода желающих не находилось.

Еще в ноябре 1704 года на левом берегу Невы напротив Васильевского острова состоялась закладка судостроительной верфи. Место для нее Петр I выбрал сам, предварительно обследовав берега невской дельты.

Необходимость построить верфь рядом с Финским заливом была для царя очевидной: до этого русские боевые корабли сооружались в Лодейном Поле, а потом их нужно бы-

В 1716 году был утвержден первый план застройки города, исполненный архитектором Доменико Трезини, работавшим в Санкт-Петербурге со времени его основания. По этому плану, согласно желанию Петра, центр столицы предполагался на Васильевском острове, омываемом двумя главными рукавами невской дельты. Весь остров должен был пересекаться прямоугольной сетью улиц-каналов — идея, особенно любимая Петру

В том же 1716 году в Петербург приехал французский зодчий Жан-Батист Леблон, который был назначен главным архитектором города. Организующим началом стал водный простор Невы и ансамбль Петропавловской крепости, центральная часть сложилась к юго-востоку от Невы вдоль основных дорог, образовавших «трезубец» главных магистралей (Невский и Вознесенский проспекты, Гороховая улица), которые веером расходились от Адмиралтейства.

ло привести в Петербург через бурную Ладогу и по Неве. Не все корабли доходили до столицы из-за штормов, и даже те, что прибывали в Петербург, часто требовали ремонта.

О знаменательном моменте закладки новой верфи сохранилась запись самого Петра:

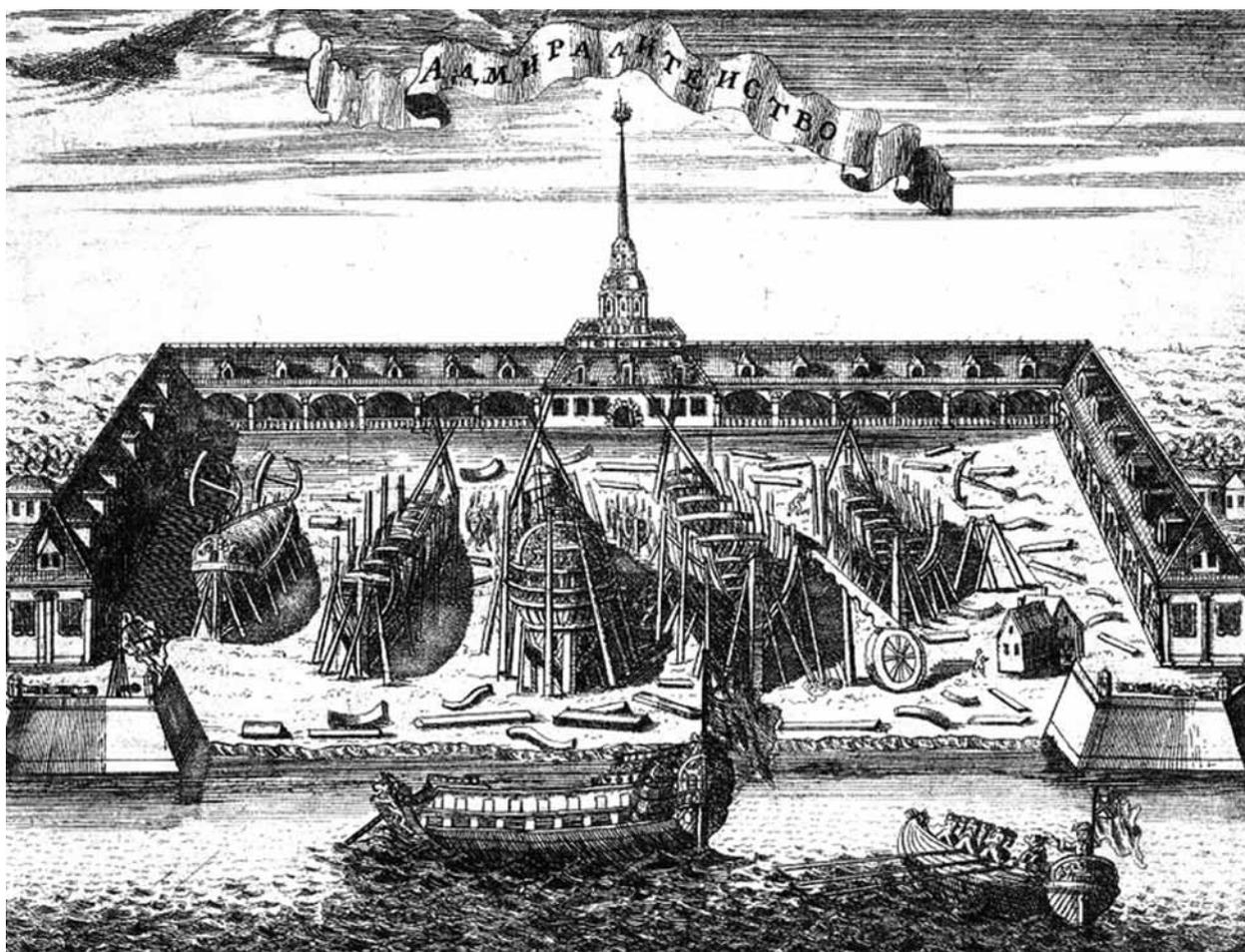
«Заложили Адмиралтейский дом и были в остерии и веселились, длина 200 сажен, ширина 100 сажен».

Жители Санкт-Петербурга часто недоумевают, почему здание Две-

надцати коллегий было построено не вдоль набережной Невы, а перпендикулярно к ней. Ведь оно всегда обладало большой общественной значимостью и могло бы стать композиционным центром Университетской набережной. Существует легенда, объясняющая это странное расположение здания.

тров, по замыслу архитектора должно ориентироваться фасадом на Неву. Он понял, что в этом случае на набережной, считавшейся наиболее фешенебельной частью города, не останется места для его собственного дворца.

Меншиков не мог допустить этого. Он непременно хотел построить

Петр Первый, вынужденный уехать из строящегося Петербурга, поручил своему ближайшему помощнику Александру Меншикову наблюдать за ходом строительства Двенадцати коллегий. Ознакомившись с планом, Меншиков увидел, что здание, длиной почти в 400 ме-

на набережной свой особняк, и возведение здания Двенадцати коллегий явно мешало его планам. Тогда он приказал построить Двенадцать коллегий не вдоль набережной, а перпендикулярно к ней, и на освобожденном месте заложил собственный дворец.

Когда Петр Первый вернулся и увидел, как расположено здание Двенадцати коллегий, он пришел в ярость. Строительные работы находились уже в самом разгаре, и остановить их не представлялось возможным. В гневе Петр даже хотел казнить Меншикова, но потом передумал, и дело ограничилось крупным штрафом в государственную казну.

Эта легенда о здании Двенадцати коллегий и его величественном соседе — дворце Меншикова у многих вызывает сомнения. Некоторые историки указывают на то, что фасад Двенадцати коллегий хотели ориентировать на центральную площадь города, но позднее планировку Петербурга изменили, а здание уже было построено.

Еще одна крайне живучая легенда — гибель чуть ли не миллионов подневольных рабочих на строительстве нового города. В большинстве своем эти выводы базировались на свидетельствах иностранцев, мало владевших реальной ситуацией и, вероятно, не питавших особых симпатий к России и ее царю-реформатору. Но даже они оценивали количество людских потерь в пределах от 30 до 100 тысяч, а столь массовая гибель людей не могла пройти бесследно.

Для подтверждения этой гипотезы в 1950-х годах археолог А.Д. Грач провел систематические раскопки с целью обнаружить места массового захоронения «жертв царизма», однако вместо братских

могил он обнаружил огромные выгребные ямы, в которые закапывались пищевые отходы — кости многочисленной скотины, которая пошла на пропитание строителей новой столицы.

Строительство города с 1704 по 1717 год в основном выполнялось силами «рабочих людей», мобили-

зованных в рамках натуральной трудовой повинности. Они валили лес, засыпали болота, строили набережные. Было вызвано из разных губерний до 40 тысяч рабочих людей, в основном крепостных крестьян. Работы велись преимущественно «вахтовым методом» — мобилизованный

50 копеек в месяц, а вместо остальной суммы им выдавалось «хлебное жалованье». Позднее жалованье стали выдавать полностью деньгами.

Тем не менее, в 1707 году сбежало много работников, направленных в Санкт-Петербург из Белозерского края. Петр I приказал взять членов семей бежавших — их отцов, матерей, жен, детей, «или кто в домах их живут», и держать в тюрьмах, пока беглецы не будут отысканы. Так что ужасов, расписываемых

В ***опреки распространенным легендам, работа строителей Санкт-Петербурга оплачивалась. Труд оценивался в 1 рубль в месяц (стандартная плата за работу в тот период). Однако первоначально строители получали лишь 50 копеек в месяц, а вместо остальной суммы им выдавалось «хлебное жалованье». Позднее жалованье стали выдавать полностью деньгами***

работник отработывал два-три месяца, после чего возвращался домой. Количество людей, ежегодно высылаемых на строительство, было не менее 24 тысяч.

Вопреки распространенным легендам, работа строителей оплачивалась. Труд оценивался в 1 рубль в месяц (стандартная плата за работу в тот период). Однако первоначально строители получали лишь

позже в самых мрачных красках, не было, но и особой гуманности тоже не наблюдалось.

После 1717 года трудовая повинность сменилась денежным налогом, а строительство города стало вестись исключительно силами вольнонаемных рабочих.

Труднее всего шло строительство верфи. Тысячи рабочих в тяжелых условиях, болея и умирая, работали

здесь от зари до темна. Большое наводнение 1705 года прервало работы и причинило новой крепости огромный ущерб — как материальный, так и в людских жизнях. Но, несмотря на все трудности, в апреле 1706 года на воду было спущено первое судно — 18-пушечный корабль, конструкция которого приписывается Петру. На берегах Невы появилась верфь — крепость, построенная по всем правилам фортификации того времени.

В 1719 году Адмиралтейскую верфь стали расширять, причем

ралтейство было крупнейшим судостроительным предприятием Петербурга. Кроме того, его башня стала играть роль архитектурного центра молодой столицы: отсюда к Александро-Невскому монастырю была прорублена дорога.

Первыми жителями города становились солдаты и матросы, обитатели местных русских и «чухонских» (финских) деревень, позже основу составили переведенцы (люди, которых принудили переехать в Петербург) из других регионов

строительство решили вести из камня. Тогда и появился в центре главного здания шпиль с корабликом наверху, ставший впоследствии одним из символов города.

Получилось так, что в боевых целях Адмиралтейская верфь никогда не использовалась, а после заключения Ништадтского мира она потеряла всякое оборонное значение. К концу царствования Петра Адми-

страны. Ко многим предприятиям приписывались целые крестьянские дворы, которые должны были отправлять людей на работы, за что полагалось жалование — достаточно, кстати, высокое. Но, несмотря на это, желающих было мало.

Частично это объяснялось еще и тем, что Петр, одержимый манией судоходства, категорически запретил возводить в новом городе мо-

сты: пусть народ привыкает культурно ездить в лодках и ходить на яхтах. Зимой, конечно, было легче: все реки, каналы и каналы, а также часть Финского залива прочно замерзала, и можно было передвигаться на санях. Но вот с ранней весны до поздней осени...

Практически вся деятельность царя Петра I в той или иной мере была направлена на насаждение морских традиций. Все петровские резиденции стояли вплотную к воде, а

данным, число жителей к 1725 г. определялось в 25-30 тысяч человек. Однако, исходя из числа домов и средней заселенности одного дома, можно предположить, что число обитателей столицы в 1725 г. составляло примерно 40 тысяч человек, из них не менее 20 тысяч были заняты производительным трудом.

Петру потомки обязаны также появлением одного из и поныне красивейших мест города. Всего через год после основания Петербурга,

Летний дворец и Подзорный дворец омывались невскими водами с нескольких сторон.

Отсутствие статистических данных о населении Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в. не дает возможности установить сколько-нибудь точно тогдашнее количество жителей столицы. По позднейшим

в 1704 году, на болотистом берегу Невы напротив Петропавловской крепости по приказу Петра начались работы по разбивке большого парка, который получил романтическое название «Летний сад». Отведенная для этого территория тянулась от Невы до современного Невского проспекта, но за триста с лишним лет центр

Петербурга изменился настолько, что Летний сад теперь — лишь зеленый остров, который окружают Фонтанка, Мойка, Лебяжья канавка и Нева.

Летний сад создавался в модном тогда в Европе «регулярном стиле». Аллеи в таких парках располагались симметрично, сходились и расходились, образуя площадки правильной геометрической формы, на пересечении аллей устанавливали скульптуры и фонтаны, из зелени создавали причудливые беседки, галереи, лабиринты. Сад украшали южные растения, высаженные в специальные кадки, партеры с яркими цветами, фигурные клумбы.

Летний сад делился каналом на две части: парадную и хозяйственную. Парадная часть примыкала к Неве, здесь при жизни Петра летом проходили ассамблеи и торжества в честь побед в Северной войне. В боковых аллеях накрывали столы, а в самой большой средней устраивали танцы. Аллеи были украшены скульптурами, которые по приказу Петра доставили в Петербург из Италии. Царь хотел, чтобы скульптуры стали не просто украшением парка, но и способствовали просвещению гостей: каждая из них олицетворяла какое-то понятие — времена года, стихии, время суток, кроме того, некоторые скульптуры изображали героев античных мифов.

В южной части парка, считавшейся хозяйственной, находились каменная галерея, скульптурная ма-

стерская, теплицы, пруд, где разводили карпов, здесь росли фруктовые деревья, были устроены грядки с «поваренными травами». Петр называл эту часть сада царским огородом.

В Летнем саду был выстроен и первый дворец русского царя. Сначала деревянный дом, а в 1712 году по проекту архитектора Доменико Трезини возвели каменный дворец, который можно увидеть в Летнем саду и сегодня. Он выглядит очень просто и строго, его украшают лишь барельефы на фасадах, выполненные по мотивам античной мифологии и прославляющие победы России над Швецией в Северной войне. Особой достопримечательностью Летнего сада были фонтаны.

Некоторые из них находились в «зеленых лабиринтах», в боковых аллеях, а в центре сада устроили самый большой пятиструйный фонтан. Фонтанные водоемы отделывали мрамором, раковинами, их украшали мраморные или даже позолоченные статуи, бюсты, вазы. Воду для фонтанов с помощью специального устройства подавали из Безымянного Ерика, поэтому за этой рекой быстро закрепилось название «Фонтанная река», а потом и просто «Фонтанка».

К сожалению, катастрофическое наводнение 1777 года полностью уничтожило фонтаны в Летнем саду, и их восстановили только в 2012 году.

Рядом с Летним садом находился Большой луг, там устраивали смо-

тры войск, фейерверки, праздновали знаменательные события. Теперь это место знакомо всем как Марсово поле, а тогда это был действительно луг.

Созданный по замыслу Петра I Александро-Невский монастырь на долгие годы стал центром духовной жизни Санкт-Петербурга. Чтобы придать новой российской столице особую значимость, Петр I задумал

рическая Невская битва, в которой новгородцы, возглавляемые князем Александром, одержали победу. Именно после этого сражения Александра стали называть Невским.

Первое упоминание о новом монастыре относится к 1710 году, когда царь выбрал для него место. Строительные работы начались в феврале 1712 года, а уже через год на берегу небольшой Черной речки появилось

увековечить здесь имя Александра Невского — выдающегося русского полководца и государственного деятеля, которого любили и чтили по всей России. С его именем решили связать создание нового монастыря на берегу Невы, ведь недалеко отсюда в 1240 году произошла исто-

первое здание — деревянная церковь «во имя Благовещенья».

Именно от этой даты ведется официальная летопись Александро-Невской лавры. К 1714 году построили монашеские кельи, еще через несколько лет появился каменный монастырский городок. Автором

композиционного плана Александро-Невского монастыря стал Доменико Трезини, и его проект на многие десятилетия определил принципы построения монастырского ансамбля.

Монастыри на Руси традиционно старались укрепить, обезопасить от внезапных военных вторжений, но, по замыслу Петра, новый монастырь должен был выглядеть по-другому: здесь не было могучих стен, которые

хоронить видных государственных деятелей. Первым в 1718 году похоронили Ф.Ю. Ромодановского, вслед за ним — фельдмаршала Б.П. Шереметева. Несмотря на то, что Шереметев при жизни завещал похоронить себя в Киево-Печерской лавре, Петр посчитал, что тело знаменитого полководца, с именем которого связаны многие победы Северной войны, должно покоиться в столице.

превращали обитель в крепость, его фасад выходил к Неве и был украшен балюстрадой с вазами и цветником. Все это делало монастырский комплекс более светлым и парадным.

Петр задумал сделать главный монастырь столицы своего рода пантеоном — здесь должны были

В 1720 году при монастыре открыли Славянскую школу, ставшую позже Славяно-греко-латинской академией. В том же году здесь заработала типография, в которой были напечатаны знаменитые «Букварь учебный...» Ф. Прокоповича, «Слово похвальное о флоте российском и о по-

беде на море» и «О Полтавской и Гангутской победах» Г. Ягужинского.

Монастырский комплекс строился быстро, и скоро стало ясно, что для его развития необходима хорошая связь с центром города, с его Адмиралтейской частью, а также прямое сообщение со старой Новгородской дорогой. В 1712 году от монастыря к Адмиралтейству проложили прямую и широкую, как тогда писали, «перспективную дорогу», которая стала предшественницей Невского проспекта и какое-то время даже называлась «Невской перспективой».

30 августа 1724 года, ровно через три года после заключения Ништадтского мира, состоялось торжественное освещение церкви «во Имя Александра Невского». Именно здесь установили привезенную в Петербург гробницу с прахом князя Александра Невского. На торжественной церемонии присутствовал сам царь, и это событие стало еще одним подтверждением столичного статуса Санкт-Петербурга.

В 1714 году в Петербурге появился первый в России музей, который назвали на немецкий манер «Кунсткамерой», то есть «кабинетом редкостей». Первыми экспонатами музея стали предметы личной коллекции самого Петра, их перевезли в новую столицу из Москвы и разместили в Летнем дворце царя в Летнем саду. Основу этого собрания редкостей составили предметы, которые Петр привез из Европы во время поездки с Великим Посоль-

ством: это были минералы, изделия из камня, слоновой кости, сандалового дерева из Индии, других азиатских стран, в коллекцию входило также собрание анатомических препаратов голландского анатома Рюйша.

Дополнял уникальное собрание огромный Готторпский глобус — своеобразный маленький планетарий, внутри которого можно было наблюдать движение звездного неба. Этот необычный подарок Петр получил в Европе от герцога Голштинского.

Небольшой Летний дворец не мог стать настоящим хранилищем для уникальной коллекции: очень скоро отведенное для нее помещение стало тесным. «Кабинет редкостей» решили перевести в отдельное здание. Новым музейным помещением в 1718 году стали так называемые Кикины палаты — дом, конфискованный у опального вельможи Александра Васильевича Кикина. Теперь появилась возможность расставить все ценные предметы коллекции так, чтобы их можно было свободно рассматривать, и первый российский музей стал публичным. Сюда же привезли царскую библиотеку редких книг, как русских, так и на иностранных языках. Здесь же появилась первая химическая лаборатория.

Стремясь к тому, чтобы редкостей в музее становилось все больше, Петр издал специальный указ, в котором говорилось:

«Если кто найдет в земле или на воде какие старые вещи, а именно:

каменя необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, как у нас ныне есть... да зело велики или малы перед обыкновенными, также старые надписи на камнях, железе или меди...»

Со всей России в музей стали поступать новые экспонаты, а те, кто бывал за границей, должны были привозить оттуда разные диковинные предметы.

в 1726 году. (Специальное помещение на третьем этаже отвели для огромного Готторпского глобуса.)

Открытие Кунсткамеры в комплексе с библиотекой в новом великолепном здании стало важным событием для страны. По сути, еще нигде в Европе не было ничего подобного. Кунсткамера стала настоящим украшением молодой столицы и местом, куда непременно ста-

В 1720 году при монастыре открыли **Славянскую школу, ставшую позже Славяно-греко-латинской академией. В том же году заработала типография, в которой были напечатаны знаменитые «Букварь учебный...» Ф. Прокоповича, «Слово похвальное о флоте российском и о победе на море» и «О Полтавской и Гангутской победах» Г. Ягужинского**

Петр по-настоящему гордился своим детищем и хотел, чтобы первый российский музей находился в центре столицы, рядом с правительственными зданиями. Поскольку при жизни Петра городским центром планировали сделать Васильевский остров, именно здесь в 1718 году началось строительство нового здания Кунсткамеры. К сожалению, сам Петр не успел увидеть его законченным: строительство шло очень медленно. Коллекции в новую Кунсткамеру перевели

рались привести всех важных гостей Петербурга.

В 1704 году началось строительство крепости Кроншлот (Кронштадт) на острове Котлин, и Петру часто приходилось приезжать туда. Дорога шла сначала по суше, вдоль южного берега Финского залива, а затем по морю. Для отдыха царя в 30 километрах от Петербурга устроили мызу, которая получила название «Петергоф» — «Петров двор». Через несколько лет на берегу залива царь решил строить парадную загород-

ную резиденцию, которая стала именоваться так же — «Петергоф». Перед дворцом должен был раскинуться огромный прекрасный парк с прудами и фонтанами. Петр с большим вниманием следил за строительными работами, сохранились собственные наброски и чертежи царя, в которых он сам определил композиционный план Нижнего парка.

По сути, этот план и был осуществлен: от залива к террасе с главным

жала кого-то из античных богов, героев, которые аллегорически «рассказывали» всем пришедшим в парк о могуществе России, о главных победах в войне со Швецией, о господстве России на море.

В центре бассейна, перед каскадом, поместили главный фонтан Петергофа — «Самсон, раздирающий пасть льва», который стал памятником победе в сражении под Полтавой — главной победе Северной

петергофским дворцом вел канал, деливший парк на две почти симметричные части. По этому каналу гости, которые приплывали в Петергоф по заливу, могли так же по воде на своих судах подойти к самому подножью дворца. Терраса перед центральным дворцовым фасадом была украшена великолепным каскадом фонтанов со скульптурами, при этом каждая скульптура изобраа-

войны, ведь, как известно, Полтавская битва произошла 27 июня 1709 года, в день святого Самсония.

В обе стороны от Морского канала расходились прямые аллеи, по сторонам которых росли деревья и кустарники с кронами правильной геометрической формы, места пересечения аллей украшали скульптуры и фонтаны. Именно фонтаны стали главным чудом Петергофа. И в этом

тоже был символический смысл, ведь укрощенная вода олицетворяла господство России на пространстве Балтийского моря.

Официальное открытие летней резиденции состоялось в августе 1723 года. Император и гости прибыли в Петергоф из Кронштадта, где проходил большой морской парад. По воспоминаниям присутствовавших на этом приеме, гости прибыли во дворец по морскому каналу, при

ских дворцах и парках, хотя эти действия Петра были куда более важны не только для Петербурга, но и для России в целом.

1709 г. — в Петербурге при кирхе св. Петра создается первая в России государственная школа.

1711 г. — начинает работать первая типография, выполнявшая и функции издательства.

1713 г. — открыты первая в стране общедоступная библиотека и

этом флотилия, пришедшая в Петергоф, насчитывала 115 судов! Петр сам с гордостью показывал гостям дворцы и фонтаны. А вечером состоялся грандиозный фейерверк. Цель Петра — удивить, поразить иностранных гостей великолепием и роскошью своей резиденции — была достигнута.

А вот о чем написано и известно несравненно меньше, чем о петров-

первая книжная лавка, основан Ботанический сад, начал работать придворный театр.

1714 г. — царь «для детей дворянских и приказных учреждает арифметические школы в домах архиерейских и монастырских», создается Морская академия.

1715 г. — учреждена Школа словесных наук, построена стеклянная фабрика.

1716 г. — открыта Медицинская школа, основаны шпалерная мануфактура и мануфактура по производству шелковых тканей, затем три бумажные мануфактуры, четыре типографии и множество других заводов и фабрик.

1718 г. — появляется первая в России бумажная фабрика.

1719 г. — открыта Инженерная школа.

Кто бывал в Санкт-Петербурге, понимает, что город не зря носит поэтическое название «Северная Венеция», он буквально пронизан водной сетью.

Французский путешественник Теофиль Готье в 1859 году первый сравнил Петербург с Венецией. В своей книге «Путешествие в Россию» он писал: *«Многочисленные каналы бороздят город, выстроенный, словно северная Венеция, на многих островах».*

Наконец, в 1724 году была основана Академия наук, включающая в себя и гимназию, и университет, и музей. Создавая Академию, Петр преследовал две цели: развивать в России научную деятельность и готовить собственные, национальные кадры ученых.

Со смертью Петра I в 1725 году и его вдовы императрицы Екатерины Алексеевны в 1727 году развитие города не остановилось, но существенно замедлилось до восшествия на престол дочери Петра Елизаветы.

Но... Венеция не убивала своих создателей, да и строилась она постепенно, неторопливо — веками. А любимое детище Петра в прямом смысле погубило его: согласно одной из версий, император смертельно простудился, когда спасал из ледяной невской воды матросов во время очередного крупного наводнения. Город отплатил своему «отцу» черной неблагодарностью, как слишком часто, увы, бывает в жизни. Воистину, ни одно доброе дело не остается безнаказанным... □

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Меня зовут Елена Сергеевна Шпикина, по профессии я — учитель математики и информатики. 29 лет проработала директором средней школы в северном селе Замежная республики Коми. У вас прекрасный, добрый, качественный журнал, который я выпиываю с 1980 года, а до этого выпиывали мои родители. Ни разу мы не отказались от подписки, даже в недобрые 90-е годы. Хочется пожелать вам дальнейших успехов и поделиться горем, которое пришло в нашу семью: скоропостижно скончался на работе мой любимый и единственный младший брат. Ему было всего 48 лет. По профессии он киноинженер, работал инженером по телекоммуникациям в небольшом северном городе Инте. Он был замечательным человеком и классным специалистом. Друзья и сослуживцы полушутя называли его «Гением». Он прекрасно играл на гитаре, делал великолепные композиции на музыкальном синтезаторе. Ни разу за всю свою жизнь брат не был на больничном, и так неожиданно умер. В память о нем я хочу попросить вас опубликовать в вашем журнале свое стихотворение. Очень хочу, чтобы о моем брате, солнечном, добром, скромном и очень талантливом человеке, прочли люди. Нам без него горько.

*Ваш давний и преданный
подписчик **Е.С. Шпикина***

Моему любимому брату Шпикину Алексею Сергеевичу посвящается...

Я прошу тебя вернуться
Струн гитарных перебором
И твоей любимой песней
О пылающем костре...
Я прошу тебя вернуться
Задумчивым разговором,
Чтобы под гитару вместе
Встретить солнце на заре...
Я прошу тебя вернуться
Телефона звонкой трелью,
Твоей «фирменной» улыбкой
С ямочкою на щеке...
Я прошу тебя вернуться
Широко открытой дверью,
С теплой мартовской каплейю,
С «зайцем солнечным» в руке...
Я прошу тебя вернуться
Увлеченностью работой,
И конструкторским талантом,
И фонтанами идей...
Я прошу тебя вернуться
Твоей преданной заботой,
Тонким слухом музыканта,
Светлой верою в людей...
Я прошу тебя вернуться
За рассветом, за закатом...
Я прошу тебя вернуться
Вслед за стаей журавлей...
Пусть твердят мне, что ушел ты
Безвозвратно... Безвозвратно?
Я не верю. Возвращайся!
Возвращайся
Поскорей... □

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Благодарим всех, кто принял участие в конкурсе. В очередной раз приятно удивлены, что среди вас так много не просто любителей поэзии, но и самых настоящих поэтов. Естественно, мы смогли опубликовать за год всего лишь двенадцать авторов, а так как писем от вас осталось «за бортом» еще огромное количество, в 2014 году мы продолжаем Конкурс. Присылайте свои стихи по почтовому и электронному адресам, указанным в журнале.

МИГ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Давай на миг забудем, кто мы есть.
Всего на миг отключим мозг от тела.
Забудем всех, кто между хочет
влезть,
Пусть нам до них сейчас не будет
дела.
Пусть Дух любви взорвет
несмелый ум,
Взрывной волной поднимет над
вселенной.
И станем мы свободными от дум,
От суеты и жизни нашей брэнной.
Мы в Вечности увидим светлый лик.
Мы сами превратимся в эту
Вечность.
Для всех вокруг пусть это будет миг,
Для нас с тобою будет
Бесконечность.

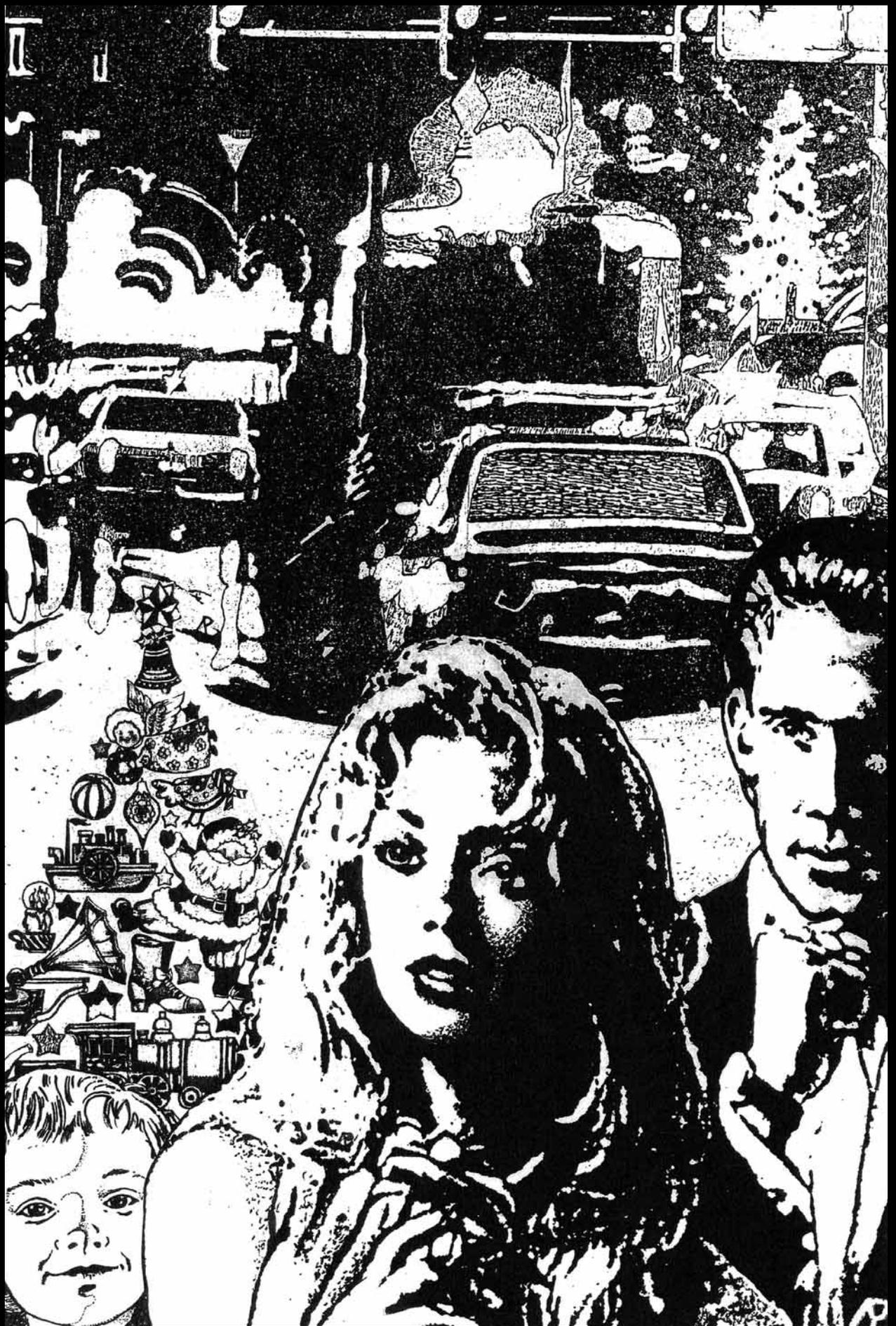
ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА

Все вокруг так душевно, красиво,
Много разных хороших людей.
Только все же бывает тоскливо,

Не хватает мне ярких огней.
Не хватает лучистого света,
Не хватает размашистых фраз,
Не хватает мне теплого лета
Из твоих удивительных глаз.
И хочу окунуться я в память,
Я желаю доплыть до «вчера».
Не доплыть, не схватить,
не поправить,
И проснемся мы завтра с утра.
Но я знаю, я твердо уверен,
«Завтра» даст всем нам нужный
ответ!
Посему остаюсь себе верен.
Прочь из сумрака в солнечный свет!

ТВОИ ГЛАГОЛЫ

Ты плачешь, ты печалишься, смеешься.
Ворчишь, боишься, злишься иногда.
Ты ждешь, ты неподвижна.
Ты несешься,
Тревожишься, сбегаешь как всегда.
Ласкаешь, любишь, ждешь
и обнимаешь.

Смоленский регтайм

Около десяти часов утра тридцать первого декабря, когда вся Москва в предчувствии следующей бессонной ночи еще отсыпалась после состоявшихся накануне корпоративных вечеринок, в кассовый зал Белорусского вокзала вошел молодой человек лет тридцати. Серые глаза в обрамлении густых длинных ресниц, в сочетании с темными волосами и волевым подбородком, должны были сводить с ума влюбчивых молодых и не очень женщин.

Молодой человек подошел к свободной кассе, снял меховую фуражку с опускающимися ушами и обратился к кассирше, уже десять секунд назад потерявшую сонную вальяжность и сидевшую на краешке кресла, выпрямив спину, расправив плечи и инстинктивно втянув живот, хотя ее талию и так не было видно за окошком. Мягким голосом, который, несомненно, использовался как контрольный выстрел для пораженных с первого взгляда представительниц прекрасного пола, молодой человек произнес:

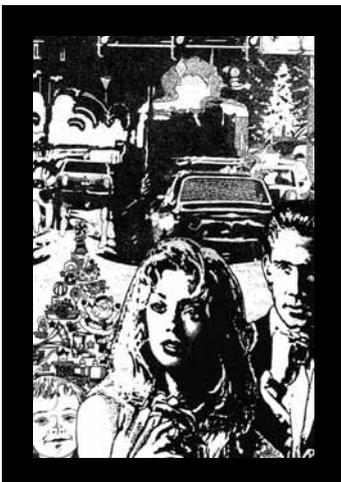
— Милая девушка, не могли бы вы подобрать что-нибудь на ближайший поезд до Смоленска?

— Разумеется, — улыбнулась в ответ кассирша.

Пальцы запорхали по клавишам.

— Ближайший поезд через час. Вам в купе или в плацкарт?

Расплатившись и оставив девушке на память очаровательную улыбку, молодой человек отправился в зал ожидания на второй этаж, где с пользой провел оставшееся до отправления поезда время. Сначала выпил в буфете кофе с бутербродами, затем, позвонив в Смоленск, забронировал номер в гостинице «Центральная» и, наконец, купил несколько свежих газет.

Через пять часов он вышел из купейного вагона на перрон около массивного зеленого здания вокзала. Проводница в темно-синем форменном пальто, с огромной рыжей копной волос вместо головного убора весело смеялась, перебрасываясь с ним обычными любезностями, принятыми при расставании вежливых проводников и не менее вежливых пассажиров, а потом долго смотрела ему вслед, думая о том, насколько приятной бывает иногда работа проводницы.

На площади молодого человека встретили акулы извозного бизнеса, обитающие на любом вокзале страны и заламывающие с приезжих за услуги в два раза больше, чем водители официально зарегистрированных компаний, вызываемые по телефону. Но молодой человек не знал этих номеров, поэтому безропотно выложил нужную сумму, и ровно через пять минут вылез из старенького, но вполне добротного «форда» у подъезда гостиницы.

В холле администраторша мгновенно превратилась в добрую и отзывчивую хозяйку, хотя до этого с ее лица не сходило выражение несчастной служащей, несправедливо назначенной вредным начальством дежурить в новогоднюю ночь.

Бросив в номере небольшую дорожную сумку, в которой ничего кроме теплого пушистого свитера, несессера да запасного белья не было, молодой человек вышел из гостиницы, имея намерение вернуться уже в следующем году. Он проспал почти четыре часа в поезде и чувствовал, что дорога совсем не утомила — он бодр и полон сил.

Небольшой парк начинался практически от порога гостиницы. Гуляя по аллеям, молодой человек обнаружил интересное кафе с патристическим названием «Русский двор». Стекло, современный декоративный камень, фотодиодные двери, фаст-фудовская система обслуживания гармонично сочетались с отделкой, выполненной резьбой по дереву, балалайками на стенах, матрешками, размером как с ладонь, так и в человеческий рост, рас-

ставленными по всему залу, изразцами, цветными витражами, деревянными столами и лавками. Находясь в зале, молодой человек понял, что, хотя раздача и носила следы макдональдсовской культуры, здесь его не будут кормить на скорую руку, а будут по-настоящему потчевать.

Он выбрал фирменный салат, куриные крылышки, шашлык, порцию блинов с вареньем, понимая, что больше не съест и остальное придется пробовать в следующий раз, и два стаканчика медовухи.

После обеда молодой человек отправился гулять по городу и вышел на широкую площадь. Она занимала обширную территорию, на которой разместилось несколько скверов. Архитектуру зданий — серый куб «Детского мира», несколько невысоких массивных домов сталинской эпохи, двухзальный кинотеатр шестидесятых годов — можно было назвать заурядной, если бы не одно весьма важное обстоятельство. Рядом с кинотеатром возвышался фрагмент мощной крепостной стены, башня которой удивительно походила на подводный ракетоносец, непонятно по каким причинам всплывший посреди Среднерусской возвышенности. Зубцы дополняли картину, поскольку напоминали застывших в строю подводников.

Молодой человек направился вдоль стены по узкой дорожке, протоптанной в снегу. И, коснувшись рукой кирпичей, уложенных четыре века назад, вдруг понял, чем показавшаяся на первый взгляд неказистой смоленская крепостная стена отличается от хорошо знакомой московской Кремлевской. Точно тем же, чем офицер, не раз принимавший бой с превосходящими силами противника и оборонявший позиции до последнего патрона, отличается от штабного — с безупречной выправкой, всегда в парадном мундире, но нюхавшего порох только на стрельбище.

— Мама, а почему я сегодня не у бабушки? — задал абсолютно законный вопрос Темка, когда они с Анной вышли из дома, где жила Алевтина.

— А бабушка уехала в Брянск, я тебе говорила утром, не помнишь?

— Нет, не помню.

Еще бы запомнил, такой сонный, чуть из салазок не вываливался, когда утром Анна везла его к Алевтине.

Конечно, тридцать первого декабря работают только полные дуры или матери-одиночки, у которых каждая десятка на счету. А здесь оплата по двойному тарифу, да еще шеф обещал сотню сверху подкинуть.

Когда перешли дорогу, Темка начал дергать Анну за руку:

— Мама, давай с горки прокатимся!

— Артем, какая горка?! Нам домой скорее надо, столько дел!

— Мамочка, только один разочек. Мы не к парку, мы к стене съедем, чтобы на трамвай ближе было. Это аргумент?

Анна поняла, что на горку лезть придется, иначе как научить мужчину разговаривать на языке аргументов, и, сдаваясь, согласилась:

— Ладно, только ты должен сказать, как эта горка называется. Я тебе говорила.

— Шейный бастион, — прокричал Темка, стремительно рванувшись вверх по обледенелым, выбитым в склоне следам, волоча за собой салазки.

— Шеинов! — поправила Анна и, вздохнув, отправилась вслед за сыном.

Конечно, всем известно, если какая-нибудь пакость может произойти, то она непременно произойдет. Когда Анна с Артемом поехали вниз, метра через три крутизна склона резко увеличилась, и стало видно, что желобок, который они выбрали для спуска, приводит к довольно приличному трамплину.

На всю округу разнесся отчаянный, наполненный детским ужасом и одновременно весельем, крик:

— Тормозю-ю-юй!

После трамплина спуск шел вдоль дорожки, огибающей крепостную стену. По закону подлости, именно в это время по ней шествовала дородная дама. В одной руке она небрежно держала за поводок вымуштрованного пса, а в другой несла картонный поддон с яйцами. Услышав крик Артема, черный дог пришел к выводу, что хозяйке угрожает опасность, и с громким лаем бросился наперерез несущимся санкам. Выскочив на лед желоба, он потерял опору под ногами, а с ней и уверенность, и с жалобным визгом рванулся назад, под ноги хозяйке. От неожиданности дама нелепо взмахнула руками. В результате, получив начальное ускорение, все тридцать яиц сорвались с мест на поддоне и полетели, напоминая залп установки «Град» в миниатюре, в сторону дога.

Разумеется, любой пес, с его-то собачей реакцией, легко может ускользнуть от подобной

атаки. Но догу не повезло — хозяйка случайно наступила на поводок, что лишило ее любимца малейших шансов на удачный маневр.

Не ожидавший такой подлости, дог завыл на высокой ноте, а когда завершающие полет санки врезали ему по заду, ударился в дикую панику. Опрокинув в сугроб хозяйку, он понесся в сторону парка.

Молодой человек, первым подоспевший к месту событий, легко, одной рукой, поставил на ноги Темку и поспешил к хозяйке дога, что-то кричавшей про хулиганов и полицию.

— Да, да, конечно, надо вызвать полицию, — согласился он, поднимая женщину. — Собака без намордника напала на мальчика! Бешеная, наверное.

При этих словах хозяйка дога замолчала и с похвальной быстротой двинула в сторону парка.

Молодой человек подошел к Анне и застыл в нерешительности. Девушка лежала так, что ее красивые длинные ноги располагались существенно выше головы, пола пальто распахнута, а что происходило с короткой юбкой, она только догадывалась.

— Ну, что, так и будете смотреть, как она корячится? — дернул молодого человека за рукав Темка.

Выйдя из оцепенения, тот легко подхватил Анну на руки, вынес на дорожку и поставил на землю, продолжая придерживать ее одной рукой за плечи.

— И долго еще вы собираетесь обниматься с незнакомой женщиной?! — возмущенно проговорила Анна, понимая, что несет несусветную чушь, но стыд за то, что она предстала перед этим красавцем в таком ужасном виде, не позволял ей мыслить адекватно обстоятельствам.

Молодой человек отпустил ее, присел на корточки и протянул руку Темке:

— Виктор!

— Артем! — элегантно стряхнув варежку, вложил ладонь в руку незнакомца мальчик.

— Очень приятно! А со своей сестрой познакомишь?

— Чтобы обниматься можно было?

— Само собой.

— Нет.

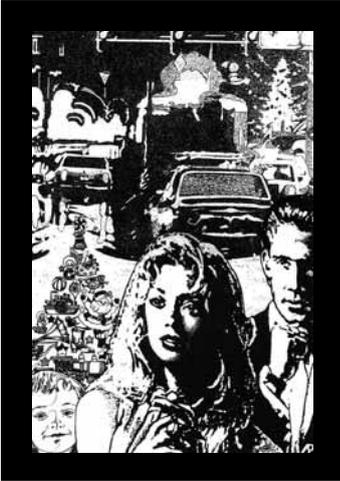
— Почему?

— Потому, что она не сестра, а мама.

— Да ладно врать-то!

— Я никогда не вру старшим, — с достоинством ответил Темка.

— Я тоже. Хорошо, а с мамой познакомишь?

— С мамой познакомлю! Ее Аней зовут. Мама — это Виктор, теперь ты можешь с ним обниматься.

«Нет, — подумала Анна, — надо что-то делать! У ребенка явный избыток телевизионного образования».

— Перестань молоть ерунду! Иди, возьми санки!

Артем, прихрамывая, отправился за санками, но она вдруг остановила его:

— Стой! Что у тебя с ногой?

— Ничего, наверное, ушибся.

— Давай посмотрим. — Анна наклонилась к Темке и начала снимать с него сапог.

— Больно! — не выдержав, закричал он.

— Где болит?

Темка показал.

— А чего раньше молчал?

— Не было больно раньше, только совсем чуть-чуть, а теперь сильно, когда ты за сапог дернула!

На стопе оказался приличный синяк. Виктор быстро набил перчатку снегом и, приложив ее к Темкиной ноге, сказал:

— Надо бы врачу показать.

Он принес мальчика в травмпункт на руках, так как обуть сапог было нереально. Осмотрев ногу, врач отправил Темку на рентген.

— Спасибо вам, Виктор! Дальше мы сами разберемся! — смущенно улыбаясь, сказала Анна.

— А как домой? Он ведь вряд ли пойдет босиком.

— Я вызову такси.

Молодой человек усмехнулся. Достав из кармана сотовый телефон, набрал номер, который обнаружил на листе бумаги, висящем на стене.

— «Такси-таун», здравствуйте! — прозвучал в трубке усталый женский голос.

— Здравствуйте! Машину заказать можно?

- Можно, только приедет через два часа. Ждать будете?
- А что так долго?
- Новый год! Водителей мало, а заказов много. Так будете ждать?
- Нет, спасибо! — Виктор повернулся к Анне: — Такси не будет. Давайте уж лучше я помогу вам до дома добраться.
- Абсолютно ничего страшного, опухоли почти нет, — успокаивал Анну доктор. — Обычный ушиб, день-два, и забудет, где болело.
- Нам завтра на елку в театр нужно идти.
- Вот и идите! Только последите, чтобы не носился как угорелый.

Сидя в трамвае, Анна понемногу успокоилась. Нет, не то, чтобы ее совсем не волновала нога сына, просто она считала, что мальчишки без синяков не могут, и мамы должны привыкать к этому. Она сидела рядом с Виктором, держащим на руках Темку, и ловила женские взгляды, в которых явно проглядывала зависть. Украдкой взглянув на Виктора, весело болтающего с Темкой, она незаметно вздохнула. Хорош, конечно, мужчина, но надо быть реалисткой, такие на дороге не валяются. Она вот, как выясняется, может иногда валяться, а такие мужчины — никогда.

У подъезда Анна начала рассыпаться в благодарностях:

— Спасибо вам, Виктор! Вы так здорово помогли! Все, Артем, слезай! Поблагодари дядю Витю, и попрыгали наверх!

Темка, стоя у двери подъезда, задумчиво изучал уходящую вверх лестницу:

— Мама, а я столько не пропрыгаю на одной ножке. — И мгновенно снова оказался на руках Виктора.

— Артем, слезай немедленно! Имей совесть, у дяди полно своих дел, он и так уже два часа с нами потерял!

— Да нет, Аня, времени у меня много, и дел абсолютно никаких.

— Так не бывает. Ведь Новый год, нужно помочь жене подготовиться к приходу гостей или самим собраться в гости.

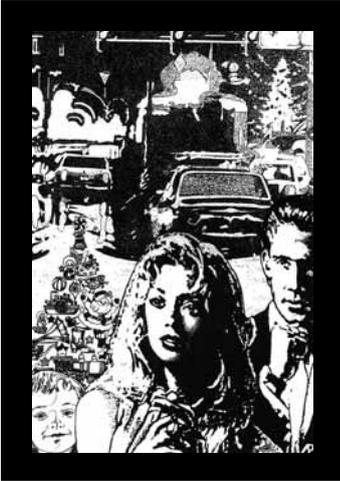
— Бывает. — Виктор медленно поднимался вверх по лестнице, бережно неся Темку. — Гости у меня не планируются, а сам я уже в гостях. У всего вашего города.

— Так вы не смолянин?

— Нет, из Москвы.

— Но вы, наверное, к кому-нибудь из знакомых приехали?

— Знакомых у меня здесь нет. Компания, с которой собирались на Селлигер, распалась, пристраиваться к кому-нибудь в последний день не захотелось, и я решил встретить Новый год на улице, сейчас так довольно много людей встречает. А утром проснулся, и в голову пришла замеча-

тельная идея — пусть это будет не надоевшая Москва, а старинный русский город.

Когда они подошли к дверям квартиры, Темка спрыгнул с рук и потерял Виктора за рукав пальто:

— А давайте проводим Старый год вместе. Мы гостям всегда рады, правда, мама?

Виктор вопрошающе посмотрел на Анну. Интересно, а какой ответ должна дать женщина, сына которой он целый час таскал на руках?

Виктор и Анна вышли из подъезда в двенадцатом часу.

— По-моему, это неправильно — укладывать ребенка спать в Новый год.

— Нет, нормально. У нас все оговорено — провожаем Старый год вместе, утром, выспавшись, встречаем Новый год тоже вместе. Посередине — личная жизнь мамы.

— Я нарушил ваши планы?

— Нет. Наши планы нарушила эта идиотская поездка на санках. А вы их частично спасли.

— Анна, вы не заметили, что два раза подряд начали фразу со слова «нет»?

Девушка внимательно посмотрела на Виктора и задумчиво произнесла:

— К целому букету ваших достоинств можно смело прибавить еще одно — вы умеете слушать, что говорит женщина.

Стоп, Анечка, будь благоразумной! «Тормозкой», иначе потом пожалеешь!

— А вы знаете...

Что ты делаешь?! Прекрати немедленно!

— ...я решила тоже... встретить Новый год на улицах города.

Ну и дура! Ведь через два часа он все равно уйдет.

— Но вас же ждут.

— Ничего страшного. Не вижу смысла нестись как угорелая только для того, чтобы обо-

значить свое присутствие под бой курантов. Если вы против, то я могу прогуляться по другим улицам.

— Тогда вам будет трудно рассказывать мне о городе, — улыбнулся Виктор. — Так что давайте вместе.

Это была совершенно фантастическая встреча Нового года. Людей на улицах было полно. Вокруг рвались петарды, фейерверки раскрашивали небо разноцветными узорами, гирлянды на елках перемигивались всеми цветами радуги. Виктор и Анна пили шампанское, закусывали купленными в киоске конфетами и неизвестно откуда взявшимся апельсином. Водили хоровод вокруг елки на площади, потом снова пили шампанское. Сделав большую петлю, пришли к Шеинову бастиону, где началось их знакомство, и катались по его склону на картонках. Снова танцевали, и снова пили шампанское.

Уже около трех часов они оказались во дворе Алевтины.

— Ну, спасибо вам, Виктор! За все! За Темку, за такую прекрасную встречу Нового года ...

Анна не успела договорить, как во двор ввалилась подгулявшая компания, хором орущая: «Виновата ли я, виновата ли я...»

Невысокая пухленькая женщина в модной шубке, отделившись от нее, стремительно понеслась к ним:

— Анька! Ну куда же ты пропала! А мы к елке ходили, теперь к столу возвращаемся после прогулки. Замечательно, что вы все-таки пришли, и очень вовремя! Аня, познакомь со своим кавалером!

— Это моя подруга еще со школьных лет — Алевтина, а это Виктор, только он не мой кавалер.

— Очень приятно, Алевтина. Анна права, я не кавалер, я кавалерист, только лошадь пропил и шашку где-то потерял.

— Правда?! — Алевтина подхватила их под руки и повела к подъезду. — Как хорошо, что вы кавалерист, а то у нас ни одного кавалериста. Вдруг кто спросит, так неудобно будет!

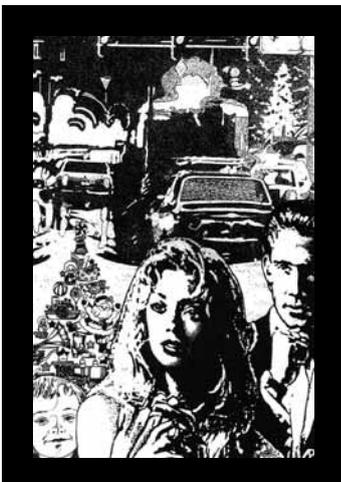
Алевтина втолкнула Анну на кухню, закрыла дверь и решительно проговорила:

— Все подруга, пришел конец моему терпению! Немедленно рассказывай, как ты смогла подцепить такого красавца?!

Обижаться на Алевтину бесполезно, надо просто принимать ее правила игры.

— Ловля на живца, подружка, — в тон ей ответила Анна.

— Подробности, подробности давай! Все-все-все! С самого начала!

— Ну, как прикажешь! — хмыкнула Анна. — Вообще-то, способ легко доступен каждой девушке. Залезаешь на высокую-превысокую горку, садишься в санки... и катишься вниз. На трамплине взлетаешь, кувыркаешься и приземляешься в сугроб! Лежишь и ждешь, когда придет принц и возьмет тебя на руки.

Лицо Алевтины выражало простую и ясную мысль — и с этой гадюкой я просидела за партой четыре года! Вот и рассказывай после этого чистую правду!

— До свидания! Это, правда, был замечательный праздник! Спасибо!

Анна захлопнула дверь подъезда. Вот и все. Любая сказка когда-нибудь да заканчивается. Поднимаясь по лестнице, она чувствовала, что на самом деле спускается с небес.

А Виктор, оставшись один, сделал несколько шагов, потом резко повернулся, и ноги сами понесли его к двери подъезда. Он постоял немного, даже не пытаясь оторвать дверь с кодовым замком, но, так ни на что и не решившись, опустил голову и пошел в гостиницу...

— Ура!!

Темка сразу увидел Виктора и понесся прямо к нему, внимательно разглядывающему выходящих из театра людей.

— Куда ты, Артем, тебе же нельзя! — крикнула Анна и тут заметила Виктора, который уже поймал летящего Темку.

— А ты симулянт, Артемка!

— Только маленько!!

Господи! У Анны словно пелена с глаз упала. Он же нарочно! На одной ножке на третий этаж допрыгать не может! И Виктора пригласил Старый год проводить. А потом никак не хотел укладываться спать, жаловался, что нога сильно болит! И, уже лежа в постели, требовал авто-

мат, да не тот, а красный, с круглым диском! Да он просто тянул время! Чтобы Анна Новый год встретила с Виктором. Ну, Артем!

— Здравствуйте! — поздоровалась она. — А вы что здесь делаете?

— Ну, вообще-то, я живу здесь. — Виктор кивнул в сторону гостиницы, расположенной рядом с театром.

— Мама, пошли в «Русский двор», мы так давно собирались!

— А он работает сегодня?

— Пойдем и узнаем!

— Хорошо.

— Ура!! — снова закричал Темка. — Дядя Витя, а вы с нами пойдете?

— Пойду, мне там очень понравилось.

Темка побежал вперед, а Анна с Виктором, не спеша, последовали за ним.

— Я должна поверить, что вы совершенно случайно проходили мимо театра? — с лукавинкой в глазах спросила она.

— А сможете?

— Вряд ли.

— И правильно. Я стоял у входа и ждал, когда закончится представление.

— Зачем?

Виктор помолчал немного, как бы набираясь решимости, а потом ответил:

— Видите ли, Анна. Несмотря на то, что мы хорошо повеселились в новогоднюю ночь, у меня сложилось впечатление, что вы неприступны, как ваша крепостная стена... и вчера просто не решился предложить встретиться еще раз. А сегодня подумал, что никогда не прощу себе, если...

— Если не пойдете на штурм крепости? Отчаянно! Один французский император, будучи в наших краях, как-то штурмовал крепость. Применяв тяжелую артиллерию, город сожгли дотла. В итоге он въехал в него на белом коне, но кончилось все довольно печально для императора...

— Аня, вас, наверное, часто били морально?

— Бывало, и морально тоже.

— Что вы имеете в виду? — ошарашено спросил Виктор.

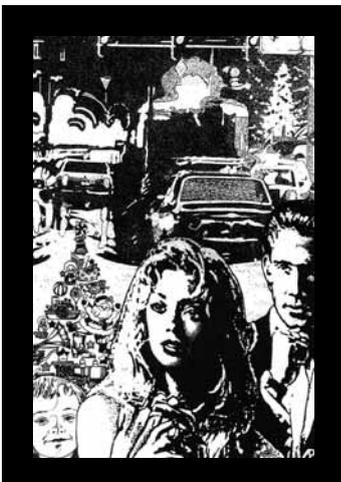
— Случалось и не морально, крепкими мужскими кулаками.

Он промолчал, не зная, что сказать.

— Ладно, не обращайтесь внимания! Давно это было. Итак, вы хотели пойти на штурм крепости. Какова будет исходная диспозиция?

— Спокойной ночи, Аня! До завтра!

Виктор и Анна стояли у подъезда ее дома.

— А когда вы собираетесь уезжать?

— Теперь уже девятого.

— Что значит, теперь?

— У меня билет на сегодняшний поезд, но, — Виктор взглянул на часы, — он отправляется через десять минут.

— Да, вряд ли успеете! Значит, вы собираетесь побыть в нашем городе еще неделю?

— А мне здесь очень понравилось! К тому же, я собираюсь каждый день досаждать вам своим присутствием.

— Но тогда это длительная осада! А как же штурм? Боитесь, что не получится?

Виктор внимательно посмотрел в смеющиеся глаза Анны и серьезно произнес:

— Наоборот, боюсь, что получится. Но мне уже не хочется так, штурмом. Опыт Наполеона, знаете ли...

Анна слушала завораживающий голос и понимала, что никакие стены не защитят готовый сдать гарнизон. И хорошо, что противник еще не догадывается об этом. А может, только виду не подает?

Неожиданно, в первую очередь для себя, она обняла Виктора за шею, приникла к губам в долгом поцелуе и почувствовала, как его руки мягко легли на талию.

Сколько они так стояли, она не знала, но, наконец, очнувшись, отстранилась и стала набирать код замка. Уже держась за ручку двери, повернулась к нему со словами:

— Неожиданной контратакой горожане заставили противника отступить!

И вбежала в подъезд.

Как можно назвать человека, который звонит в восемь утра третьего января? Правильно!

— Анна Александровна? — спросил в трубку незнакомый сочный мужской голос.

— Да.

— Здравствуйте! Меня зовут Александр Сергеевич. Ради бога, извините за ранний звонок, но вынуждают крайние обстоятельства. Мне необходимо с вами поговорить.

— Говорите.

— Не по телефону. Я стою у вашего дома, вы не могли бы спуститься вниз? Это очень важно!

— Хорошо, я спущусь, только не раньше, чем через десять минут.

Александр Сергеевич оказался седовласым мужчиной лет пятидесяти, спортивным, поджарым. Он ждал Анну у подъезда.

— Анна Александровна, давайте прогуляемся немного. Не стоит здесь стоять, Виктор может меня увидеть.

— Вы знаете Виктора?! Это он рассказал вам обо мне?

— Нет, он не знает, что я здесь. Анна Александровна, пожалуйста, пообещайте дослушать до конца, каким бы странным ни показалось то, о чем я буду говорить.

— Ну, хорошо, попробую!

— Дело в том, что Виктор — не человек.

— А кто он, инопланетянин? — улыбнулась Анна.

А с виду такой приличный гражданин, надо же!

— Он — робот, Анна Александровна.

Не выдержав, она рассмеялась и сквозь смех проговорила:

— Я догадалась, вы — его отец! Вы каким-то образом узнали, что он связался с плохой девочкой, и теперь пытаетесь оградить его от дурного влияния!

— Я серьезно, Анна Александровна.

— Послушайте, как вас там...

— Александр Сергеевич. Как Пушкин, только стихов я не пишу. Я делаю роботов. Вот, посмотрите. — Он поднес к лицу Анны раскрытое удостоверение.

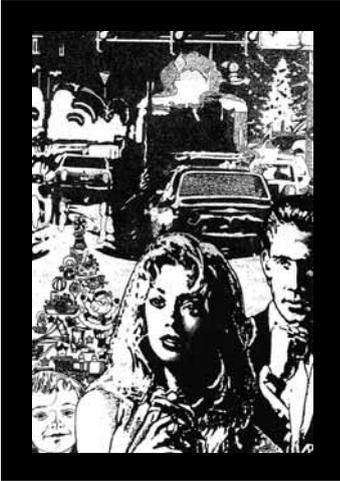
Действительно, Александр Сергеевич. Генеральный директор НИИ робототехники. Но дело не в удостоверении, сейчас любое можно подделывать. Глаза. Светло-голубые глаза, смотревшие на нее очень серьезно, плюс женская интуиция убедили, что это не выдумка.

Ноги у Анны начали тихонько подкашиваться. Александр Сергеевич быстро подхватил девушку, и тут к ним подбежал какой-то неизвестно откуда взявшийся молодой человек. Они довели Анну до лавочки. Молодой человек расчистил снег, постелил толстую газету и усадил ее.

— А это кто? Тоже робот?

— Нет, это главный виновник! Если хотите, можете выцарапать ему глаза.

— Я подумаю. Вопросы задавать можно?

— Конечно, отвечу на любой вопрос. — Александр Сергеевич жестом показал молодому человеку, чтобы он оставил их вдвоем, и повернулся к Анне: — Слушаю вас, Анна Александровна.

— Где вы обучаете своих роботов вранью?!

— Они никогда не врут.

— Да? А вы знаете, он мне рассказывал, что окончил школу в Березняках Пермской области. Это называется, не врал?

— Нет. Видите ли, Анна Александровна... — Александр Сергеевич сделал продолжительную паузу и добавил: — ...он не знает, что он робот.

— Что-о!?

— Послушайте лучше, что я расскажу, а потом задавайте вопросы. У нас уникальные программисты. Все, что он рассказывал о себе, заложено в памяти как реальные события. На самом деле его активировали в квартире на Кутузовском проспекте в шесть утра тридцать первого декабря. Он проснулся с идеей побывать в Смоленске. Сотрудник, которого вы видели, должен был присматривать за квартирой, но ему понадобились сигареты, и он отлучился на минутку. В итоге, мы только вчера вечером нашли его здесь, у меня есть друзья в соответствующих структурах. Это наш самый лучший и уникальный экземпляр. У него полностью имитированы биологические процессы. Схема его работы такова: воздействие — анализ — выбор адекватной реакции человека — проявление реакции.

— Все процессы имитированы?!

— Все, известные науке о человеке.

— То есть, он сам может вообще не догадаться, что он робот?

— С высокой степенью вероятности. Его только не нужно показывать врачам, особенно хирургам.

Анна молчала, задумавшись о чем-то своем, а Александр Сергеевич терпеливо ждал.

— Оставьте мне его... — вдруг проговорила она.

— Что? — Александр Сергеевич, казалось, не расслышал.

— Оставьте мне его! Вы же сами предложили мне любую компенсацию.

— Вы уверены, что именно это хотели сказать? — ошеломленно проговорил Александр Сергеевич.

— Вполне, а что?

— Дело в том, что так себя нормальные женщины обычно не ведут.

— А как обычно ведут себя нормальные женщины?

— Как моя жена, например, для нее робот — это холодильник, который может взбеситься в любую минуту.

— Это у нее с непривычки. А меня этим не напугаешь. — Глаза Анны зло сузились. — Я уже жила с мужчиной, который после бутылки водки превращался в бешеный холодильник. Чем ваш хуже?

— Но...

— Никаких «но»! Для вас это уникальный эксперимент, не так ли? Можно считать, что вы, Александр Сергеевич, согласились.

— Наверное, так.

— Оставьте номер вашего сотового телефона и уходите. Я позвоню.

Темка спросонья с удивлением смотрел на покрасневшую Анну:

— Мама, где ты была?

— На зарядку бегала, мне теперь надо быть в форме! Вставай, соня, сейчас придет Виктор, и мы поедем в Талашкино, в усадьбу княгини Тенишевой! □

МИСТИФИКАЦИЯ

Серебряного века

Ранней осенью 1909 года литературный Петербург был потрясен: появилась новая, безумно талантливая и столь же загадочная поэтесса, которая прислала в только что созданный журнал «Аполлон» письмо на надушенной бумаге, переложенное сухими листочками полыни, с потрясающими, романтическими и возвышенными стихами. Подписи не было — лишь буква «Ч».

Главный редактор «Аполлона» Сергей Маковский был одновременно восхищен и заинтригован. Даже не столько стихами, сколько вырисовывавшимся в сопроводительном письме, написанном по-французски, образом юной и пленительной девушки с загадочной и печальной судьбой.

Вскоре раздался телефонный звонок, и Маковский услышал обворожительный голос «прекрасной поэтессы».

Вся редакция журнала (между прочим, в ее состав входили Иннокентий Анненский, Вячеслав Иванов, Николай Гумилев и Михаил Кузмин) единодушно решила опубликовать стихи неизвестной — раскрывшей, наконец, свое имя: Черубина де Габриак.

И началась блистательная и совершенно фантастическая литературная мистификация, подготовленная известным поэтом Максимилианом Волошиным и воплощенная в жизнь мало кому известной поэтессой Елизаветой Дмитриевой...

Она родилась в 1887 году в бедной дворянской семье. Отец — учитель чистописания в гимназии — рано умер от туберкулеза, костным туберкулезом болела в детстве и Елизавета — Лиля, на всю жизнь оставшаяся хромой. Окончив гимназию, она училась в Петербургском женском педагогическом институте, слушала лекции в Петербургском университете и даже в Сорбонне.

Потом преподавала историю в женской гимназии и занималась переводами с испанского языка. Писала мистические стихи, но не печаталась: застенчивая, скромная, хромая девушка не могла заинтересовать своими стихами ни одного редактора. Хотя внешность ничуть не мешала ей в личной жизни — поклонники появились у Лили с тринадцати лет, а через два года большинство ее связей были отнюдь не платоническими.

Впрочем, стихи ее были не так чтобы уж очень хороши — разве что чуть выше среднего уровня. И если бы не случайная встреча с Максимилианом Волошиным, имя Елизаветы Дмитриевой было бы давно и прочно забыто.

Но назвать Лилю заурядной личностью было бы тоже несправедливо. Она была особенная, но не потому, что писала стихи, а потому, что ее внутренний мир практически представлял собой чистый лист для любого, кто пожелал бы создать новую Галатею. Волошин как раз и пожелал, задумав удивительную мистификацию, для осуществления

которой Лилля была идеальным материалом. Тем более что она без памяти влюбилась в Макса — да в него влюблялись практически все женщины, включая Марину Цветаеву!

Литературная мистификация начала XX века, известная как поэтесса Черубина де Габриак, имеет приличную библиографию: написано несколько книг, очень много статей и несколько очерков воспоминаний. Но настораживает несколько странных несоответствий и реакция достаточно известных людей на это событие.

Прежде всего — реакция Анны Андреевны Ахматовой. Она до конца своих дней не простила Волошину этой истории и не желала иметь с ним ничего общего. Анна Андреевна держалась в стороне, но, так или иначе, знала почти всех участников мистификации, и уж лучше, чем кто бы то ни было знала, что Николай Гумилев никогда не делал предложения Елизавете Дмитриевой и, тем более, не «домогался ее руки», как это постоянно подчеркивается в дневниках Волошина.

В общем, болезненная психика Дмитриевой и буйная фантазия Волошина превратили заурядное знакомство в «пылкий роман» между Лилей и Гумилевым. Роман, в который поверили практически все, не считая нужным даже задуматься над деталями или сопоставить факты и даты.

Пока же Лилля, еще до знакомства с Волошиным, обручилась со студентом-мелиоратором Всеволодом Николаевичем Васильевым, кото-

рый пронес любовь к ней через всю свою жизнь, пережив жену почти на пятнадцать лет. Но в Париж в 1907 году Дмитриева поехала одна.

Там, в мастерской одного из русских художников, она познакомилась с Николаем Гумилевым. Это было лишь случайное знакомство, сразу же выпавшее из памяти двадцатилетнего юноши, только что окончившего гимназию и приехавшего завершить образование во Франции и Италии. Вряд ли он предполагал, что мимолетная встреча с экзальтированной барышней будет иметь какие-то последствия.

Вернувшись из Парижа, Дмитриева начала преподавать в Петровской женской гимназии. Она также печатала в теософских журналах переводы из испанской поэзии, влилась в артистическую жизнь столицы, посещала лекции в Академии художеств и знаменитые литературные собрания в «Башне» Вячеслава Иванова, где познакомилась с Волошиным и немедленно влюбилась, причем не без взаимности: их роман начался практически сразу.

Запись о встрече с Дмитриевой в дневнике Волошина помечена 18 апреля 1908 года:

«Некрасивое лицо и сияющие, ясные, неустанно спрашивающие глаза. В комнате несколько человек, но мы говорим, уже понимая, при других и непонятно им».

Но тем же числом Волошин был вынужден в своих заметках отметить, что Дмитриеву постоянно пре-

следуют видения и различные галлюцинации.

«Да... галлюцинации. Звуки и видения. Он был сперва черный, потом коричневый... потом белый, и в последний раз я видела сияние вокруг. Да... это радость. Звуки — звон... стеклянный... И голоса... Я целые дни молчу. Потом ночью спрашиваю, и они отвечают...»

В самом начале 1908 года в жизни Елизаветы Дмитриевой произошли трагические события. От заражения крови скоропостижно умерла ее сестра Антонина в возрасте 24 лет, а муж сестры покончил жизнь самоубийством. Сохранилась дневниковая запись об этом самой Дмитриевой:

«Сестра умерла в 3 дня от заражения крови. Ее муж застрелился. При мне. Я знала, что он застрелится. Я только ждала, даже был страх: неужели не застрелится? Но он застрелился. Их хоронили вместе. Было радостно, как на свадьбе... У мамы началось с этого. Это ее потрясло, у нее явилась мания преследования. Самое тяжелое, что она начинает меня бояться».

Действительно, невозможно не бояться человека, который воспринимает похороны сестры и зятя, как веселую свадьбу...

В том году больше ничего особо интересного в жизни Дмитриевой не происходило. Волошин снова уехал Париж, она переписывалась с ним.

С осени начала преподавать, давать частные уроки и написала мно-

жество стихов. С ними и познакомил вернувшегося в конце января 1909 года Волошина. Он порекомендовал ей серьезно заняться поэзией. Их бурный роман продолжался, и у Максимилиана уже начали появляться замыслы того, как можно использовать свое влияние на эту необычную девушку.

На одном из собраний в «Башне» Иванова Дмитриевой представили Гумилева, оба вспомнили о своей парижской встрече. Но рассказы о сразу же вспыхнувшем бурном романе между Дмитриевой и Гумилевым являются сильно преувеличенными и не подкреплены никакими

В Коктебеле у Максимилиана был собственный дом, уже тогда известный как своеобразный «Дом творчества»: там бесплатно и подолгу жилали многие творческие люди, знакомые и друзья хозяина. Гумилев согласился поехать, поскольку собирался сотрудничать вместе с Волошиным в новом создающемся журнале «Аполлон».

30 мая они прибыли в Коктебель. Волошин в своем дневнике сделал об этом такую запись:

«Первые дни после приезда Толстых, а неделю спустя — Лили с Гумилевым — было радостно и беззаботно. Мы с Лилей, встретясь, целовались».

Застенчивая, скромная хромая девушка не могла заинтересовать своими стихами ни одного редактора. Впрочем, они были не так чтобы уж очень хороши, и если бы не случайная встреча с Максимилианом Волошиным, имя Елизаветы Дмитриевой было бы давно и прочно забыто

свидетельствами, а основаны лишь на репутации Гумилева, как «повесы из повес». Возможно, была короткая связь, которая впоследствии в «воспоминаниях современников и участников» превратилась в «роман века». Впрочем, Гумилев о Дмитриевой вообще молчал... до определенного времени.

Молчал даже после того, как она попросила его стать ее спутником в поездке в Крым — к Волошину.

Гумилеву сразу стало ясно, что его просто использовали как ширму. Алексей Толстой, бывший свидетелем этих событий, описывал их так:

«Гумилев с иронией встретил "любовную неудачу": в продолжение недели он занимался ловлей тарантулов. Его карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Он устраивал бои тарантулов. К нему было страшно подойти. Затем он заперся у себя в чердач-

*Елизавета
Дмитриева,
Черубина
де Габриак*

ной комнате дачи и написал замечательную, столь прославленную впоследствии поэму "Капитаны". После этого он выпустил пауков и уехал».

Итак, Гумилев уехал из Крыма, создав чудесную поэму, а Толстой остался, и с него, как с невольного свидетеля, взяли клятву молчать. Он ее честно сдержал, что для него, обожавшего пикантные истории, в общем-то, было подвигом.

Дмитриева практически все время проводила с Волошиным, много рассказывала Максиму о себе, о смерти своей сестры и ее мужа, о своих видениях. Возможно, именно тогда

у Волошина стал окончательно складываться проект его мистификации. Но... после 7 августа в дневнике Волошина вообще нет никаких записей почти до 1911 года, то есть за весь «период Черубины». Это уже позже, в «Воспоминаниях», он во всех подробностях опишет свою затею и всех, ею одураченных.

«...Лиле в то время было 19 лет. Это была маленькая девушка с внимательными глазами и выпуклым лбом... Она писала в это лето милые простые стихи, и тогда-то я ей и подарил черта Габриака, которого мы в просторечии звали «Гаврюшкой».

Габриак был морской черт, выточенный волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица. Я нашел его на берегу после шторма... Мы долго ломали головы и, наконец, остановились на имени «Габриак». Это был бес, защищающий от злых духов. Такая роль шла к добродушному выражению лица нашего черта...»

Дальнейшие события развивались уже согласно волошинскому сценарию:

«В 1909 году создавалась редакция "Аполлона", первый номер которого вышел в октябре-ноябре. Мы много думали летом о создании журнала, мне хотелось помещать там французских поэтов, стихи писались с расчетом на него, и стихи Лили казались подходящими. Редактором "Аполлона" стал С. К. Маковский — "Рара Мако", как мы его называли, чрезвычайно аристократичный и элегантный. Я помню, он советовался со мной — не внести ли такого правила, чтоб сотрудники являлись в редакцию "Аполлона" не иначе как в смокингах. В редакции, конечно, должны были быть дамы, и Рара Мако прочил балерин из петербургского кордебалета...

... Тогда мы решили изобрести псевдоним и послать стихи письмом. Письмо было написано достаточно утонченным слогом на французском языке, а для псевдонима мы взяли наудачу черта Габриака. Но для аристократичности черт обозначил

свое имя первой буквой, в фамилии изменил на французский лад окончание и прибавил частицу "Де": Ч. де Габриак.

Впоследствии "Ч." было раскрыто. Мы долго ломали голову, ища женское имя, начинающееся на Ч., пока, наконец, Лилия не вспомнила об одной Брет-Гартовской героине. Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубина.

Письмо было написано на бумаге с траурным обрезом и запечатано черным сургучом. На печати был девиз: "Vae victis!" [Горе побежденным! (лат.)] Все это случайно нашлось у подружки Лили Л. Брюлловой».

Как сотрудник редакции «Аполлона» и близкий к Маковскому человек Волошин мог непосредственно наблюдать за развитием своего авантюрного замысла.

«...Маковский был в восхищении. «Вот видите, Максимилиан Александрович, я всегда Вам говорил, что Вы слишком мало обращаете внимания на светских женщин. Посмотрите, какие одна из них прислала мне стихи! Такие сотрудники для "Аполлона" необходимы!»

Черубине был написан ответ на французском языке, чрезвычайно лестный для начинающего поэта, с просьбой порыться в старых тетрадях и прислать все, что она до сих пор писала. В тот же вечер мы с Лилей принялись за работу, и на другой день Маковский получил целую тетрадь стихов.

«В стихах Черубины я играл роль режиссера и цензора, подсказывал

темы, выражения, давал задания, но писала только Лиля. Мы сделали Черубину страстной католичкой, так как эта тема еще не была использована в тогдашнем Петербурге».

Волошин либо лукавил, либо скромничал, ведь он не только давал

Успех Черубины де Габриак был кратким и головокружительным. Но трудиться в таком темпе, да еще вести переписку с Маковским и морочить голову остальным сотрудникам «Аполлона» стало очень трудно даже для Волошина. Был удобный

Вернувшись из Парижа, Дмитриева преподавала в Петровской женской гимназии, печатала в журналах переводы из испанской поэзии, влилась в артистическую жизнь столицы, посещала знаменитые литературные собрания в «Башне» Вячеслава Иванова, где познакомилась с Волошиным и сразу влюбилась, причем не без взаимности

задания и подсказывал темы, но и сам писал стихи — куда более сильные, чем те, которые выходили из-под пера Лили Дмитриевой.

«На другой день Лиля позвонила Маковскому. Ему не хотелось класть трубку, и он, вместо того, чтобы кончать разговор, сказал: "Знаете, я умею определять судьбу и характер человека по его почерку. Хотите, я расскажу Вам все, что узнал по Вашему почерку?" И он рассказал, что отец Черубины — француз из южной Франции, мать — русская, что она воспитывалась в монастыре в Толедо и т.д. Лиле оставалось только изумляться, откуда он все это мог узнать, и таким образом мы получили ряд ценных сведений из биографии Черубины, которых впоследствии и придерживались».

случай все достойно прекратить: Черубина «заболела воспалением легких, и ее жизнь висела на волоске». Если бы у Волошина хватило решимости отказаться от своей игрушки, никто никогда не узнал бы тайны.

Но Максимилиан еще не наигрался. К тому же Дмитриева панически боялась «смерти» своего «духовного двойника», полагая, что немедленно умрет и сама. Так что чудом выздоровевшая «поэтесса» была «отправлена» на время в Париж, а Дмитриева, разумеется, благополучно осталась в Петербурге.

Ее официальный жених в то время отбывал воинскую повинность, и молодая женщина фактически была предоставлена самой себе в литературных и околосредовых кругах.

Максимилиан Волошин

гах столицы. Она очень заинтересовалась одним из сотрудников «Аполлона» Иоганнесом фон Гюнтером, переводчиком и драматургом. Однажды они встретились в той же «Башне» Вячеслава Иванова. Лиля неоднократно делала колкие замечания насчет стихов Черубины де Габриак и личности таинственной незнакомки, говорила, что Черубина, наверное, безобразна, иначе давно уже явилась бы перед своими восторженными почитателями.

Дамы согласились с Дмитриевой и предложили Гюнтеру высказать свое мнение, но тот благоразумно уклонился. Потом Дмитриева прочла несколько стихотворений, которые Гюнтеру понравились, и он высказал Лиле свое мнение о них, а Любовь Дмитриевна Блок добавила,

Николай Гумилев

что Гюнтер прекрасно перевел стихи ее мужа, как и многих других русских поэтов.

После этого Лиля прочитала еще несколько своих стихотворений, и Гюнтер поинтересовался у нее, почему же она не посылает их в «Аполлон». Дмитриева ответила, что один ее хороший знакомый, господин Волошин, уже обещал об этом позаботиться.

Через некоторое время Гюнтер встал, чтобы уйти, и в этот же момент поднялась и Дмитриева, так что по петербургскому обычаю пришлось Гюнтеру предложить себя в провожатые даме. Лиле захотелось «немного пройтись», что вылилось в достаточно долгую прогулку, во время которой она рассказала о себе фон Гюнтеру почти все. У нее был обыч-

ный приступ словоохотливости, когда она вываливала на собеседника массу неожиданных и странных подробностей. Рассказала и о своем близком знакомстве с Волошиным и Гумилевым.

Когда фон Гюнтеру удалось вставить слово, он заметил:

— Теперь вы преследуете своим сарказмом Черубину де Габриак, потому что ваши друзья, Макс и Гумилев, влюбились в эту испанку?

Дмитриева вдруг остановилась, тяжело дыша, и спросила:

— Сказать вам? Но вы должны об этом молчать. Обещаете? Я должна вам рассказать... Вы единственный, кому я это говорю... Я — Черубина де Габриак!

Фон Гюнтер просто не поверил собственным ушам. Он потребовал подтверждения — и получил его на следующий день, когда при очередном телефонном звонке Маковскому Черубина говорила именно то, что обещала сказать накануне Дмитриева.

Пришлось поверить, тем более что разговоры о некой мистификации уже давно ходили в литературных кругах. Алексей Толстой просто знал подноготную событий, но молчал. И. Анненский сразу почувствовал подвох и заявил Маковскому, прочитав стихи Черубины:

— Нет, воля ваша, что-то в ней не то. Нечистое это дело.

Что-то подозревал и Вячеслав Иванов, и некоторые другие поэты, но автором мистификации считали самого Маковского. Гумилев, безусловно, сразу все раскусил, но из

гордости и презрения молчал. Кроме того, следует сказать, что хотя он внимательно следил за творчеством молодых и начинающих русских поэтов и писал своевременные рецензии об их произведениях и сборниках, но нигде и никогда ни словом не обмолвился о Черубине де Габриак и ее стихах. И уж точно никогда не посвящал стихов Дмитриевой! Она, точнее Волошин ее устами, просто сознательно распространяла эту дезинформацию, подхваченную, кстати, Цветаевой, что придало лжи большую достоверность. Однако никто никогда не видел этих стихов опубликованными, как не видел и того журнала, на который ссылалась Дмитриева (Волошин). Зачем-то Максимилиану была нужна еще одна легенда: Гумилев-де был влюблен в Дмитриеву и тщетно добивался ее руки.

А вот сам Волошин как раз посвящал стихи своей любовнице! Например, венок сонетов «*Corona astralis*». Но об этом все почему-то молчали и продолжают молчать.

Фон Гюнтер, конечно, не удержался и «под большим секретом» поведал тайну Черубины Михаилу Кузмину, еще одному сотруднику «Аполлона». Кроме того, рассказал, что у Дмитриевой с Гумилевым в Коктебеле был большой роман, о чем он знает от... самого Гумилева. По-видимому, сентиментальный немец постеснялся назвать истинный источник информации — Дмитриеву, достаточно было и того, что она ему наговорила во время их прогулки.

Выслушав фон Гюнтера, Кузмин произнес странную фразу:

— Я давно говорил Маковскому, что надо прекратить эту игру. Но аполлоновцы меня и слушать не хотели...

16 ноября в редакции «Аполлона» Михаил Кузмин в присутствии Алексея Толстого открыл Сергею Маковскому всю правду о личности Черубины де Габриак, указав на Елизавету Дмитриеву. Маковский, изо всех сил пытаюсь сгладить свою крайне смешную роль в этой мистификации, предложил ей сотрудни-

— Я хорошо знаю госпожу Дмитриеву. Как женщина она гораздо интереснее, чем как поэтесса. По крайней мере, в некоторые моменты...

Вот об этом тут же стало известно Волошину, который пребывал в блаженной уверенности: «роман» Лили с Гумилевым придуман им от и до. Оказывается... И добродушный, миролюбивый Волошин, оказавшись в роли обманутого любовника, при первой же встрече дал сопернику пощечину по всем правилам дуэльного искусства.

Забегая вперед, скажу: Гумилев впоследствии никогда не обсуждал

В редакции «Аполлона» Михаил Кузмин в присутствии Алексея Толстого открыл Сергею Маковскому всю правду о личности Черубины де Габриак, указав на Елизавету Дмитриеву. Маковский, пытаюсь сгладить свою крайне смешную роль в этой мистификации, предложил ей сотрудничество на новых условиях, но та гордо ответила: «Я умерла вместе с Черубиной!»

чество в журнале на новых условиях, но она гордо ответила:

— Я умерла вместе с Черубиной!

Очень пафосно, конечно, но, к сожалению, эти слова полностью соответствовали действительности: больная психика Лили не выдержала исчезновения ее «второго я».

Любопытные кинулись расспрашивать Гумилева, считая его наиболее близким к Дмитриевой лицом и даже виновником всей мистификации. Доселе молчавший поэт ответил с офицерской прямоотой:

историю с Черубиной и не опускался до опровержения возводимых на него обвинений. Вся информация о его «неприглядной роли» в этой истории исходила от Волошина, заинтересованного в том, чтобы самому выглядеть как можно более невинным, и от влюбленной в Волошина Марины Цветаевой, которая позже написала свою историю о талантливой и несчастной поэтессе. Хромой, некрасивой, но очень одаренной и не нашедшей другого пути, чтобы пробиться в мир поэзии через толпу

мужчин, которые бы не простили ей несоответствия красоты ее стихов и физической ущербности.

Цветаеву не насторожило даже то обстоятельство, что Волошин и ей предложил участвовать в аналогичной мистификации, но выдавая себя на этот раз за мужчину. От такого предложения Цветаева гордо отказалась, заявив, что все написанное она привыкла подписывать своим настоящим именем.

А к воспоминаниям самой Дмитриевой стоит относиться очень осторожно: там и скорбь по умершей мифической дочери, и боль утраты любимой матери (которая была тогда еще жива и относительно здорова), и «чисто платонические» отношения с Волошиным... И о дуэли между ним и Гумилевым Дмитриева писала как о попытке «дорогого Макса» наказать «надменного офицера» за открытие инкогнито Черубины. В общем, ро-

ман, а не воспоминания. И в прощальном письме Волошину она осталась верна себе:

«Я стою на большом распутье. Я ушла от тебя. Я не буду больше писать стихи. Я не знаю, что я буду делать. Макс, ты выявил во мне на миг силу творчества, но отнял ее от меня навсегда потом. Пусть мои стихи будут символом моей любви к тебе».

Дуэль Волошина и Гумилева больше смахивала на театральную постановку. Стрелялись на Черной речке (а где же еще?) из старинных пистолетов. Великолепный стрелок, Гумилев промахнулся с расстояния в 15 шагов, а у Волошина, который, по его собственному признанию, «боялся, по неумению стрелять, попасть», пистолет дал осечку. Гумилев предложил ему выстрелить еще раз, Максимилиан благополучно промахнулся, а его противник от второго выстрела отказался, равно, как и отказался подать Волошину руку. И его можно понять.

А последняя встреча Сергея Маковского с Дмитриевой и вовсе отдает мелодрамой. Лиля, во что бы то ни стало, хотела предстать перед Маковским «подлинной Черубиной».

«Дверь медленно, как мне показалось, очень медленно растворилась, и в комнату вошла, сильно прихрамывающая, невысокая, довольно полная темноволосая женщина с крупной головой, вздутым чрезмерно лбом и каким-то поистине страшным ртом, из которого высовывались клыкообразные зубы. Она была на редкость некрасива. Или это представилось мне так, по сравнению с тем

образом красоты, что я выносил за эти месяцы? Стало почти страшно. Сон чудесный канул вдруг в вечность, вступала в свои права неумолимая, чудовищная, стыдная действительность. И сделалось до слез противно, и вместе с тем жаль было до слез ее, Черубину...»

Маковский усадил Лилю в кресло. Она говорила долго, сбивчиво, и ему не удалось вставить в ее монолог ни словечка. Суть ее длинной и несвязной речи Маковский позже изложил так:

«"О том, как жестоко искупаю я обман, — один Бог ведает. Сегодня, с минуты, когда я услышала от вас, что все открылось, с этой минуты я навсегда потеряла себя: умерла та единственная, выдуманная мною "я", которая позволяла мне в течение нескольких месяцев чувствовать себя женщиной, жить полной жизнью творчества, любви, счастья. Похоронив Черубину, я похоронила себя и никогда уж не воскресну..." На прищуренных глазах показались слезы, и голос, которым я так привык любоваться, обратился в еле слышный шепот. Она ушла, крепко пожав мне руку. Больше мы не встречались».

Маковский по-прежнему считал Черубину-Дмитриеву только приятельницей Волошина и никогда не узнал всей правды. Тем более что они действительно больше не встречались.

В 1911 году Елизавета Дмитриева вышла наконец замуж за ставшего к тому времени инженером-мелиоратором Владимира Васильева, приня-

ла его фамилию, и уехала с ним в Туркестан. Позднее много путешествовала, побывала в Германии, Швейцарии, Финляндии, Грузии — в основном, по делам «Антропософского общества». Антропософия (разновидность теософии) становится главным ее занятием на все последующие годы и, видимо, источником нового вдохновения, поскольку Лилия все-таки снова начала писать стихи.

В 1922 году Васильевы вернулись в Петроград. Лилия начала работать в литературной части Петроградского театра юного зрителя. Помимо этого делала переводы с испанского и французского, написала повесть для детей о Миклухо-Маклае «Человек с Луны».

В 1926 году начались репрессии по отношению к русским антропософам, и год спустя в доме Васильевых был обыск. Конфисковали все ее книги и архив, а саму Лилю выслали на три года в Ташкент. В ссылке она создала собственную, уже безобидную мистификацию — цикл семистиший «Домик под грушевым деревом», написанный от имени вымышленного ссыльного китайского поэта Ли Сян Цзы.

Умерла Елизавета Дмитриева 5 декабря 1928 года от рака печени в ташкентской больнице им. Полторацкого, не дожив до конца ссылки. Волошин скончался после второго инсульта в августе 1932 года в Коктебеле. Свой дом он завещал Союзу писателей.

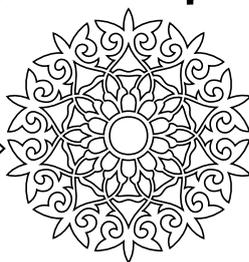
А Черубина де Габриак стала вторым (после Козьмы Пруткова) и последним клоном русской поэзии Серебряного века... □

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ

СЪИДЕЪИ

— Послушай, Уолт, я и не сомневался, что у тебя найдется тысяча и одна отговорка, — гневно выпалил шериф Нэд Харлоу, — но поверь мне на слово — эту чертову рождественскую распродажу, что ты затеял, нужно срочно отменить! Иначе в самое ближайшее время половина населения Таунтона отправится на тот свет! — Выхватив из кармана газету, он рывком раскрыл ее на предпоследней странице: — Нет, вы только посмотрите! Уму непостижимо! Так, где это... Ага! «Гигантская Рождественская распродажа! Скидки, выходящие за пределы воображения! Живем один раз! Не упустите свою последнюю возможность!» Никогда не сталкивался со столь возмутительным поступком!

— Да что тут такого? Обычная практика, — спокойно возразил Уолт Сандерсон — высокий мужчина с курчавой шевелюрой и лохматыми бровями. Говорил он, как и делал все остальное, медленно и с расстановкой. — Таким способом любой бизнесмен избавляется от залежавшегося товара. А мне-то почему нельзя?

— Потому что ты — владелец единственного в Таунтоне похоронного бюро! — рявкнул шериф. — Другими словами, наш городской гробовщик. А гробовщики не имеют права устраивать распродажи.

— Не понимаю, почему? — удивился Уолт. — У меня скопилась куча гробов, которые я давно мечтаю куда-нибудь сплавить. Мне нужен новый, более современный товар. Да и если бы только одни гробы! А урны для праха? Эх, Нэд, видел бы ты эти урочки! Всего сто пятьдесят долларов

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СВЯДЕНИЯ

плюс налог, и я обеспечу тебя одной из самых красивых в мире...

— Не уводи разговор в сторону! — Харлоу вытер вспотевшую багровую физиономию клетчатым носовым платком. — Все не так просто, как тебе кажется. Тут, понимаешь, свои нюансы...

Уолт недоуменно пожал плечами.

— Хорошо, Нэд. Тогда объясни мне толком, где я сваял дурака. Ты ведь не из тех, кто будет вставлять человеку палки в колеса, чтобы иметь свой процент от его бизнеса. Если только ты не изменился за последние пять лет.

Пять лет назад Нэду Харлоу, холостяку с солидным стажем, неожиданно взбрело в голову жениться. Естественно, Уолт пытался его отговорить, но тщетно. А жаль. Брак с Неттой Парсонс из соседнего Пиксвилла стал сущим наказанием с того самого момента, когда она во время венчания громко шикнула на Нэда, от волнения забывшего слова брачного обета.

Нетта оказалась весьма целеустремленной женщиной с волевым характером. Она содержала дом в идеальной чистоте и даже отучила Нэда употреблять всякие забористые словечки, но вместе с этим за удивительно короткий срок ей удалось отвадить от него всех его друзей — в том числе и Уолта.

Это был крайне неприятный и болезненный период для Нэда. Вечер каждого четверга они с Уолтом проводили за шашками и пивом, и до тех пор, пока это благоденствие не закончилось, он и не подозревал, что такое настоящая мужская дружба.

Разумеется, поначалу он пытался сопротивляться. Старался втолковать Нетте, что она не вправе выбирать ему друзей, и хотя ради нее он готов на многое, посиделки с Уолтом по четвергам — это святое.

Однако, помимо всех своих прочих достоинств, Нетта была еще и умной женщиной. Смекнув, что так просто мужа не проймешь, она принялась распространять среди знакомых слухи о том, насколько небрежно Уолт относится к выполнению заказов, одновременно расхваливая на все лады таланты гробовщика в ее родном Пиксвилле. А поскольку в таком маленьком городке, как Таунтон, мнение

жены шерифа имеет изрядный вес, Нэд, из боязни погубить бизнес Уолта, был вынужден смириться и уступить.

Вот так и вышло, что он не виделся со старым другом долгих пять лет и, оказавшись в его гостиной, не смог сдержать волнения. Это была просторная комната, судя по обстановке, явно принадлежавшая холостяку. Столик с шахматной доской по-прежнему стоял в углу у камина, и Нэд, позабыв на миг, что его сюда привело, невольно улыбнулся.

— Я больше не играю, — словно угадав его мысли, тихо сказал Уолт. — Время от времени захаживает Джейк Баркер, но когда постоянно ждешь от него какого-нибудь подвоха, это так напрягает, что на игре сосредоточиться невозможно. Никакого удовольствия. — Он посмотрел на шерифа, и его глаза блеснули: — Нэд, а твое дело не может обождать? Так хорошо могли бы посидеть, хлебнуть пивка, сыграть партеечку-другую...

Харлоу отрицательно мотнул головой:

— Увы, Уолт. У нас серьезная проблема, причем напрямую связанная с твоим бизнесом. За последнюю неделю уровень смертности в Таунтоне подскочил до небес. Только не говори мне, что ты этого не заметил.

— Вообще-то, — задумчиво поскреб подбородок Уолт, — если честно, то после того, как я в прошлый понедельник дал объявление в газете, у меня не было ни минутки свободной. Вкалываю как проклятый. Что ж, ничего не поделаешь. Считай, что всем тем, кто смог воспользоваться моими рождественскими скидками, просто повезло.

— «Просто повезло», говоришь? — буркнул Харлоу. — А тебе не приходило в голову — откуда столько покойников сразу? Странное совпадение, тебе не кажется? С чего бы это вдруг они все решили помереть именно на этой неделе?

Уолт непонимающе уставился на шерифа:

— Нэд, к чему ты клонишь?

— У меня есть подозрение, что все эти люди, которые сейчас лежат в твоих уцененных ящиках, умерли не своей смертью. А если уж совсем откровенно, я готов поспорить на двадцатку, что, даже если там есть и такие, кто отошел в мир иной по воле Божьей, то их раз-два и обчелся.

Чтобы переварить подобное заявление, Уолту понадобилось изрядное время. Выбив о каминную решетку пепел из трубки, он вновь сунул ее в рот и глубоко задумался.

— То есть, ты хочешь сказать, — наконец неуверенно произнес он, — что большинство из них отправились на тот свет с чьей-то помощью?

— Именно это я и пытаюсь тебе втолковать, — мрачно кивнул Харлоу. — И если эти смерти не прекратятся, сюда скоро нагрянут ребята из полиции штата.

— Нет, старина, этого просто быть не может! — замахал руками Уолт. — Здесь же одни несчастные случаи. Сара Хардинг поскользнулась на заднем

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СЛУЧАИ

крыльце, упала и сломала шею. Уэс Гаммет... ну, все знали, что если он не бросит пить, то непременно попадет в беду. А касаясь Тома Фрэнклина, то...

— Это больше, чем обычное совпадение, — упрямо покачал головой шериф. — Хотя пока что никто не прокололся. Пока что. На данный момент еще не было ни одного случая отравления или чего-то такого, что могло бы навести на мысль о преднамеренном убийстве, но, тем не менее, между нашими покойниками есть одно общее — все они относятся к разряду людей, о чьей смерти некоторые могли долгое время только мечтать. Причем именно родственники — кому же еще предстоит оплачивать расходы на похороны?

— Что ж, может статься, ты и прав, — медленно протянул Уолт. — Однако я никак не возьму в толк, при чем здесь моя реклама? Все чин чинарем, по закону...

— Хорошо, возьмем Сару Хардинг, — терпеливо сказал Харлоу. — То, что она завещала пятьдесят тысяч своему племянничку Джейку, знала каждая собака в городе.

— Отличный подарочек к Рождеству, ничего не скажешь, — кивнул Уолт.

— О том я тебе и твержу! — взревел шериф. — А чтобы его получить, ему требовалось всего лишь одно — спихнуть старушку с крылечка и заграбастать ее денежки!

Далее — Уэс Гаммет. Пить-то он бросил еще лет пять назад — после того, как бог знает сколько провалялся в клинике для алкоголиков. Но потом он чуть ли не у всех на глазах закрутил роман с женой собственного кузена Грэйстона Брэкетта! И есть свидетели, которые утверждают, что в ту ночь, когда Уэс попал под поезд, у железнодорожных путей видели человека, очень похожего на Грэйстона.

Если тебе и этого мало, то пожалуйста — Фрэнк Крэм. Он проработал на городской лесопилке чуть ли не двадцать пять лет. Неплохо, да? Так вот — мне показалось довольно странным, что такой опытный работяга выбрал именно эту неделю, чтобы потерять равновесие и упасть прямехонько на цирку-

лярную пилу. Не думаю, что мне удастся доказать, что в этот момент у него за спиной находился его шурин Уилбер Паркер, однако факт остается фактом — беднягу Фрэнка вспорол, как сосиску для хот-дога. И после этого ты мне хочешь сказать, что...

— Да, чтобы Фрэнк выглядел в гробу более-менее сносно, мне и впрямь пришлось повозиться, — согласился Уолт и поежился: — Не хотелось бы мне каждый день заниматься подобной работенкой. Теперь я понимаю, что ты имеешь в виду. Фрэнк трепался на каждом углу о том, что Уилбер не любит отдавать долги. Так?

— Наконец-то до тебя дошло, — облегченно вздохнул шериф. — А еще я имею вот что — если ты не отменишь свою чертову распродажу...

Зазвонил телефон, и Уолт, извинившись, снял трубку.

— Алло?... Да, я... Боже мой!... Какой ужас!... Просто кошмар... да, мэ, примите мои соболезнования... Разумеется, мэ, я скоро буду.

— Никак, еще один? — вкрадчивым тоном поинтересовался Харлоу. — И кто же на этот раз?

— Люси Крокетт. Провалилась под лед на пруду за мельницей и утонула.

— Похоже, тут тоже ни черта не докажешь. Сам знаешь, эту самую Люси ненавидел до белого каления весь город. Это же какой стервой надо было быть, чтобы ухитриться насолить всем и каждому... Послушай, Уолт, если и это для тебя не доказательство, то я уж и не знаю, как мне с тобой быть. Даже если есть хоть один шанс, что это не несчастный случай, ты должен поставить на своей распродаже крест.

— Да, старина, боюсь, что ты прав, — сокрушенно вздохнул Уолт. — Хотя знал бы ты, как мне неохота подводить всех тех, кто на меня рассчитывал. Жаль. У меня припасены такие классные гробики, что закачаешься. Широкие, дубовые, с розовой атласной обивкой, с большущими подушками... Перекупил их у одного коллеги еще году этак в семидесятом — не подумал тогда, что наши, местные, никогда не поймут, что хороший товар и стоит недешево. Со скидками они бы ушли у меня в два счета, а теперь застрянут надолго. Причем скидка распространяется не только на сами товары, но и на обслуживание, представляешь?! Взять, к примеру, хорошую добротную могилу — на этой неделе тебе бы пришлось выложить за нее в три раза меньше, чем по обычным расценкам...

Его прервал очередной телефонный звонок.

— Твоя жена, — мрачнее на глазах, прошептал он. — По-моему, злая, как мегера, и требует тебя.

Черт возьми, подумал Харлоу, в нее что, радар встроен?! Ведь он не говорил ей, что собирается заходить к Уолту! И, тем не менее, не успел он пробыть у него и десяти минут, как она тут как тут — и наверняка потребует, чтобы он сейчас же сломя голову летел домой!

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СВЯТКИ

Шериф не ошибся. Голос Нетты звучал отчетливо и громко — настолько, что ему приходилось держать трубку на некотором отдалении от уха. Досталось и ему, и Уолту — особенно Уолту, который стоял рядом и, конечно же, прекрасно слышал каждое ее слово. Впрочем, именно на это Нетта и рассчитывала. Каждый раз, когда она замолкала, чтобы перевести дух, Харлоу покорно повторял:

— Да, дорогая... Конечно, дорогая...

Положив трубку, шериф согнал с лица мученическую гримасу и некоторое время невидящим взглядом пялился на телефон, явно принимая какое-то решение. Затем повернулся к своему старому другу и многозначительно посмотрел ему в глаза.

— Все, Нэд, я согласен, распродажа отменяется, — с готовностью кивнул тот. — Хотя... насколько я тебя понял, если ее продлить еще на денек, то это никому не повредит? А кому-нибудь, глядишь, и вовсе не помешает? Верно, старина?

Столь пышных похорон, коих удостоилась Нетта Харлоу, Таунтону не доводилось видеть за всю историю своего существования — об этом в один голос твердили все старожилы. Поскольку безутешный супруг не поскупился на расходы да еще воспользовался рождественскими скидками Уолта Сандерсона, на сей раз превзошедшего самого себя, похоронная процессия явила собой весьма впечатляющее зрелище, запомнившееся надолго.

Причиной безвременной кончины бедняжки послужил — как написал в своем вердикте коронер — «перелом шеи у основания черепа в результате аварии, произошедшей вследствие отказа тормозов на крутом спуске с Поттерс-Хилл».

Что же касается Уолта, то после отмены распродажи дела у него пошли по-старому, но он не унывает — ведь теперь это позволяет им с Нэдом встречаться за шашками и пивом не только по четвергам, но и по понедельникам. □

Перевод с английского
Дмитрия Павленко

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЧЕТЫРЕХ ЕВАНГЕЛИСТОВ

Франс Халс. Автопортрет

Совсем недавно Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина стал владельцем картины Франса Халса «Евангелист Марк». Весной прошлого года она выставлялась лишь как дорогая гостя, потому приобретение картины — невероятно важное событие не только для Пушкинского музея, но и для всех ценителей живописи в нашей стране.

В голландском искусстве рядом с Халсом можно поставить лишь Рембрандта. Однажды Ван Гог сказал о Халсе: «Он писал портреты, одни только портреты... Дальше этого он не шел, но это вполне стоит «Рая» Данте, всех Микеланджело и Рафаэлей, и даже Греков...» Героями Халса были самые разные люди — и простые ремесленники, и зажиточные купцы, и офицеры-аристократы, и бродяги, цыгане, и завсегдатаи кабаков. Они пьют вино, поют и танцуют, важно позируют или просто радуются тому, что сыты, здоровы, спокойны, и ничто их не тревожит. Они любят жизнь во всех ее проявлениях, как любил жизнь и сам художник — недаром у Франса Халса была репутация кутилы, он обожал пиры и красивых женщин. Неудивительно, что Церковь недолюбливала художника, не жаловал и он святых отцов, поэтому герои Священного Писания появлялись на его картинах крайне редко и всегда в образе его современников — это были простые голландские мужики, крестьяне, жители Харлема и окрестных деревень. А однажды из-под его кисти вышли четыре удивительные картины — портреты евангелистов Иоанна, Марка, Матфея и Луки. И вот один из них сегодня стал украшением коллекции Пушкинского музея.

История этой картины — настоящий детектив.

В XVIII веке почти все европейские монархи принялись создавать свои личные музеи. У некоторых они уже были давно, а у русских императоров — не было. И тогда амбициозная Екатерина Великая тоже решила занять свой музей, и, конечно же, он должен быть не хуже собраний ее европейских собратьев! Ее посланники бросились покупать для русской императрицы лучшие, как им казалось, полотна старых и современных мастеров. Как правило, их выбор был более чем оправдан. Именно тогда будущий Эрмитаж получил шедевры, ко-

торыми гордится и сегодня, — полотна Рубенса, Тициана, Рембрандта, Ваттто, Шардена и многих других замечательных художников прошлого. Надо сказать, что у Екатерины II были очень хорошие советники — и среди них Дидро и Фальконе.

Не всегда удача сопутствовала эмиссарам государыни. В 1771 году два корабля с купленными в Гааге картинами голландских мастеров (и среди них — четыре портрета евангелистов кисти Франса Халса), а также другими приобретениями императрицы попали в сильнейший шторм: одно из судов, «Фрау Мария», потонуло, а второе, получив пробоину, все-таки дошло до Пе-

тербурга. К счастью, именно на нем плыли халсовские портреты евангелистов. В 1773 году они уже значились — под соответствующими номерами — в каталоге собрания Эрмитажа, составленном Эрнестом Минихом. В особой графе каталога восхищенный работой Халса Миних не смог не отметить: «Эти четыре картины очень выразительны и написаны с присущей автору смелостью кисти».

Франс Халс, один из величайших живописцев Нидерландов, работы которого сегодня украшают лучшие собрания Америки и Европы, родился предположительно в 1582 году (точная дата, как и многое другое в биографии художника, неизвестна) в Антверпене, в семье ткача. В 1585 году после Восемидесятилетней войны Антверпен перешел под власть Испании, и семья Халса перебралась в Северные Нидерланды, в Харлем. В начале 1600-х молодой художник учился у Карела Ван Мандера, а уже в 1610 году стал членом гильдии святого Луки, то есть вполне самостоятельным и признанным в городе мастером. Его картина «Банкет офицеров стрелковой роты св. Георгия» (1616 г.) принесла ему известность и многочисленные заказы. В 1620-х годах Халс писал в основном жанровые сцены, композиции на религиозные темы были чрезвычайно редки в его творчестве, а потому особенно ценны. И среди них — портреты четырех евангелистов (которые как раз и заполучили эмиссары русской императрицы для ее собрания живописи). Возможно, эти картины были напи-

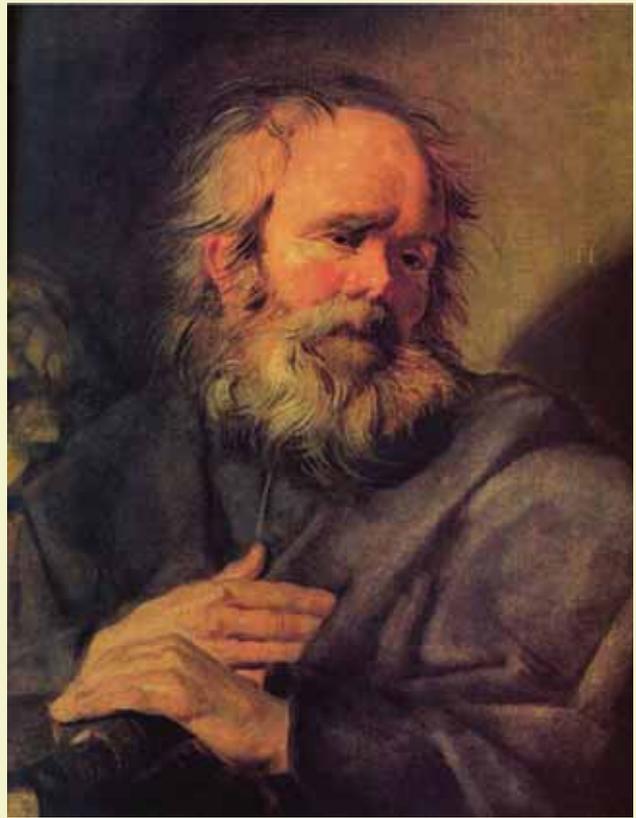

Евангелист Марк

саны для католической или лютеранской церкви, хотя их размеры (небольшие) дают основание предположить, что художник их написал для небольшой частной капеллы или нелегальной (тогда в Голландии было опасно открыто провозглашать себя католиком) харлемской католической церкви, а может, даже для частного дома. Официально в Гарлеме католические службы были разрешены только в апреле 1581 года, но домашние капеллы были и раньше — в городе оставалось много католиков. Но вполне вероятно, что заказчик был и протестантом. Не исключено, что Халс написал эти портреты и просто для себя. Потом он создал еще много прекрасных картин, но со временем его популярность стала падать — появлялись

Евангелист Лука

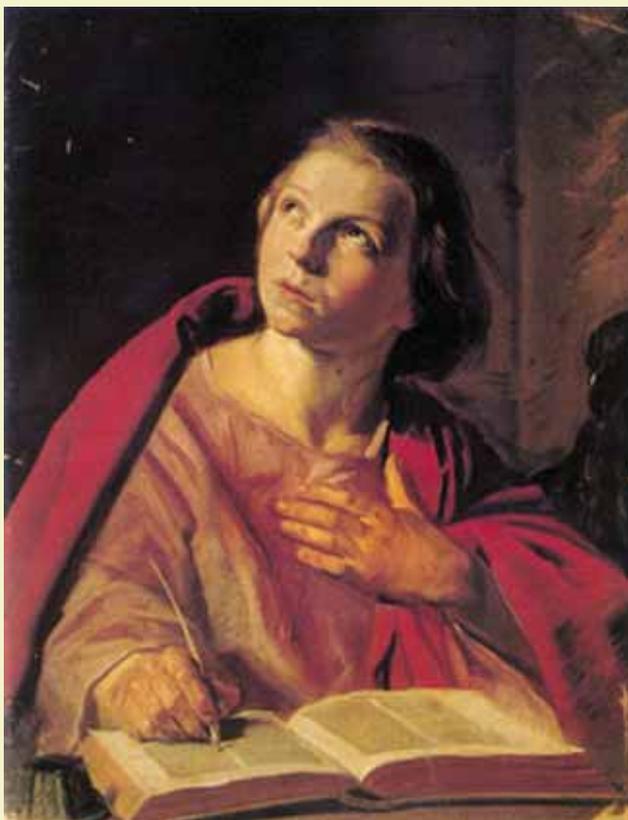

Евангелист Марк

новые живописцы, да и его рука с годами ослабевала. Постепенно иссякли заказы. Конец жизни художника был довольно грустный — Халс, нищий одинокий старик, умер, всеми забытый, в харлемской богадельне 26 августа 1666 года.

А его «Евангелисты» продолжали свою жизнь. До XVIII века полотна находились на родине. Первое письменное упоминание о них относится к 1760 году — они фигурируют в описании наследства художника Герарда Хоета Мл. Позже картины переходили из одних рук в другие, пока в 1771 году их не приобрел в числе многих других картин голландских мастеров для Екатерины II голландский аукционер Йен Ивер.

Во второй половине XIX века интерес к творчеству Халса невероятно вырос. Его картины все чаще стали появляться на аукционах, и покупались они за сумасшедшие деньги, как частными коллекционерами, так и большими музеями. И на этом фоне Александр II отдал приказ подарить католическим церквям Таврической губернии (земли, недавно отвоеванные у Турции), в состав которой входила Одесса, несколько старых картин религиозного содержания. Франц Лабенский, который тогда заведовал картинной галереей Эрмитажа, поспешил выполнить приказ императора и в 1812 году передал католическим прелатам тридцать картин, и среди них — четырех евангелистов Халса!

Евангелист Иоанн

Более ста лет картины Халса висели в полутемном притворе католической церкви в Одессе. Эта церковь находилась недалеко от вокзала, и приезжавшие в город благочестивые гости города у моря истово молились о здоровье и успехах в делах перед ликами голландских стариков, запечатленных в образе евангелистов великим художником.

Прошло еще сто лет, в России началась революция, потом — Гражданская война. Отношение к Церкви менялось, и многие сокровища, хранившиеся в храмах, переезжали в музеи. Так случилось и с евангелистами Халса, точнее, со «Святым Матфеем» и «Святым Лукой», — они попали в Одесский музей Западного

Евангелист Матфей

и Восточного искусства. В то время уже никто не помнил, кто автор этих картин, и их записали в каталоге как произведения неизвестного художника XIX века.

В 1959 году в Одессу приехала известный искусствовед, сотрудник Эрмитажа и большой знаток голландской живописи Ирина Владимировна Линник. Наткнувшись в запасниках одесского музея на старые холсты, она обнаружила в углу полотен крупные красные цифры — «фирменный» знак старой эрмитажной каталогизации (№ 1895 — у «Луки» и № 1896 — у «Матфея»). Проведя экспертизу картин, Ирина Линник доказала, что это — полотна великого Халса, давно считавшиеся по-

Малле Баббе

терянными. Она писала: «Беспримерная по своей смелости манера живописи, широкая и энергичная, могла принадлежать только самому гениальному новатору живописной техники — Франсу Халсу». В 1962 году эти две картины представили на большой выставке Халса, состоявшейся в его родном Харлеме. Открытие Линник стало настоящей сенсацией, и было высоко оценено всем мировым сообществом, ведь специалисты знали, что у Халса были работы на религиозные темы, но их никто не видел, к тому же, любое полотно Халса имеет огромную ценность, а, по сути, — бесценно!

А халсовского «Святого Луку» ждало еще одно испытание. В 1965

году его похитили, и только усилиями работников КГБ картина вернулась в музей. На основе этих драматических событий был снят фильм «Похищение святого Луки».

Итак, весной 1965 года обе одесские картины — «Луку» и «Матфея» — привезли в Москву, на большую выставку в Пушкинском музее. 9 марта в музее был санитарный день, посетители отсутствовали, а на следующий день, когда работники музея пришли на работу, они с ужасом обнаружили, что халсовский «Лука» исчез! А ведь совсем недавно министр культуры СССР Екатерина Фурцева во время одного из официальных визитов в Европу гордо заявляла: «В Советском Союзе, в отличие от Запада, — музеи не грабят». И действительно, эта кража была первой подобного рода в СССР. Тут же было принято решение: всю информацию о совершенном преступлении засекретить — советским людям совсем необязательно знать, что в их стране такое возможно.

Прошло несколько месяцев, но, несмотря на все усилия милиции, картину найти не удавалось. По просьбе Фурцевой дело передали в КГБ. Рассматривались различные версии, различные коллекционеры — советские и зарубежные, но... В какой-то момент дело зашло в тупик.

К счастью, не выдержали нервы у преступника — кража была раскрыта не благодаря усилиям сыщиков, а из-за ошибки вора! Спустя почти полгода после кражи преступник, жаждавший уже, наконец, избавиться от опасного полотна и полу-

Поющие мальчики

чить хорошие деньги, выбрал в толпе возле магазина «Грампластинки» на Калининском проспекте мужчину, одетого «по-западному» и предложил купить картину старого мастера «уровня Рембрандта» всего за 100 тысяч рублей. К счастью, этим одетым «по-западному» господином был сотрудник советского посольства в ФРГ и, к тому же, как это тогда нередко бывало, разведчик КГБ. Настоящий профессионал, он сразу почувствовал, что обратившийся к нему человек не блефует. «Нет, я живописью не интересуюсь, но могу найти покупателя», — сказал он.

Роль покупателя сыграл сотрудник внешней разведки Л. Краснов, говоривший на немецком языке как

Цыганка

на родном русском. Итак, встреча была назначена на субботу 28 августа. Покупатель и продавец поторговались, и цена картины упала до 60 тысяч рублей. После встречи за молодым человеком установили слежку. Каково же было изумление сыщиков, когда они обнаружили, что их подопечный идет в Пушкинский музей, причем заходит со служебного входа! Его личность тут же была установлена: Валерий Волков, 27 лет, по образованию — столяр-мебельщик, в 1957 году осужден за кражу личного имущества, освобожден досрочно, в 1963 году был принят на работу реставратором по дереву в Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина по рекомендации одного из сотрудни-

Регентши приюта для престарелых

ков. Это был настоящий позор для всех занятых в деле следователей: где они только ни искали картину, а в это время работник музея почти год прятал ее в своей квартире!

Впоследствии Волков говорил, что украл «Святого Луку» по просьбе московского коллекционера Валерия Алексеева, который собирался перепродать полотно за границу, причем по весьма дорогой цене. Однако Алексеев всячески отвергал свою связь с Волковым — его вина так и осталась недоказанной. А Волков получил за преступление десять лет тюрьмы и штраф на реставрацию полотна: во время хранения в свернутом виде, в неправильном температурном режи-

ме, картина была сильно повреждена, многие специалисты тогда считали, что она просто утрачена для искусства. Однако после двух с половиной лет усилий одного из лучших реставраторов СССР Степана Чуракова (он приобрел бесценный опыт, реставрируя полотна Дрезденской галереи, пострадавшие во время войны) «Святой Лука» вернулся в Одессу и занял свое прежнее место в собрании музея Западного и Восточного искусства, рядом со «Святым Матфеем».

Итак, судьба двух евангелистов прояснилась, но вот два других полотна — «Святой Иоанн» и «Святой Марк» — пропали на долгие годы. Скорее всего, они были похищены

из одесской церкви и отправлены в Европу еще во времена Крымской войны. Историки искусства уже почти отчаялись обнаружить их следы.

В октябре 1972 года в Лондоне открылся очередной аукцион. Среди прочих первоклассных картин там был выставлен на продажу «Портрет бородатого мужчины». Поначалу его приписывали кисти итальянского художника Луки Джордано. На холсте — пожилой мужчина с бородой, одетый по моде середины XVII века в темный костюм с белым отложным воротником и широкими манжетами. Изучая картину, известный искусствовед доктор Клаус Гримм обнаружил невероятное сходство манеры изображения головы и рук данного персонажа с уже хорошо известными к тому времени картинами из Одессы. Он сделал химический анализ красочных пигментов — пробы были взяты из десяти разных мест полотна. Результаты оказались поистине поразительными: все пигменты, использованные при написании лица, рук, фона и костюма (помимо воротника и манжет), соответствовали материалам, применявшимся живописцами XVII столетия, а пигменты с воротника и манжет появились на палитре художников лишь в XIX веке! Разными оказались и связующие компоненты: в одном случае это было льняное масло, в другом — яичный желток. Оказалось, что костюм, соответствующий моде 1640-х годов, написан поверх грубого плаща, а слева реставраторы обнаружили

изображение головы льва — атрибута евангелиста Марка! Зачем замазали льва? Вероятно, картину, нетипичную для художника по сюжету, какие-то из ее владельцев хотели сделать более «халсовской», превратив ее в обычный портрет...

И, наконец, в 1997 году на аукционе Сотби в Лондоне появился четвертый евангелист — «Святой Иоанн», его купили представители музея Пола Гетти в Малибу (Калифорния, США).

Так все четыре евангелиста снова вернулись к людям.

А музей имени А.С. Пушкина можно поздравить с замечательным приобретением — чудесным портретом «Евангелист Марк» Франса Халса, купленным для музея фондом Алишера Усманова. Работники музея не говорят о цене, можно только догадываться, но сумма наверняка астрономическая — ведь полотно поистине бесценно.

В среде успешных российских бизнесменов понемногу появляются меценаты. «Появились люди, которые готовы жертвовать на культуру, — говорит президент ГМИИ имени А.С. Пушкина Ирина Антонова. — Дай бог, чтобы в нашем обществе снова были люди, подобные Третьяковым, Морозовым, Мамонтовым, Щукиным. Я убеждена, что покупать произведения искусства гораздо достойнее, чем, к примеру, футболистов. Пусть меценатство войдет в моду, и тогда, возможно, у нашей страны будет хорошее, светлое будущее...» □

Алла Зубкова

божественная Сара

Спектакли с ее участием вызывали у публики не меньший ажиотаж, чем сегодня мировые премьеры голливудских блокбастеров. Собранные вместе фотографии великой Сары Бернар образовали бы гору высотой с Эйфелеву башню, а вырезки с рецензиями из газет и журналов могли бы опоясать земной шар. Ее многочисленные любовные похождения удивляли даже выдавших виды парижан. Но лишь двое мужчин по-настоящему владели ее сердцем...

Сара Бернар появилась на свет в Париже 23 октября 1844 года. Она была незаконным ребенком, плодом любви некоей Жюли Ван Хард, молодой, необычайно привлекательной голландской еврейки, приехавшей в Париж, и студента-юриста Эдуарда Бернара.

После отъезда Эдуарда в родной Гавр Жюли пришлось самой заботиться о себе и своей дочери. Делала она это, надо сказать, весьма успешно. Не отличаясь высокими моральными принципами, Жюли вскоре становится одной из самых модных в Париже «дам полусвета». Так именовались тогда в «столице мира» куртизанки высокого полета. Среди ее покровителей были блестящие светские львы и известные финансовые воротилы. В ее изысканном салоне часто можно было встретить Дюма-отца и композитора Россини.

Маленькая Сара мешала светским развлечениям матери. Поэтому вначале она жила со своей кормилицей в пригороде Парижа, а затем в возрасте восьми лет попала в пансион юных девиц мадам Фрассар, где за два года мать посетила ее всего дважды. По протекции «покровителя» Жюли, герцога де Морни, Сару потом отдали на воспитание в привилегированный католический монастырь в Версале. В одиннадцать лет она приняла обряд крещения и стала ревностной католичкой, удивляя своим религиозным рвением монахинь. Впрочем,

от природы она была наделена очень вспыльчивым нравом, и иногда ее охватывали неудержимые приступы гнева. В эти минуты от Сары лучше было держаться подальше. Для таких случаев монахини держали наготове ковш святой воды и, творя молитву, выливали его на голову не в меру разошедшейся девчонки. Впрочем, Сара была очень отходчива и быстро успокаивалась.

Она мечтала посвятить свою жизнь служению Богу, стать монахиней, но ее мечтам не суждено было сбыться. Вероятно, вмешалась рука самого Провидения. На одном из приемов в салоне матери пятнадцатилетняя Сара высокопарно заявила о своем желании уйти в монастырь, и один из приятелей Жюли жестко высмеял девочку. Оскорбленная в своих лучших чувствах, Сара с яростью дикой кошки накинулась на щеголя, расцарапала ему лицо и вырвала целый клочок напомаженных волос из его холеной шевелюры. Присутствовавший при этой сцене уже упоминавшийся герцог де Морни пророчески воскликнул: «Мой Бог, да эта девчонка прирожденная актриса! Ее место на сцене».

В тот вечер герцог пригласил всех гостей в «Комеди Франсез» в свою ложу. Пьеса Расина «Британик» потрясла Сару до глубины души. Она не могла сдержать слез, а потом и горьких рыданий. На нее зашикали. Мать сгорала со стыда.

Положение спас Дюма-отец. Придвинув свое кресло к креслу девушки, он ласково положил руку на ее худенькие плечи...

По протекции все того же герцога де Морни, кстати, сводного брата императора Наполеона III, Сару приняли в Национальную академию музыки и декламации. Она блестяще сдала экзамен, к которому ее готовил сам Дюма. Автор «Мушкетеров» восхищался голосом девушки, сравнивая его с «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке».

проткнет вас своими зубочистками». Зал содрогнулся от хохота.

Последующие ее работы тоже были признаны неудачными. И все-таки публика и пресса заметили юную актрису. Но не благодаря ее игре, а в результате громкого скандала. Это случилось во время традиционного празднования дня рождения Мольера на сцене «Комеди». Сара привела туда свою младшую сестру Регину. Девочка нечаянно наступила на длинный шлейф платья одной из ведущих актрис театра, мадам Натали. Рассерженная актриса

По протекции герцога де Морни, сводного брата Наполеона III, Сару приняли в Национальную академию музыки и декламации. Она блестяще сдала экзамен, к которому ее готовил сам Дюма. Автор «Мушкетеров» восхищался голосом девушки, сравнивая его с «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке»

В Академии Сара занималась с фанатизмом и упорством, удивлявшими даже ее строгих педагогов, а после окончания учебы ее приняли на работу в «Дом Мольера», знаменитый «Комеди Франсез». Впрочем, особыми успехами она в то время похвастаться не могла. Ее дебют запомнился зрителям, пожалуй, лишь благодаря необыкновенной худобе молодой актрисы. Когда она протянула руки своему партнеру, какой-то остряк из зала выкрикнул: «Осторожно, месье, а не то она

оттолкнула девочку так, что та отлетела к стенке и рассекла себе лоб о край гипсовой колонны. Подбежавшая Сара залепила мадам Натали такую пощечину, что та повалилась на пол, увлекая за собой стоявшего позади актера. Скандал получился превеликий. Газеты описали эту сцену во всех подробностях. Девятнадцатилетняя Сара отказалась извиниться, и была уволена из «Комеди». На сцене прославленного театра она не появлялась целых десять лет.

Последующие годы Сара работала в театре «Жимназ», но успех все не приходил. Зато у Сары стали появляться любовники. Она принимала от них подарки, но, в отличие от матери, никогда ни у кого на содержании не была.

Всю ее жизнь перевернула встреча с молодым князем Анри де Линем, отпрыском знатнейшего бельгийского рода. Произошла она в Брюсселе в 1864 году на костюмированном балу. Сара была в наряде легендарной английской королевы Елизаветы I, Анри — в костюме Гамлета. Несмотря на все мольбы князя, Сара так и не сняла маску. На прощанье де Линь подарил ей красную розу, предусмотрительно завернув колючий стебель в батистовый платок со своей монограммой и короной пэра. На следующий день, гарцуя по центральной улице Брюсселя на своем великолепном вороном жеребце, де Линь

увидел в открытой коляске очаровательную девушку с красной розой, приколотой к корсажу платья. Он немедленно послал грума за своей каретой, куда усадил смущенную молодую актрису. Они провели восхитительный месяц в особняке князя (родители его в то время находились в загородном поместье). Эта идиллия была прервана письмом из Парижа. Опасно заболела мать Сары, и актриса немедленно вернулась во Францию. Там она и обнаружила, что беременна. К тому же, из театра ее уволили, дирекция была раздражена затянувшимися «брюссельскими каникулами». Сара осталась без работы. Обострились и ее отношения с матерью. Жюли, позабыв «подвиги» собственной легкомысленной молодости, обвиняла дочь в неподобающем поведении и выставила ее из дома. Сара сняла небольшую квартирку на улице Дюфо. Там 22 декабря

1864 года она и родила сына, которого назвала Морисом. Она вынуждена была искать работу и вскоре нашла место в театре «Сен-Мартен». Бернар едва сводила концы с концами, но гордость не позволяла ей обратиться за помощью к Анри. К счастью, вскоре де Линь сам приехал в Париж. Узнав в театре адрес своей возлюбленной, он поспешил к ней на улицу Дюфо. Снова почти целый месяц безоблачного счастья. Анри желал узаконить их отношения и отправился в Брюссель за благословением родителей. Те были в шоке. Мысль о том, что их сын, наслед-

ник древнего аристократического рода, свяжет свою судьбу с не известной никому актрисой, да к тому же, полуеврейкой, приводила их в ужас. Однако все их уговоры оказались тщетными. Даже угрозы лишиться наследства не смогли поколебать решимости молодого человека. Но тут в дело вмешалась рука самой судьбы. Во время отсутствия Анри в Париж прибыл его дядя, генерал де Линь. Он встретился с Сарой и убедил ее ради счастья Анри отказаться от любимого. Молодая актриса дала слово и сдержала его. Вернувшемуся Анри она заявила, что «рай в шалаше» ее не прельщает, а обещание бросить сцену было всего лишь не очень удачной шуткой. Оскорбленный в своих лучших чувствах де Линь обвинил ее во всех смертных грехах и удалился, громко хлопнув дверью. Сару едва вывели из глубокого обморока...

Для Бернар роман с Анри де Линем, отцом ее сына, всегда оставался самым дорогим и святым воспоминанием. Судьба подарила им еще одну встречу — двадцать три года спустя. Правда, общался Анри тогда в основном с сыном. Он желал официально признать отцовство и передать Морису свое имя и титул. Однако молодой человек, боготворивший мать, вежливо отклонил это лестное предложение, заявив, что для него самая высшая честь носить фамилию Бернар. Однако не будем забегать вперед.

Первый большой успех Бернар был связан с ее переходом в театр «Одеон». В 1868 году она с блеском сыграла роль мальчика в пьесе Корнеля «Атали». Ее Корделия в «Короле Лире» покорила зрителей своей трогательной изысканностью, но особенно восхитило всех ее исполнение главной женской роли в пьесе Дюма-отца «Кин»... Сара играла с простотой и естественностью, которые стали откровением для публики. На всю жизнь запомнила Бернар вечер 16 января 1872 года. Тогда, сыграв роль королевы в пьесе Гюго «Рюи Блаз», она была признана театральной звездой первой величины.

Вскоре Сара получила приглашение вернуться в «Комеди Франсез» и дала свое согласие. Она стала зарабатывать очень много. Ее гонорары, особенно во время зарубежных гастролей, были по тем временам баснословны, но денег все равно не хватало. Бернар вела чрезвычайно экстравагантный образ жизни. Светские приемы и банкеты шли нескончаемой чередой. Повара не удерживались в ее доме. Сама она ела очень мало, но требовала, чтобы гостей угощали самыми изысканными блюдами. Зато слуги ее боготворили, хотя нередко вспыльчивая хозяйка могла запустить в них черепаховый гребень, а то и кофейную чашечку. Но Сара была очень отходчива, и в порыве раскаяния дарила служанкам порой весьма ценные подарки. Она щедро помогала и своим

коллегам по театру, особенно тем, кто больше не мог работать.

Ее вообще можно назвать гуманным и великодушным человеком. Во время франко-прусской войны, находясь в осажденном Париже, она превратила театр «Одеон» в госпиталь,

которым руководила, одновременно выполняя функции медсестры.

В 1904 году вместе с великим итальянским певцом Энрико Карузо она организовала ряд благотворительных концертов, сборы от которых пошли на помощь русским солдатам, пострадавшим во время русско-японской войны.

Сара Бернар была разносторонне одаренной натурой. Серьезно увле-

калась живописью и ваянием, ее скульптурные работы приобретали даже музеи, прекрасно ездила верхом, отлично стреляла из пистолета (часто любила повторять, что, если бы была мужчиной, то дралась бы на дуэли каждый день) и обожала животных. В доме у нее всегда был целый зверинец. Дюма-сын, впервые явившись к ней со своей пьесой, был не на шутку испуган, когда в гости-

ную к нему вместо хозяйки вышла... пума. На глазах у ошеломленного писателя огромная хищная кошка с аппетитом сжевала его модную соломенную шляпу. Когда она удалась, прилетел большущий попугай-какаду и, усевшись на плечо Дюма, принялся преспокойно клевать пуговицы на его жилете...

В разное время Сара держала тигрят, соколов, шимпанзе и даже

нам не суждено было осуществиться. Катастрофически не хватало времени. Англичанин-профессор отказался заниматься с ней, когда она заявила, что может уделять ему немного времени только после... двух часов ночи. Тем не менее, Сара много играла в пьесах Шекспира. Она отважилась сыграть даже роль Гамлета. Правда, ее интерпретация роли принца Датского вызвала весьма

Зарабатывала Сара очень много. Ее гонорары по тем временам были баснословны, но денег все равно не хватало. Светские приемы и банкеты шли нескончаемой чередой. Повара не удерживались в ее доме. Хотя сама она ела мало, но требовала, чтобы ее гостей угощали самыми изысканными блюдами. Зато слуги ее боготворили, несмотря на то, что вспыльчивая хозяйка могла запустить в них черепаховый гребень или кофейную чашечку

удава. Однажды особенно холодной зимой она истратила две тысячи франков на покупку хлеба для голодных парижских воробьев...

Бернар много гастролировала по всему свету, особенно после того, как снова, и уже окончательно, ушла из «Комеди Франсез». Только в США она побывала десять раз. Языкового барьера для нее не существовало. Как писали американские журналисты, публика ломилась бы на ее спектакли, даже если бы она играла на китайском языке.

Кстати, у Сары было намерение изучать язык Шекспира, но ее пла-

противоречивые отклики публики и прессы. По этому поводу произошла даже дуэль между двумя французскими журналистами.

В конце 1881 года Бернар гастролировала и в России. В Петербурге ее спектакли проходили с огромным успехом. После выступления в Зимнем дворце Сару представили императору. Она собиралась сделать глубокий реверанс, но Александр III остановил ее: «Нет, мадам, это я должен склониться перед вами».

Восхищенные зрители и не подозревали, что первоначально Сара не собиралась приезжать в Россию.

Однако все ее планы спутал человек по имени Жак Дамала. Именно с ним у Сары завязался самый пылкий в ее жизни роман.

В юности красавец-грек промотал немалое состояние, оставленное ему отцом, служил в греческой кавалерии, а затем во французском Иностранном легионе в Африке. Дамала поразил Сару уже во время их первой встречи в сентябре 1881 года (он был прикомандирован в греческое посольство в Париже). Его холодная изысканная вежливость заинтриговала Бернар, которая привыкла к тому, что мужчины взирают на нее как на богиню, сошедшую с Олимпа. Дамала же смотрел на нее с чуть ироничным прищуром, как на обычную женщину. Он привык к тому, что дамы теряли

вала себя кроликом, которого гипнотизирует огромный удав. И когда Дамала заявил, что будет продолжать дипломатическую службу в России и назначает ей следующее свидание в Санкт-Петербурге, Сара уже знала, как поступить. Она немедленно обратилась к своему импресарию с требованием включить Россию в список стран, которые она собирается посетить. В Санкт-Петербурге они были неразлучны, порой шокируя общество своим экстравагантным поведением.

Дамала желал попробовать свои силы на сцене. Безумно влюбленная Сара была уверена, что он настоящий гений. Она не только взяла красавца-грека в свою труппу, но и отдала ему главные роли в нескольких спектаклях. Любовь, как извест-

В конце 1881 года Бернар гастролировала и в России. В Петербурге ее спектакли проходили с огромным успехом. После выступления в Зимнем дворце Сару представили императору. Она собиралась сделать глубокий реверанс, но Александр III остановил ее: «Нет, мадам, это я должен склониться перед вами»

голову от одного его присутствия. Одна из блестящих светских дам покончила из-за него жизнь самоубийством, несколько других бросили своих мужей.

В своих отношениях с мужчинами Сара, в общем-то, никогда не теряла головы, но здесь она почувство-

но, слепа. Дамала был, мягко говоря, весьма посредственным актером, кроме того, он говорил по-французски с небольшим акцентом. Сара считала это очаровательным, но публика вряд ли была с нею солидарна. Столь же снисходительна была Сара и к некоторым другим

недостаткам любимого. Она прощала ему и колоссальный эгоизм, и непомерное тщеславие, и непозволительное мотовство. Вскоре, однако, ей пришлось узнать о нем кое-что и похуже. Дамала, оказывается, постоянно изменял ей с молоденькими актрисами. И тут Сара, жен-

щина с огромным жизненным опытом, не придумала ничего лучше, как вступить с ним в законный брак. Церемония состоялась в Лондоне в апреле 1882 года. Невесте исполнилось тридцать семь, жених был на одиннадцать лет моложе. Этот поступок Бернар тем более удиви-

телен, что к тому времени она уже знала, что Дамала... законченный наркоман-морфинист. Сара, как могла, боролась за любимого, но что она могла сделать? Разве что обломать зонт о голову аптекаря,

который, несмотря на все ее мольбы, продолжал поставлять Жаку морфий, да выбрасывать из дому все обнаруженные запасы наркотиков и шприцы. Со временем Дамала совершенно обнаглел и в присут-

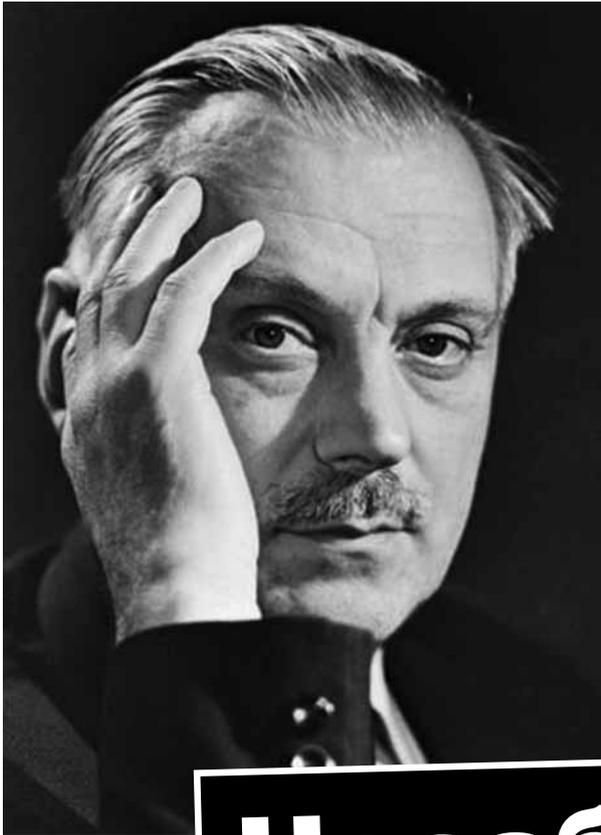
ствии Сары и даже близких друзей колотся по несколько раз в день. Скандалы шли нескончаемой чередой. Несколько раз супруги расходились и снова сходились. Как истая католичка, Сара не признавала разводов, но когда терпение ее истощилось, она в 1883 году через суд добилась права на раздельное проживание. Они не виделись почти шесть лет, но в конце 1889 года Сара, вернувшись из длительных гастролей в Париж, получила записку от Жака. Не раздумывая, она бросилась к нему и нашла его в жалком номере самой дешевой гостиницы. От бывшего красавца осталась лишь тень. Сара перевезла его к себе домой. Благодаря ее заботам и медицинской помощи Дамала через месяц немного окреп. Чтобы как-то подбодрить его, Сара организовала бенефисный спектакль, в котором Дамала играл вместе с ней. Зрелище оказалось тяжелым. Не доиграв спектакля, Дамала упал без чувств, и его отвезли в больницу, где он вскоре скончался. Сара похоронила мужа в Афинах. На могиле был установлен бюст Жака, изготовленный по ее эскизу. Всякий раз, бывая в Греции на гастролях, она посещала его могилу. Даже многие годы спустя Бернар под официальными документами ставила подпись — «Сара Бернар-Дамала, вдова».

Шло время. Сара никогда не скрывала своего возраста, но считала, что выглядит моложе своих сверстников. В одной из пьес она играла

тридцативосьмилетнюю женщину, а ее брата, которому по роли было сорок, играл очень неплохой актер. Однако когда Сара узнала, что ему уже исполнилось пятьдесят, она в ужасе воскликнула: «*Боже мой, его примут за моего отца!*» Великой Бернар было в то время уже 76!

Сара не мыслила жизни без театра. Даже после тяжелой операции, когда ей в возрасте 72-х лет ампутировали ногу значительно выше колена, она продолжала выступать. Отказавшись от деревянного протеза (в сердцах она приказала бросить его в камин) и костылей, предпочитала передвигаться на специально изготовленном для нее паланкине, своеобразных изящных носилках. Она не в состоянии была ни ходить, ни даже стоять на сцене, поэтому в ее репертуаре остались лишь короткие одноактные сцены, которые она могла играть, неподвижно восседая на возвышении. Но и тогда Бернар продолжала свои зарубежные гастроли, а во время Первой мировой войны выступала перед солдатами в прифронтовой полосе.

Сара Бернар, лучшие роли которой французы считали таким же национальным достоянием, как Триумфальная арка или Эйфелева башня, скончалась 26 марта 1924 года. Буквально за месяц до смерти она дала согласие на участие в съемках картины, которую одна из голливудских компаний должна была снимать в Париже... □

Не так много в нашей стране авторов, чьи произведения читали все без исключения. Читали сами, читали своим детям или внукам, помнят, как им самим читали их мамы и бабушки.

Одним из первых в ряду таких авторов, несомненно, стоит человек, которого можно назвать ровесником века, хоть и родился он на излете времен царской России. Он прожил почти сто лет — целая эпоха, в которую вместились и революция, и гражданская война, и две мировые, и долгие годы террора, и относительно спокойное время, и очередной переворот, и, наконец, то время, в котором мы живем сейчас, и которому пока не можем дать определения.

Незабываемый

Евгения Гордиенко

«Дядя Стёпа»

Имя этого человека знакомо, без преувеличения, абсолютно каждому. Более того, его фамилия стала уже синонимом крепкого рода, не устающего давать миру талантливых людей. И один из них — Сергей Михалков.

Для каждого поколения он — и детский писатель, и автор главной песни страны — государственного гимна, точнее, трех гимнов — в 1943, 1977 и 2001 годах. Почему? Неужели огромная страна за более чем полвека не нашла никого другого, кто мог бы справиться с этой, пусть и непростой, задачей?

Выходит, что не нашла. И только проведя референдум, остановила свой выбор на том, кто уж точно мог это сделать.

Сергей Михалков отнюдь не первый выдающийся представитель этой фамилии. Его отец, Владимир Александрович, несмотря на то, что окончил юридический факультет, прославился как... птицевод. Его образование в Советской России было не нужно, но он, как человек, не привыкший сидеть сложа руки, быстро освоил новую профессию. Не собираясь бороться с режимом, выбрал для себя не самый простой путь — попытаться стать нужным и полезным не столько новой власти, сколько стране и народу. К тому же такой выбор позволял переехать из столицы, где к «бывшим» относились с подозрением.

Именно поэтому значительная часть детства Сергея Михалкова прошла в Пятигорске, куда семья переехала в 1927 году. Именно там за 10 лет Михалков-старший опубликовал множество работ по птицеводству, которые до сих пор считаются актуальными.

Мама будущего поэта была и учительницей, и сестрой милосердия, но, в конечном итоге, полностью посвятила свою жизнь заботам о муже и трех сыновьях — Сергее, Михаиле и Александре.

Много позже, рассказывая о своих предках и о наградах, полученных ими, Сергей Михалков говорил: «Мама моя тоже имела право на высокую награду». Он считал, что во многом именно благодаря ей отец смог, по сути, построить свою карьеру заново, а сыновья — вырасти достойными людьми.

Однако случилось в детстве Сергею Михалкову и несчастье, навсегда оставившее след в его жизни. Когда он был совсем еще малышом, няня выпустила из рук коляску, и младенец перевернулся вместе с ней. После этого он стал заикаться, и это заикание осталось с ним навсегда.

Сам он, правда, всегда спокойно относился к этому недостатку: «Мне хотелось говорить, и я говорил, и товарищи мои действительно терпеливо ждали, когда я выскажусь до конца. И если кто-то из них пробовал поначалу подшучивать над этой моей бедой, я тотчас перехватывал инициативу и пускал в ход юмор, сам первым смеялся над своей «особенностью».

Это умение посмеяться над собой, со спокойствием относиться ко всему, что происходит вокруг, не раз выручало его в дальнейшем.

А пока мальчишка рос и уже начинал складывать слова в рифмы, насколько это возможно в девятилетнем возрасте.

Отец, которому увлечение сына нравилось, тайком от него послал несколько произведений поэту Александру Безыменскому. Тот ответил, что способности у мальчика есть, но поскольку в таком возрасте трудно говорить о будущем, он может посоветовать только продолжать практиковаться.

Сергей и сам пытался «пристраивать» свои стихи. Однажды он отнес недавно сочиненную «Сказку

про медведя» в детское издательство, где главный редактор принял у молодого автора рукопись и даже «выплатил» немалый по тем временам гонорар — три рубля.

Через несколько дней, однако, рукопись вернулась с припиской, что к печати принята не будет. А гонорар уже был потрачен на леденцы...

Однако подобные мелочи не огорчали Сергея. Он все равно продолжал писать — просто потому, что

пробивал себе дорогу и уже к 1933 году достаточно часто появлялся на страницах «Огонька», «Известий» и «Комсомольской правды». Огорчало его только одно — отец до славы сына не дожил, скончавшись в 1932 году от воспаления легких.

Популярность молодого поэта росла, когда произошло событие, во многом изменившее судьбу Михалкова.

В институте Сергей познакомился с девушкой, которая ему очень нра-

Р

ассказывая о своих предках и о наградах, полученных ими, Михалков говорил: «Мама моя тоже имела право на высокую награду». Он считал, что во многом благодаря ей отец смог построить свою карьеру заново, а сыновья — вырасти достойными людьми

делать это ему нравилось больше всего. Но в Пятигорске, считал он, его таланту некуда и негде будет развиваться, поэтому было принято решение отправляться в Москву — учиться. Отец всецело поддержал решение сына и даже дал ему такое напутствие: *«Пробуй свои силы. Учись дальше... Может быть, со временем из тебя что-нибудь и выйдет. Но главное — чтобы из тебя вышел человек!»*

В Москве было непросто: учась, приходилось подрабатывать и на ткацкой фабрике, и в топографической области, и в геолого-разведочной экспедиции. Однако, продолжая писать, Михалков решительно

вилась, и он с ходу предложил ей написать стихотворение в ее честь и опубликовать в завтрашнем номере «Известий». Она, естественно, согласилась, не зная, что выход стихотворения уже запланирован, а Михалкову оставалось только забежать в редакцию и заменить его название на имя девушки — Светлана.

С девушкой отношения, в итоге, не сложились, зато Сергеем заинтересовались в Центральном Комитете партии и, пригласив туда, сообщили, что стихи молодого поэта понравились товарищу Сталину. Было ли дело в том, что дочь Сталина звали Светланой, или в чем-то другом, неизвестно, однако у Михалкова по-

интересовались, не нужна ли ему помощь, не нуждается ли он в чем-либо.

Михалков ответил, что у него все в порядке, однако понял, что его заметили. А ведь ему было всего 22 года.

В это же время он начинает активно работать с детской аудиторией и даже едет в пионерский лагерь,

чтобы проникнуться атмосферой детской дружбы, совместных походов и рыбалки. Вернувшись, он предоставил в редакцию целый цикл стихотворений, после чего стало ясно, что именно это — его стезя. И Михалков принялся за сочинение целой поэмы для детей, которую назвал «Дядя Стёпа». Получилась умная, добрая книга, написанная языком, доступным как взрослым, так и детям. На ней выросло не одно поколение, и этот рассказ о большом человеке, с такой же большой душой, живущем рядом с нами и готовым в любую трудную минуту прийти на помощь, сделал Сергея Михалкова одним из самых узнаваемых писателей.

После успеха «Дяди Стёпы» Михалков познакомился с другим классиком детской литературы — с Маршакom, который научил молодого еще коллегу главному, как он считал, в литературе для детей: *«Никогда не забывайте, голубчик, что по книгам детских писателей ребенок учится не только читать, но и говорить, мыслить, чувствовать...»*

В это же время, в 1936 году, у Сергея Михалкова произошло и другое знакомство — с будущей женой Натальей Петровной Кончаловской.

Михалков позже вспоминал о том, что получить согласие на брак ему удалось не сразу, очаровательной избранницы пришлось добиваться: *«...Надо признаться, Наташа не хотела выходить за меня замуж — ее,*

конечно же, сбивала с толку наша разница в возрасте. Но я ее любил, и она меня любила. Однако в обществе как-то легче принимался брак, если муж значительно старше жены, чем обратный вариант... Да и ее мать, Ольга Васильевна, дочь великого русского художника Василия Сурикова, не слишком одобряла сложивши-

женой, но и первыми критиками друг для друга, коллегами и друзьями.

Начавшаяся вскоре война застала писателя в Риге, откуда он в спешном порядке вернулся в Москву, чтобы отправиться на фронт корреспондентом газеты «Во славу Родины». Но это не значило, что Михалков не воевал: он участвовал

О

днажды юный Сергей отнес недавно сочиненную «Сказку про медведя» в детское издательство. Главный редактор принял рукопись и даже выплатил немалый по тем временам гонорар — целых три рубля. Через несколько дней рукопись вернулась с припиской, что к печати принята не будет. А гонорар был уже потрачен на леденцы...

еся отношения своей взрослой дочери с начинающим поэтом, ездившим по Москве на велосипеде. Зато сам Петр Петрович Кончаловский всегда весьма радушно принимал меня в своем доме и признавался, что ему нравятся мои стихи для детей.

Я настаивал на регистрации брака, боясь потерять любимую, обаятельную, умную женщину, и, в конце концов, Наташа сдалась. Перед тем как отправиться в загс, мы зашли в забегаловку, выпили водки, а после регистрации купили четверть белого свирского вина и пошли отмечать событие к нашему другу...»

Их брак продлился более пятидесяти лет, и всю жизнь они оставались не только любящими мужем и

в боях, был контужен, отступал до Сталинграда вместе со всей армией. Одним словом, прочувствовал войну на себе от начала и до конца. И именно ему (мало кто знает об этом) принадлежат слова, высеченные на могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

В самый разгар войны от правительства поступил заказ на написание гимна Советского Союза. В конкурсе принимали участие многие, в том числе, и Михалков, несмотря на то, что был детским писателем. Он включился в работу по просьбе своего друга Габриэля Аркадьевича Урекция, более известного под псевдонимом Г. Эль-Регистан.

На их вариант текста и обратил внимание Сталин, но потребовалось несколько серьезных доработок текста, прежде чем окончательный вариант был принят, и 1 января 1944 года новый гимн огромной страны впервые прозвучал на Всесоюзном радио.

На приеме по этому поводу, проходившем в Большом театре, Михалков сидел рядом со Сталиным, Калининым, Молотовым. После оче-

ках строя, в котором жил, и эта его черта, в первую очередь, отразилась в его баснях, которые народ зачитывал наизусть. Именно в них проявляется истинный Михалков, человек, знающий и понимающий жизнь, умеющий пристально вглядываться в окружающую действительность. Каждая его басня — маленькая, но очень поучительная история, и в каждой, отражены, наверное, все жизненные испытания, через кото-

К

огда началась война, Михалков в спешном порядке вернулся из Риги в Москву, чтобы отправиться на фронт корреспондентом газеты «Во славу Родине». Он прочувствовал войну на себе от начала и до самого конца. Именно ему (мало кто знает) принадлежат слова, высеченные на могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

редного тоста Сталин сказал ему: «Не пейте каждый раз до дна. С вами будет неинтересно разговаривать». Михалков пил немного, и разговаривать с ним Сталину было интересно...

Но такое признание отнюдь не сделало Сергея Владимировича «государственником», даже в партию он вступил только через шесть лет после выхода гимна — в 1950 году. Он относился к тем немногим в советской элите, кто трезво оценивал происходящее вокруг и не пытался урвать свой лакомый кусочек. Он не боялся высказываться о недостат-

рые прошел он сам, ведь она была у него далеко не легкой и не простой.

Помимо всего прочего, Сергей Михалков много и активно занимался одним из самых интересных телевизионных кинопроектов своего времени — киножурналом «Фитиль». Он вспоминал, что после выхода первых нескольких серий «Фитиля» и их успеха его вызвали в ЦК КПСС и спросили, чем можно помочь журналу. Сергей Владимирович в довольно резкой форме ответил: «Главное — не мешать!»

Посвятив свое творчество детям, Михалков немало внимания уделял

*Наталья Петровна
и Сергей Владимирович
Михалковы*

и своим собственным — правда, внимания своеобразного.

Уже став лауреатом множества премий и получив квартиру на Поварской, Сергей Владимирович осуществил свою давнюю мечту — купил книжный шкаф красного дерева. А у сына Никиты была другая мечта — вырезать на шкафу свое имя. Увидев такое непотребство, Михалков-старший понял, что решение данного вопроса должно быть сугубо педагогическим. Он просто подошел к сыну и сказал: «*Это мой шкаф. И ты должен вырезать на нем не имя "Никита", а имя "Сергея"*»...

Он всегда много работал и, даже будучи уже в преклонном возрасте, не оставлял ежедневных трудов. В нем вообще до самых последних дней оставалось очень много... жизни. Чего стоит только женитьба в 83 года на тридцатипятилетней Юлии Субботиной. Сам он говорил об этом так: «Обычно это носит характер такой, знаете: молодая женщина решила выйти замуж за академика, потому что он скоро помрет и ей останется громаднейшее наследство. Но про меня больше разговоры, что я состоятельный человек. У меня много книжек выходит, но за детские книги очень

С сыном Никитой

мало платят. В нашей истории деньги не играли абсолютно никакой роли. Познакомились мы с Юлей случайно — в летнем кафе. Уступил ей за столиком место. Мы разговорились. Она на меня произвела впечатление. Потом я ей позвонил. Мы стали встречаться сначала по-дружески, занимались общими делами. Она очень организованный, внимательный человек. Юля в то время окончила МИФИ и была аспиранткой, готовила кандидатскую диссертацию. Я просто сказал: *«Давай зарегистрируемся, создадим семью, чего так встречаться!»* Мол, на тебя люди смотрят, интересуются, с кем это Михалков приходит обедать в ресто-

ран. Она согласилась. Я беспокоился, конечно, что родители ее будут против нашего брака, но потом мы познакомились — и все было нормально».

До конца сохранял он и свое чувство юмора. Сын Михалкова Андрон устраивал на даче на Николиной Горе вечеринку по случаю окончания съемок «Сибириады», где присутствовал, в том числе, и Александр Панкратов-Черный. Он так вспоминал о том вечере: *«Собрались члены съемочной группы, соседи, друзья. Не знаю, что меня дернуло, но я открыл один из шкафов и увидел там увешанный наградами парадный костюм Сергея Владимировича. Он*

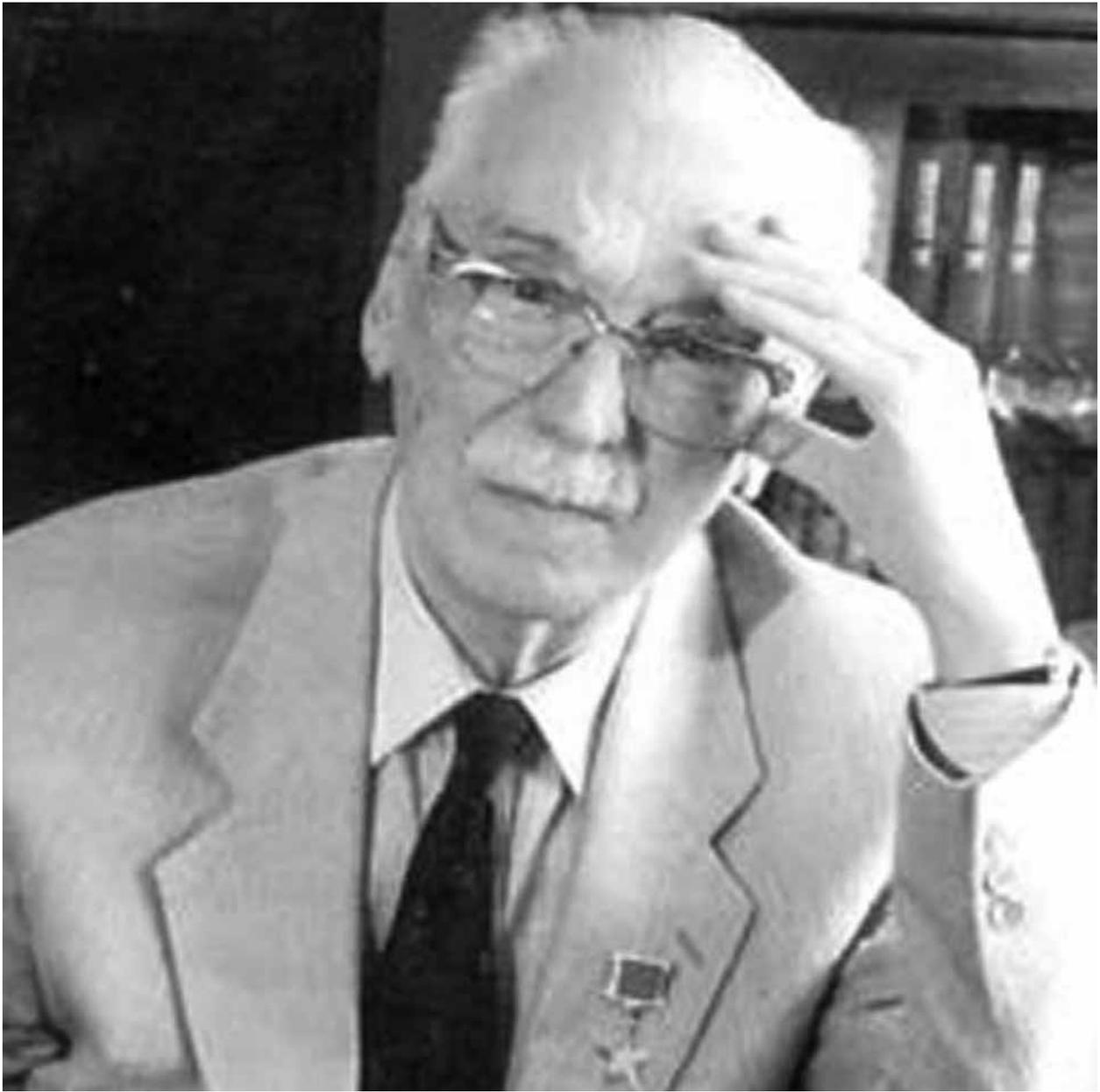
Сергею Владимировичу — 95 лет

Со второй женой Татьяной

крайне редко его надевал, поскольку не любил демонстрировать свои регалии.

Я решил похулиганить и надел пиджак. Думаю, повеселю народ. Вдруг раздается звонок, и Андрон кричит мне: «Санька, открой дверь, кто-то еще подъехал!» Я сбегая со второго этажа в орденоносном пиджаке, открываю дверь и — замираю в шоке. На пороге стоит Сергей Владимирович. У него шок не меньший. «Ты па-па-панимаешь, что ты на се-себя взва-взвалил?!» — возмущенно выговорил он. «Ну, так я просто пиджак примерил...» — проямлил я. «Т-т-ты не пи-пиджак примерил! Т-т-ты взва-взвалил все мои труды на себя, мальчик!»

Михалков был человеком широкой и добрейшей души, он очень много помогал людям, никому и никогда не отказывал в сложные моменты жизни и никогда не использовал свой авторитет в личных интересах. Ничего для себя, только для помощи другим, которым несть числа. Об этом очень ярко и подробно рассказывала в одной из телевизионных передач писательница Виктория Токарева.

В одном из последних интервью Михалкова спросили, какой момент он считает самым важным в своей жизни. Он ответил, что, безусловно, это было во время первого исполнения гимна в 1943 году. Важный момент в истории страны был важен и для него. Но для многих из нас и, наверняка, для наших детей и внуков он навсегда останется автором самых добрых и чудесных стихов. Стихов о нас самих.

Сергей Михалков

ЛИСА И БОБЕР

Лиса заметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров,
Ну, словом, с некоторых пор
Лисе понравился Бобер!
Лиса ночей не спит:

«Уж я ли не хитра?

Уж я ли не ловка к тому же?
Чем я своих подружек хуже?
Мне тоже при себе пора
Иметь Бобра!»

Вот Лисонька моя, охотясь
за Бобром,

Знай вертит перед ним хвостом,
Знай шепчет нежные слова
О том, о сем...

Седая у Бобра вскружилась
голова,

И, потеряв покой и сон,
Свою Бобриху бросил он,
Решив, что для него, Бобра,
Глупа Бобриха и стара...

Спускаясь как-то к водопою,
Окликнул друга старый Еж:
«Привет, Бобер! Ну,

как живешь

Ты с этой... как ее... с Лисою?»

«Эх, друг! — Бобер ему в ответ. —
Житья-то у меня и нет!

Лишь утки на уме у ней да куры:
То ужин — там, то здесь — обед!
Из рыжей стала черно-бурой!
Ей все гулять бы да рядиться,
Я — в дом, она, плутовка, —
в дверь.

Скажу тебе, как зверю зверь:
Поверь,
Сейчас мне впору хоть топиться!..
Уж я подумывал, признаться,
Назад к себе — домой
податься!

Жена простит меня, Бобра, —
Я знаю, как она добра...»

«Беги домой, — заметил Еж, —
Не то, дружище, пропадешь!..
Вот прибежал Бобер домой:

«Бобриха, двери мне открой!»

А та в ответ: «Не отопру!

Иди к своей Лисе в нору!»

Что делать? Он к Лисе во двор!

Пришел. А там — другой Бобер!

Смысл басни сей полезен

и здоров —

Не так для рыжих Лис, как

для седых Бобров!

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

Слон-живописец написал
пейзаж,

Но раньше, чем послать его
на вернисаж,

Он пригласил друзей взглянуть
на полотно:
Что, если вдруг не удалось оно?
Вниманием гостей художник
наш польщен!
Какую критику сейчас услышит
он?
Не будет ли жесток звериный
суд?
Низвергнут? Или вознесут?
Ценители пришли. Картину Слон
открыл.
Кто дальше встал, кто подошел
поближе.
«Ну, что же, — начал Крокодил, —
Пейзаж хорош! Но Нила я не
вижу...»
«Что Нила нет, в том нет
большой беды! —
Сказал Тюлень. — Но где снега?
Где льды?»
«Позвольте! — удивился Крот. —
Есть кое-что важней, чем лед!
Забыл художник огород». —

«Хрю-хрю, — прохрюкала
Свинья, —
Картина удалась, друзья!
Но с точки зренья нас, свиней,
Должны быть желуди на ней».
Все пожеланья принял Слон.
Опять за краски взялся он.
И всем друзьям по мере сил
Слоновой кистью угодил,
Изобразив снега, и лед,
И Нил, и дуб, и огород,
И даже — мед!
(На случай, если вдруг Медведь
Придет картину посмотреть...)
Картина у Слона готова,
Друзей созвал художник снова.
Взглянули гости на пейзаж
И прошептали: «Ералаш!»

Мой друг! Не будь таким
Слоном:
Советам следуй, но с умом!
На всех друзей не угодишь,
Себе же только навредишь.

ДАЛЬНОВИДНАЯ СОРОКА

Изнемогая от тяжелых ран,
К своим трущобам отступал
Кабан.
В чужие вторгся он владенья,
Но был разбойнику отпор
достойный дан.
Как поднялось лесное
населенье...
Сороке довелось в ту пору
пролетать
Над полем боевых событий.
И — кто бы ожидал такой сорочьей
прыти! —

Сорока, сев на ель, вдруг стала
стрекотать:
«Так, так его! Гоните Кабана!
Мне с дерева видней — он не уйдет
далеко!
Я помогу, коль помощь вам нужна.
А вы еще разок ему поддайте
сбоку!»
«Дивлюсь я на тебя. Ты только
прилетела, —
Сказал Сороке Воробей, —
А трескотней своей, ей-ей,
Всем надоесть уже успела!»

«Скажи, мой свет, — Сорока
Воробью в ответ, —
Что толку, если б я молчала?
А тут придет конец войне —
Глядишь, и вспомнят обо мне,

Да скажут где-нибудь: «Сорока
воевала!..»

Сороке выдали медаль.
А жаль!

ЗАБЫТЫЙ ХРАМ

В глуши лесов стоял забытый
храм,
В котором много лет был свален
разный хлам,
Покрытый толстым слоем пыли.
Но как-то раз установили,
Что это памятник глубокой
старины,
Что нет ему цены,
Что он является народным
достоянием
И надобен надзор за этим древним
зданием,
Чтоб мог его обозревать народ.
И вот —
Где нужно, утвердили штаты
И фонд зарплаты,

Назначены и «зав» и «зам»,
И стал музеем древний храм.
Все было б хорошо, когда б одна
идея
Не озарила вдруг дирекцию музея:
Дабы расширить людям кругозор —
Снести с лица земли старинную
ограду,
Что претерпела не одну осаду
И память о былом хранила до сих
пор...
Ограда древняя! Ты видела немало!
Ты перед полчищами ханов
устояла,
А разобрал тебя на щебень
и кирпич
Ефим Кузьмич!

ГУСЕНИЦА И БАБОЧКА

Навстречу Бабочке, присевшей
на цветок,
Червяк мохнатый полз, он Гусени-
цей звался
И, несмотря на кучу мелких ног,
Довольно медленно по стеблю
продвигался.
Зато у Бабочки с боков по два
крыла
Диковинного радужного цвета —
Она самой природою была
Так празднично, нарядно
разодета.

«Мне неприятно на тебя смотреть! —
Сказала Гусенице Бабочка-
красотка, —
Такая у тебя противная походка,
Что так и хочется скорее
улететь!..»
И Бабочка вспорхнула над
цветком,
И в солнечных лучах затрепетала,
А Гусеница двинулась ползком
И вскоре тоже бабочкою стала...
Моя мораль сама сошла с пера:
Не забывай, каким ты был вчера! □

СНЕГУРОЧКА В БЪЕЗЕ

Форточка оказалась закрыта. Это обстоятельство напугало меня больше, чем труп Ивана Палыча в шкафу. Оно напугало и парализовало меня так, что прошло несколько минут, прежде чем я догадалась ее толкнуть. Легко проделав трюк с проникновением в дом, я нашла дверь и, отперев ее ключом, вышла в коридор. Света там не было.

Я прицелилась в темноту из пистолета и чиркнула зажигалкой. Пламя и не подумало появиться. Я чиркала, пока не заболели пальцы — безрезультатно. Наверное, в ней кончился бензин. Чего еще можно ожидать от балашовской зажигалки?

И тут что-то просвистело у меня над головой. Я ощутила такие колебания воздуха, будто кто-то потряс перед моим носом раскрытой книгой, плашмя бросилась на пол, палец нажал на курок, грохнул выстрел, но, кажется, пуля ушла в потолок, потому что сверху посыпался дождь из мельчайшего стекла — видимо, попала в лампочку. Полежала минуту, прислушиваясь, но шум затих и больше не повторялся.

Я ползком доползла до подвала. Все-таки эту темень не сравнить с той, подвальной, и я легко сориентировалась на первом этаже.

Щеколда была тяжелая. Я дергала ее, дергала, выбилась из сил и села на пол.

— Что случилось? — подал голос Балашов.

Окончание. Начало в №12, 2013.

СНЕГУРОЧКА

В БЕЗЕ

Я хотела сказать, что сейчас отдохну немножечко, и все у меня получится, но вдруг передумала и вместо этого крикнула:

— Балашов, я не выпущу тебя отсюда!

— Не понял! — удивленно воскликнул Балашов. — Что значит, «не выпустишь»?! Что за стрельба в доме? Открой! Ты что, заодно с ними?..

— Я не выпущу тебя, Балашов, пока ты не признаешься, что сказал тебе Виктор в кабинете! Теперь понял?

— Зачем тебе это? Ты девочка, Снегурочка, подарок от каких-то там господ! У тебя свои тараканы, у меня свои проблемы! Зачем тебе они? Или ты думаешь, что у меня хватит баксов на самую крутую собаку в мире? Открой!

— Не открою, Балашов, пока не узнаю, что сказал тебе Виктор в кабинете, — твердо повторила я.

— Ох, и много ты на себя берешь! — вздохнул Балашов. — Тебя пристрелят. Или зарежут.

— Да, а подумают на тебя. Куча трупов в твоём доме, и ты — честный, добрый, начитанный. Замечаешься объяснять. Говори!

— Ну, хорошо. Виктор сказал мне, что я разорен. Под чистую. Что мой бизнес уже не мой, дом, прочее имущество, даже счета в банках мне не принадлежат, и что жена моя тоже не моя — она давно живет с ним, с Виктором.

— Это я уже слышала. Говори, почему так произошло, почему тебе больше ничего не принадлежит? Только про жену не надо, с ней и так все ясно.

— Ты точно не пожалеешь, что влезла в эту историю по самые... уши?

— Там видно будет. Пока ничего. Кровь по жилам бежит веселее. Говори!

— Открой!

— Говори!

— Включи мне хотя бы свет!

— Говори!

— Включи свет! Я действительно очень боюсь темноты. Особенно, когда один.

— Значит, говори быстрее!

— Черт! А у тебя там есть свет?

— Нет. Его опять кто-то выключил.

— Если я начну говорить, где гарантия, что кроме тебя это никто не услышит?

— Нет такой гарантии. Но при других обстоятельствах ты ничего не расскажешь.

— Ладно. Если тебе скучно жить, то слушай и развлекайся. Виктор с Кирой давно спят вместе.

— Я думаю, Кира Виктором не ограничивалась.

— Заткнись! Или я предпочту остаться в подвале.

Такой поворот событий я не предусмотрела, поэтому решила больше его не перебивать.

— И Кире, и Виктору я доверял как себе. Виктор был моим заместителем, Кире я подарил фирму, ей принадлежит сеть ресторанов и кафе. Я считал их своей командой и думал, все, что они делают, мне на пользу. Виктора я взял на работу давно, он тогда был заводчиком сбыта на одном умирающем заводе, получал копейки, имел жену-учительницу и ребенка, который вечно болел. Я увидел в нем потенциал, пригласил к себе. Виктор быстро вырос, и уже три года как я сделал его своим замом. По сути, он занимался всеми делами концерна. Я уже говорил, что никогда его не контролировал. Человеку, которому я дал все — положение, возможность зарабатывать, неограниченную власть, — не мог меня обманывать. Я так думал. Может, я и дурак, но и сейчас так считаю. Знаешь, было раньше такое выражение «бес попутал». Наверное, Виктор просто не справился с собой, когда получил доступ к деньгам. Ему захотелось больше и больше. И уже стало неважно, каким способом.

«Время, время, время!» — орала я про себя, но перебить его не рискнула.

Мне совсем не интересны рассуждения о морали. Я давно поняла — у каждого своя мораль. У воров и убийц тоже есть и мораль, и теоретическая база. Поэтому ты со своим старомодным «бес попутал» глуп, смешон, и еще раз смешон. Бес — это деньги, бабки, лавы. Чем их больше, тем крупнее и сильнее этот бес. Наверняка, ты никогда не был бедным, раз так снисходительно, так свысока и немного сочувственно можешь говорить о бесе.

— Виктор правильно решил, что, если заполучит Киру, то сможет наворотить еще больше. Ей было позволено все...

«Ну да, — вспомнила я, — другим нельзя, а Кире можно. Можно врать, притворяться, обижать, наказывать...» И это называется любовь.

— Они с Кирой стали ... встречаться и задумали прибрать к рукам мой бизнес, мои деньги и... даже все мое имущество. Они зарегистрировали но-

вую фирму «Вилен». Зная, что я никогда не контролирую то, что они делают, многие сделки стали проворачивать через нее. А я, не глядя, подписывал бумаги. В моей системе это не редкость — какие-то фирмы исчезают, другие появляются. Все так работают. Я не очень вникал и не придавал значения появлению нового холдинга. Раз его создали Кира и Виктор, значит, так надо, так лучше. Я сутками пропадал на новом производстве и ничего не видел вокруг. В кабинете Виктор сказал мне, что среди множества бумаг, которые я подмахнул не глядя, они с Кирой подсунули мне те, в которых я сам передавал Виктору право собственности на все свое имущество и на свой бизнес. Еще я подписал платежки, по которым все средства с моих счетов переводились на другой счет.

— Счет Виктора?

— Да... Это смешно, это ужасно, но это так.

— Но ведь Кира и так имела бы много при разводе с тобой.

— Им захотелось все.

— Им не просто захотелось «все»! Ты был таким идиотом, что им захотелось поиграть с тобой! А вдруг получится? Представляешь их восторг, когда получилось? — прошипела я, но он не услышал и продолжал:

— Я сказал Виктору, что смогу оспорить правомерность его действий через суд, сказал, что обвиню его в мошенничестве. Он в ответ только рассмеялся: «Валяй! Но не забывай, что ты нищий, а я всех куплю-перекуплю». Теперь у меня ничего нет. Ни дома, ни квартир, ни машин, ни бизнеса. Он показал мне договор купли-продажи фирмы, который зарегистрирован в налоговой. Там действительно моя подпись. Так что теперь я на самом деле нищий. И бомж. Потому что мой дом, квартиры, машины и всякая другая мелочь заложены под кредит, который я взял... у Виктора. Я подписывал все, что он складывал мне на стол. Я сам отказался от бизнеса, имущества, от всего.

— Кому все достанется после смерти Виктора?

— Черт! Его жене. Наверное.

— Учительнице?

— Она давно не работает. Вроде бы.

— А как же Кира собиралась приобщиться к богатствам? В чем был ее интерес переписывать все на Виктора?

— Понятия не имею... — Балашов еще бормотал что-то себе под нос, когда я рванула щеколду, открыла тяжелую дверь и щелкнула выключателем.

В подвале зажегся свет. Балашов стоял бледный, взъерошенный, черные глаза горели легким безумством, и таким он мне нравился больше, чем прежний, отрешенный Балашов.

— Кто стрелял? — спросил он, закрывая дверь подвала и выключая там свет. Мы опять остались в темноте, но это была уже нестрашная, прозрачная темнота, та, в которой есть контуры и тени.

— Я стреляла.

— Цель? — язвительно поинтересовался он.

— Кто-то пролетел мимо над головой.

— Попала? — ухмыльнулся Балашов.

— В потолок, как водится. Лампочку разбила.

Он потрогал мой лоб и сказал:

— Вроде бы здоровенькая девочка была. У меня в доме никто не летает.

— У тебя в доме и швейцаров нет, — огрызнулась я, и мы знакомым маршрутом потрусили наверх, к рубильнику.

— Мы не обыскали трупы, — заявила я, когда злосчастный рубильник был водворен в положение, при котором свет на лестнице и в коридорах зажегся.

— Что? — уставился на меня Балашов, будто этой ночью его еще возможно было удивить.

— Трупы нужно обыскивать, место происшествия осматривать. По моему, так. Только тогда можно что-то понять.

— Хватит дурью маяться, нужно звонить «02», — жестко проговорил он и, уже менее решительно, добавил: — Я готов выдержать любые разборательства.

— Какие там разборательства, да еще в Новый год! Пришьют, навесят и еще раз пришьют! Откупаться тебе нечем, а им «глухари» не нужны.

— Но он же где-то в доме! — заорал Балашов.

— Или она. Маленькая, легкая, неуловимая. Как лист бумаги. Как перо. Вспомни, как были связаны руки у Деда Мороза, мужик бы так не связал. Не зря ей понравился дамский браунинг из твоей коллекции. Не зря Виктор не испугался, когда она взяла оружие в руки. Как зовут жену Виктора?

— Тамара. Кажется, Тамара. Это глупо. Она порядочная женщина, старше Виктора лет на восемь... Бывшая учительница.

— Тем более не глупо, тем более все сходится.

— Иван Палыча тоже она... приложила ножом между лопаток?

— Твой экономец очень маленький, хрупкий человечек, с которым справится даже Дюймовочка. Он что-то видел, слышал или знал, поэтому вернулся. А у людей сносит «крышу» и из-за меньших денег.

— Ты с ума сошла! Тамара... у нее что-то с ногами, по-моему, она на инвалидности, да и вряд ли она в курсе делишек Виктора...

— Кто сообщил тебе о Кире с Виктором по телефону?

— Не знаю. Странный голос. Ни мужской, ни женский.

— Это могла быть Тамара?

— Я не знаю, какой у нее голос. Лучше всех это знает секретарша Виктора.

— Записать разговор ты, конечно, не догадался.

— Догадался! В моем мобильнике есть диктофон.

— Это в том, который остался в бильярдной?

— Да.

— Ты остаешься у рубильника, а я иду в бильярдную и спальню обыскивать трупы.

— Давай наоборот.

— Нет. У тебя все «кажется», да «вроде бы», а нужно наверняка.

— Навязалась ты на мою голову!

— Нашла приключения на свою...

— У тебя ее нет!

— А, по-моему, все нормально!

Начав разговор с полусшепота, мы закончили его почти криком, как супруги, затеявшие на ночь привычный скандал.

— Ладно, — сбавил обороты Балашов, — иди, осматривай... место происшествия. Только как мы поделим оружие? Пистолет-то один.

— Ты говорил, в бильярдной целая коллекция.
— Коллекция. А не склад.
— В смысле, заряженных пистолетов больше нет?
— Черт с тобой, откроешь сейф, — он назвал код, — возьмешь «беретту».
— А на нем написано, что он «беретта»?
— Тьфу! На первой полке, в черной коробке, третьей слева. Этот я оставляю себе. У меня стратегически важный объект. Я тебя прикрою.

Я не стала с ним пререкаться и понеслась в бильярдную. Никогда раньше не совершала безрассудных поступков, всегда была осторожна, боязлива, предусмотрительна. Я считала, что те, кто рискуют только для того, чтобы словить адреналин, имеют нездоровую психику.

Что я задумала? Разобраться в этом деле сама? Провести забойную новогоднюю ночь? Привязать к себе Балашова своими «подвигами»? Я должна думать о маленьком Ваське, о беспомощной Иве, о том, что, если меня подстрелят в этом доме, то Вадик непременно помрет с голоду. Я должна думать о тех, кто от меня зависит, только... я всю жизнь о них думала, и, наверное, поэтому сошла с ума.

В бильярдной все было по-прежнему. Первым делом я сунула в карман балашовский мобильник. Виктор все так же полулежал на зеленом столе с кием в руках, будто собираясь из неудобного положения ударить по шарам. Маленькая кровавая дырка почти посередине груди говорила о том, что стрелявший стоял к нему лицом, и он его совсем не боялся, значит, этот человек был ему знаком. Он не испугался даже тогда, когда тот взял в руки браунинг, лежавший, видимо, где-то рядом. Виктор не верил, что этот человек может в него выстрелить, как не верил в то, что на это способен Балашов.

Я внимательно рассмотрела его лицо — тонкий нос, узкий рот, который даже после смерти кривила усмешка. Он был сильно в себе уверен, этот Виктор. Балашов был уверен в других, а Виктор — в себе.

Я обшарила все карманы его пиджака, но ничего не нашла. Вообще ничего. Ни бумажника, ни документов, ни мобильного, ни даже сигарет! Пришлось сделать вывод, что до меня Виктора кто-то уже обыскал. На этом мои детективные способности иссякли, и я полезла в сейф за оружием. Дверца, легко ответив на нужный код, открылась, я увидела черные бархатные коробки, но вспомнить, на какой полке и какой по счету пистолет мне следует взять, не смогла. Эти черные коробки, изнутри подбитые красным атласом, совершенно сбили меня с толку. Все правильно, это же коллекция, а не склад. В итоге, я выбрала ... самый большой. Если он и не заряжен, то выглядит устрашающе и весит как гантеля.

Пристроив его в карман брюк, я с трудом удержала вертикальное положение. И тут меня осенило. Я обыскала не все карманы у Виктора. Я забыла, что в брюках тоже они есть. А ведь именно там мужики таскают или забывают всякие важные, иногда шокирующие мелочи. Однажды, стирая штаны Вадика, я обнаружила в кармане использованный презерватив. Я не стала уточнять тогда, с кем и когда он успел сходить «налево», просто стала просить его освободить карманы перед тем, как подсовывать мне брюки в стирку. С тех пор я не могу без брезгливости запускать руку в карманы мужских штанов. У Виктора я тоже что-то нащупала в недрах безупречных брюк. Прохладное, скользкое, омерзительное. Я отдернула руку, но, вспомнив, что теперь ничего не боюсь, ухватила пальцами «это» и вытащила на свет.

Паспорт, в шикарной кожаной обложке. Я раскрыла его. Камха Виктор Валерьевич, 1962 года рождения, женат, сын — скудные паспортные данные. Скучно, плоско, неинформативно. Я отправила паспорт к пистолету в карман, закрыла бильярдную на ключ и помчалась на второй этаж.

У рубильника скучал Балашов. Вид у него был такой, словно он мысленно сочинял стихи.

— Бдишь? — спросила я его, пробегая мимо.

— Бдю, — кивнул он и закатил глаза, наверное, подбирая красивую рифму.

У Иван Палыча оказались приоткрыты глаза. От ужаса я чуть не завывала, но потом вспомнила, что я теперь другая, я крутая, у меня в кармане «пугач» размером с чугунную сковородку, и бояться нужно меня. Скорее всего, глаза у него были приоткрыты и тогда, когда я его обнаружила, просто мне было не до того, чтобы его рассматривать. Иван Палыч напоминал даже не сухую прошлогоднюю ветку — по сравнению с ним, она казалась бы гигантской. Он напоминал ... ковыль. Есть такая степная трав-

ка с белым пушком, она колыхается от малейшего ветерка. Мертвый эконом вызывал у меня гораздо больше жалости, чем мертвый Камха. Белый пушок вокруг лысинки, сухие, узловатые ручки, ноги детского размера, лицо в глубоких морщинах. Я рукой закрыла ему глаза. Спи спокойно, милый эконом. Ты никогда больше не выпьешь водочки с однополчанином из старой железной кружки и не споешь с ним любимые фронтовые песни. Смерть застала тебя на боевом посту. Что ты знал? Что видел? Почему вернулся? Сначала я обшарила карманы его брюк. Пусто. В пиджаке слегка раскрошились дешевые папиросы «Прима», да завалились еще более дешевые таблетки от давления «Раунатин». Я осмотрела рану на спине — нож. Точно нож. Криминалистом быть не надо, даже Снегурочка догадается.

Я решила прикрыть эконома покрывалом, которое стащила с Кириной кровати — кажется, так принято обращаться с покойниками, — как вдруг заметила, что одна рука у эконома сжата в крепкий кулачок.

Зачем так сжимать руку, если в ней ничего нет?

Я попыталась разжать кулак, но он оказался неподатливым, почти каменным. Может, это называется окоченением, но мне показалось, что старенький эконом и после смерти не хочет отдавать никому что-то очень важное.

Это была записка. На обрывке какого-то бланка, рукой не очень привычной писать, было нацарапано карандашом:

«Мырка, ты все предумала супер. Не ошибись в калесах чтоб шытокрыто. Я буду вовремя и на стреме.

Твой Ъ»

Именно так там все и было. «Предумала», «калеса», «шытокрыто». И мягкий знак.

Этот человек мало и плохо учился.

Этот человек задумал что-то плохое.

Этот человек — мужчина.

И это все, на что хватило моих куриных мозгов.

Почему Иван Палыч так сжимал эту записку? Кто такая Мырка? Я не знаю ни одного имени, начинающегося на мягкий знак!

Следов борьбы в этой комнате нет. Следов крови тоже. Следов ... — как это называется? — волочения не заметно. Такое впечатление, что... Я толкнула зеркальную дверцу шкафа, и она плавно поехала вправо. Раздвинув плотный ряд одежды, я увидела, что платье из белесой джинсы, которое я хотела выбрать сначала, все в крови. Такое впечатление, что ... Ивана Палыча зарезали прямо в шкафу.

Голова моя затрещала по швам. Я не знала, в каком направлении нужно размышлять и какие следует делать выводы. И тогда решила сделать собственные выводы.

Первое. Записка имеет отношение к тому, что произошло в доме. То есть, она имеет отношение к убийству Виктора и Ивана Палыча.

Второе. Если это так, то в преступлении замешаны, как минимум, два человека — женщина (если, конечно, Мырка — это не кошка, но кошкам, вроде, не пишут записки), и мужчина — «Твой Ъ».

Третье. Черт его знает, что третье!

Версия с Тамарой мне нравилась. Может, Мырка — это она? Очень похоже на прозвище классной дамы. Тогда мягкий знак... ее любовник? Недоученный ученик? Приплыли, что называется. Но больше версий нет.

Я сунула записку в тот карман, где лежал мобильник Балашова. Кажется, это называется «улика». Вроде бы. Я была не в теме, как Балашов не в курсе тонкостей своего быта.

Ноги сами поднесли меня к резному комоду. Я снова открыла кожаную шкатулку. Вот он — бес, блестит и переливается. Возьмешь чуть-чуть, а хочется больше. И в какой-то момент становится неважно, каким способом. Я вытащила из шкатулки тоненький браслетик — дорожка из разноцветных камней навевала мысли о тысячах, десятках тысяч долларов. Мой бес — не бес, он — бесик. Маленький, юный, почти безобидный. Возьму поносить, потом верну Балашову. Я едва успела застегнуть золотой замочек, как в спальне...

В спальне погас свет.

В темноте я бросилась к двери, но споткнулась об эконома, которого так и не накрыла покрывалом. Я упала на него, ощущая под собой колючую окоченелость мертвого тела, и от ужаса не смогла даже закричать. Перелезая через Ивана Палыча, я твердо решила, что немедленно позвоню «02», как только выберусь на свет и смогу различать телефонные кнопки. А если в коридоре тоже темно, значит, Балашова убили...

Коридор был залит ровным голубоватым светом. Когда я домчалась до рубильника, Балашов по-прежнему стоял там с видом поэта, ловящего в небесном эфире единственно верную рифму.

— Где рубильник, которым выключается свет в комнатах? — запыхавшись, крикнула я.

— А что? — удивился недогадливый Балашов.

— Где?! — заорала я.

— В холле, рядом с входной дверью.

Я подождала, когда он скажет «кажется» или «вроде бы», но он не сказал. Он побежал вниз, и я — в который раз! — помчалась за его удаляющейся спиной.

В коридоре никого не было.

И в холле никого не было.

Дверцы, за которыми скрывался рубильник, были открыты. Он опять очень торопился. Мягкий знак, дырка от бублика. Или она? Мырка, Тамара, бывшая плохая учительница? Они орудуют вдвоем, услышав, что я пошла обыскивать трупы, кто-то из них вырубил свет в комнатах.

— Да что же им надо? — крикнула я Балашову, когда он вернул рубильник в прежнее положение.

— Эй! Чего ты хочешь?! — громыхнул своим басом Балашов. Ответом ему стало скудное эхо, которое смог дать двухэтажный дом.

— Смотри! — я протянула ему записку.

— Мырка?! — спросил Балашов. — Твой мягкий знак?! Где ты это нашла?

— В кулаке у эконома.

— Бред какой-то. «Не ошибись в колесах, чтоб шито-крыто!»! Дай телефон.

Я протянула ему мобильный, он потыкал кнопки. Ну вот, осталось продержаться до приезда полиции.

— Охрана? — гаркнул Балашов.— Это Балашов. Вадик? Скажи, кто сегодня вечером проезжал или проходил на мою территорию? Нет, я не уехал. Нет, я не в Париже. Да, я дома, да, вы плохо работаете, поэтому скажи точно, кто ко мне приезжал, проходил или... пролетал. Да, пролетал, потому что по дому кто-то летает. Это ты лыка не вяжешь, а я еще не выпивал. Кто? Да, торт на машине привезли, знаю, ели. Да, мой зам и Кира приехали, они здесь. Да, Дед Мороз поздравил, он тоже здесь. Да, выпивает. Когда вернулся Иван Палыч? Что значит, не возвращался? Ладно, пусть не возвращался. Больше никого? Почему Сеня ужрался? Как это, ко мне побежал? Два часа назад? Черт! Сработала тревожная кнопка? У меня одна тревожная кнопка, в моем кабинете, и я не нажимал на нее. Да, мы тут хорошо веселимся. Хорошо, я отправлю Сеню к тебе. — Балашов нажал отбой.

— У нас еще один труп? — поинтересовалась я.

— Не знаю. Охранник побежал в наш дом, потому что сработала сигнализация. Это было почти два часа назад. — Балашов посмотрел на часы.

— Примерно тогда, когда убили Виктора, — подытожила я.

— Получается так.

— Ты закрывал кабинет, когда выскочил на выстрел?

— Не помню. Кажется, нет.

— Ты не закрывал кабинет, потому что потом мы заходили туда без помощи ключа.

— Убийца, который сам нажимает тревожную кнопку?..

— Звони «02»!

— Я должен его поймать! Кто станет разбираться в новогоднюю ночь? Пришьют, навесят, еще раз пришьют, «глухари» никому не нужны. Убийца, который сам нажимает тревожную кнопку...

Он уже несся по коридору. Бежал он легко, несмотря на массу, несмотря на рост, несмотря на то, что — голову даю на отсечение! — не бегал уже лет двадцать.

Дверь кабинета была открыта нараспашку. Балашов, замерев на секунду, бросился в глубь кабинета, как герой-солдат на амбразуру.

— Мы сами не закрыли дверь, — вспомнила я, — потому что услышали стон Деда Мороза и убежали!

Балашов обследовал кабинет, не забыв заглянуть в черный шкаф.

— Никого! — сообщил он мне, будто я могла не заметить, что никого нет.

Он нагнулся к столу.

— Здесь кто-то шуровал, бумаги в ящиках перевернуты. Здесь все перевернуто! Кнопку нажали, скорее всего, случайно. Она тут, в столе. Где же Сеня? Мы ведь осмотрели весь дом!

— Ты говорил, что вернулся через какой-то вход, о котором никто не знает!

— Я так говорил?

— Да!

— Ладно, пошли. — Балашов побежал, не заботясь о том, последую ли я за ним. Уходя, я закрыла дверь кабинета на ключ и бросилась догонять его, раздумывая на ходу, что свет может погаснуть в любую секунду, что мы совершаем какие-то бесполезные, бестолковые действия, что противник над нами смеется и может убить в любую секунду. Только я не хочу ничего менять. И Балашов не хочет. Потому что... «глухари» никому не нужны.

Он нырнул в один из туалетов, даже не прикрыв за собой дверь, где-то что-то нажал, а потом толкнул стойку-стеллаж, на которой громоздились упаковки туалетной бумаги, баллоны с дезодорирующими и чистящими средствами. Стойка оказалась дверью, она беззвучно поддалась, и за нею оказался темный узкий коридорчик.

— Тайный ход? — не без иронии поинтересовалась я.

— Ошибка проектировщиков, а потом и строителей. Почему-то они сделали вход в зимний сад через туалет. Потом все переделали, перестроили, но я попросил эту дверь оставить и замаскировать. Про нее никто не знал, кроме меня.

— Пригодилась, — хмыкнула я, но он исчез за дверью.

В темном коридорчике была еще одна дверь — на улицу, не дверь даже, а лаз, замаскированный снаружи под кирпичную стену. Согнувшись в три погибели, мы вылезли на улицу, и Балашов вернул кусок стены на место.

— Как тайно попасть в дом, я поняла. А как проникнуть на территорию, минуя охранников?

— А тебе это зачем? — невежливо спросил Балашов, поворачивая направо. Там была открыта какая-то дверь, у которой стояла иномарка, монотонно и ровно молотившая включенным движком. Багажник у машины был открыт, водительская дверь тоже.

— Стой! — закричал Балашов, подбегая к машине.

Догнав его, я заглянула сначала в багажник, потом в салон. Я ожидала увидеть там все что угодно: очередной труп, еще одного Деда Мороза, злодея, вооруженного до зубов, но машина была пуста.

— Стой! — снова заорал Балашов и ринулся в открытую дверь. За ней был небольшой тамбур, забитый ведрами, и еще одна дверь, по-моему, она вела на кухню. Этим черным входом, наверное, пользовалась прислуга, чтобы упростить свои хозяйственные хлопоты.

В тамбуре было темно, Балашов споткнулся обо что-то, громко зазвенели ведра.

— Сеня! — крикнул он. — Сеня, вставай! Вставай, бездельник!

Я подбежала к двери и в отсвете белого снега с улицы увидела лежащего поперек тамбура могучего мужика в камуфляже.

Сеня смотрел на нас и улыбался, но так нехорошо и страшно, что прошло несколько секунд, прежде чем мы с Балашовым поняли — у Сени от уха до

уха перерезано горло. Рана зияла кровавой улыбкой и не давала ни шанса ее обладателю остаться в живых. Балашов, конечно, кинулся искать пульс, на этот раз почему-то за ухом. Он перепачкался в крови, пару раз горестно выдохнул: «Сеня, эх, Сеня!», потом подергал дверь, ведущую на кухню, но она была закрыта изнутри, скорее всего, на щеколду. Я пошла к машине, повернула ключ зажигания, чтобы движок заглох и больше не сотрясал воздух своим сытым и наглым урчанием.

— Это машина Виктора! — крикнул из тамбура Балашов. — Смотри! — подошел он ко мне и протянул на ладони что-то маленькое и круглое.

В темноте я не поняла что это, пока не взяла в руки и не поднесла к глазам. Это оказалась пуговица — железная, с выбитыми на ней готическим шрифтом буквами. Я не представляю одежды, на которой она смотрелась бы органично.

— Пуговица, — подтвердил Балашов. — Она валялась рядом с Сеней.

— Он у кого-то ее выдрал, — сказала я, рассматривая кусочек серой грубой ткани в маленьком пуговичном ушке. — С мясом. Твои охранники что, безоружны? Они хватают врагов за грудки?

Балашов нагнулся над Сеней.

— Он даже не попытался достать оружие. Кобура застегнута. Я ничего не понимаю, Сеня и не думал сопротивляться!

— Может, он его знал? — предположила я, стуча зубами. — Балашов, мне страшно! — Подойдя к нему сзади, взяла его за локти и прижалась к огромной спине. Спина была горячая, широкая, напоминала каменную стену, и мне совершенно искренне захотелось за этой стеной спрятаться. Ну, скажи, пожалуйста: «Не бойся, девочка!»

— Мне тоже, — тихо сказал Балашов. — Мне тоже страшно!

И тут где-то далеко закричала Кира. В том, что это Кира, у меня не было никаких сомнений. Балашов вырвался из моих рук и побежал вокруг дома,

я понеслась за ним. Мы прибежали к той стороне дома, на которую выходили окна гостиной. Кира висела на одной из скоб, по которым я спускалась. Она решила повторить мой трюк, но скобы были скользкие, Кира пьяная, на первой же ступеньке ее нога соскользнула внутрь железной петли, и она повисла на уровне второго этажа вниз головой, зацепившись согнутым коленом за скобу, как воздушная гимнастка под куполом цирка.

— Не ори, — задрав голову, попросила я, но она не унималась.

— Ее что, выбросили из окна? — подбежав ко мне, спросил запыхавшийся Балашов.

— Нет, она решила выйти как я, но, если не можешь даже пристегнуть себя в самолете, то лазать по стенам лучше и не начинать.

— Ярик, помоги мне! — перешла на членораздельную речь Кира. — Я сломала ногу! Витя! — Она вдруг разразилась такими ругательствами, что Балашов отпрянул в сторону, а я рассмеялась — когда ломают ногу, ругаются короче.

— Женщина! — высунулся из окна Дед Мороз. Я его не сразу узнала, он снял колпак, нос, бороду и превратился в мальчика с сельской внешностью. — Женщина! Я же говорил вам, что так нельзя спускаться, это опасно! Вот висите теперь, как кура на гриле, а помочь вам ничем нельзя, извините, конечно!

Балашов кинулся к стене и попытался подтянуться на самой нижней скобе. Под его весом она с треском отвалилась и осталась у него в руках вместе с куском стены.

— Уроды! — провыла Кира из-под подола платья, которое закрывало ее с головой.

— Обними меня, Балашов, и подсади, я ее вытащу!

Балашов не стал обсуждать стратегию спасения, а послушно и привычно меня обнял и приподнял. Я скинула туфли и полезла вверх по стене. Он остался стоять внизу, большой и бесполезный, как слон в зоопарке. Добравшись до Киры, я одной рукой приподняла ее за спину и крикнула Морозу:

— Давай руку!

Он протянул худую ручонку. Кира совсем не помогала мне, только беспрестанно и виртуозно ругалась. Я почувствовала, что могу сорваться в любой момент, и от злости шепнула ей в ухо: «Шевели граблями, кукла, если я упаду, то утащу тебя с собой, чтобы было мягче падать!»

Угроза подействовала, она напрягла спину и даже немного подтянулась, протягивая Морозу руку. Я подсадила ее, и тот, пыхтя, втянул ее в окно, проявив неожиданную силу.

— Я, женщина, в детстве скалолазанием занимался, — затараторил он в проеме окна, — но даже я в это время суток, в такую погоду — никогда! Это,

извините, полный... абсурд, по скользкой стенке толстыми ногами сучить в каблуках, извините, конечно.

От злого бессилия Кира сильно и звонко вlepила ему пощечину. Я крикнула: «Руку!», и Мороз следом втащил меня в окно.

— Только не бейте! — попросил он. — Я на работе все-таки. Всего уже измугузили, голова болит, сил нет! Я с детства драться не любил, поэтому на бокс не записался. Вы тут так Новый год встречаете, я понимаю, у богатых свои причуды. В следующий раз на работу буду шлем надевать, у меня пацаны знакомые в «пожарке» работают... или нет, у меня друган в детстве юным следопытом был, каску немецкую откопал, так я ее попрошу... Представляете, женщина, Дед Мороз в немецкой каске! Эксклюзив и полный... абсурд. Можно в два раза дороже брать, потому что об голову хоть бутылки колоти, еще бы Снегурку в бронежилете, и крутых задорого поздравлять...

— Заткнись! — заорала я.

— Только не бейте!

Я выглянула в окно, Балашова внизу не было. Куда его черт понес? У меня, правда, ключ от комнаты, я могу выйти, но Кира вряд ли меня выпустит одну, поэтому придется опять спустаться по стене и искать Балашова. Неужели он решил вернуться в дом через потайной ход без меня?

— Скажи, мартышка, что там происходит? — прошипела Кира. — Где Виктор? Кто стрелял? Почему меня не выпускают? Почему погас, потом включился свет? Слышишь, говори!

Я ничего не ответила, села на подоконник и свесила ноги вниз. Маршрут окно-стена-форточка становился таким же привычным, как коридор-лестница-рубильник. Уже нащупала ногой первую скользкую ступеньку, как Кира вдруг воскликнула:

— Стой! Почему на тебе мои кольца?

— Ты уверена, что они твои? Разве все в этом доме принадлежит не Виктору?

— Стой! — сильно хромая, бросилась она к окну.

И тут в дверь кто-то негромко, но требовательно постучал. От неожиданности я вздрогнула, чуть не вывалившись из окна, и, вернув ногу на подоконник, побежала к двери.

— Кто? — спросила я, надеясь услышать в ответ балашовский бас. Но, ничего не услышав, снова крикнула: — Кто?!

Неожиданно я поймала на себе странный взгляд Киры. Она была не удивлена и не испугана, мне показалось, что она всерьез прикидывает, хватит ли у нее сил задушить меня руками.

— Кто, кто, дед Пихто, — из-под стола прокомментировал Дед Мороз. Кажется, все происходящее ему очень нравилось, и он не спешил покинуть этот дом. — Эй! Кто там? Сто грамм? Почтальон Печкин принес за... а-а!

Я схватила какую-то безделушку со стеклянного столика и, не целясь, метнула в его сторону. В наступившей тишине стали отчетливо слышны удаляющиеся шаги. Кира не сдвинулась с места. Мороз молчал ровно три секунды, а потом хихикнул:

— Привидение в доме дворцового типа.

На этот раз его прервал хлопок, похожий на выстрел. Кира вздрогнула и обессилено рухнула в кресло, красиво уронив белокурую голову на высокую спинку.

— Ты можешь сказать, что там происходит? — нарочито спокойно обратилась она ко мне.

— Стреляют, — ответил из-под стола Дед Мороз.

Раздался еще один хлопок, и меня затрясло крупной дрожью. Эти выстрелы могли означать, что Балашова убили. Или — Балашов кого-то убил.

Я нащупала в кармане жакета ключ. Сейчас выйду и увижу его. Или ее. Может быть, их обоих. Я могу нарваться на пулю, ну, что ж, таковы правила игры. Меня покажут в криминальной хронике. Может быть, Васька заплачет, а может, похвастает Ваньке. Ива наденет красивое платье и с удовольствием даст интервью журналистам.

Я открыла дверь. В коридоре было снова темно. У этой парочки маньяков просто бзик на световые решения своих мерзких спектаклей. «Мне не страшно», сказала я себе и побежала по коридору. Коридор-лестница-рубильник. Я рванула его на себя, и тут же вспыхнул родной уже голубоватый свет.

Внизу на лестнице сидел Балашов и держал себя за плечо. Пальцы у него были в крови.

— Балашов, миленький, не умирай! Пожалуйста!

— Размечталась! — прошептал он. — У этого дамского браунинга убойной силы никакой! Грохнуть можно, если в упор стрелять, — и скосил глаза на рану: — Ерунда! Царапина.

— Ты его видел? — шепотом спросила я.

— Знаешь, — оставил он без внимания мой вопрос, — по дому действительно кто-то летает! Я когда ждал тебя там, внизу, услышал, что машина опять завелась, и хлопнул багажник. Помчался туда, но опять никого не увидел. Все по-прежнему: Сеня лежит, дверь на кухню закрыта. Только багажник кто-то захлопнул и движок завел. Я побежал через потайной ход, и, когда вошел в дом, в коридорах уже было темно. И тут слышу — кто-то летит. Крыльями похлопал и затих. Ужас!

— Неужели ты никого не видел?

— Нет. Я даже ничего не слышал. Шел к рубильнику, и вдруг — выстрел откуда-то сбоку. Я выстрелил в ответ.

— А я слышала шаги. Кто-то постучал в дверь гостиной, потом ушел. В любом случае он должен был пройти мимо тебя. Неужели ты совсем ничего не заметил?

— Когда в тебя палят в темноте, наблюдательность как-то притупляется. Знаешь, я готов поверить в привидения.

— Скорее всего, их двое, поэтому они так вездесущи, — заметила я.

— Что? Парочка злостных призраков?

— Убийц двое. Они хорошо знают дом и возникают в разных его точках, несмотря на то, что мы бегаем по всем комнатам и ищем их. И потом, это видно из записки.

— Мырка и мягкий знак! — усмехнулся Балашов. — Я не знаю имен, начинающихся с мягкого знака. Может, это перевернутое «Р»?

— Может быть. — Мне не понравилось, что эта мысль пришла не мне. Хотя, какой от нее толк? — Звони «02»! Хватит самодетельности.

— Да звонил я уже! — отмахнулся от меня окровавленной рукой Балашов. — Из туалета, перед тем как войти в дом.

— И что? Они уже в дороге?

— Они сказали, что нужно меньше пить. И поздравили с Новым годом. По-моему, они там сами, того, навеселе.

— Ты что, сказал, что по дому летает привидение? — с издевкой спросила я.

— Я сказал, — Балашов почему-то стал произносить слова по слогам, — что у меня в бильярдной труп, в спальне, в шкафу, труп и на кухне — тоже труп. Да, я сказал, что кто-то летает.

— А они?

— Они засмеялись и ответили, что пить надо кучнее, в одной комнате, тогда не будет такого разброса трупов. А что летает — ничего страшного. К утру приземлится и рассосется.

— Рассосется? Значит, помощи нам ждать неоткуда? Я правильно поняла?

— Неоткуда. Ты правильно поняла. Английский детектив. Мы отрезаны от мира, у нас гора трупов, и мы сами должны найти убийцу.

— Я ненавижу детективы.

— А я не люблю английские. Там все притянуто за уши: большой дом, куча трупов, стихийное бедствие, отрезающее от внешнего мира, убийца — кто-то из числа гостей, и вечный вопрос — кто будет следующим?

— Следующим должен быть ты, Балашов.

— Почему я? Стреляли в темноте, кто знал, что это я?

— Твои шаги трудно перепутать. Следующий — ты. Тебе очень больно?

— Нет. Мне совсем не больно. Я хочу сказать, что физическая боль — это ерунда. Вот если бы тебя не было, мне было бы намного труднее. Мне было бы невыносимо и больно. Наверное, я бы пустил себе пулю в лоб.

— Ты бы промазал и попал в потолок, — засмеялась я.

— Какое взаимопонимание! — раздался вдруг голос сверху.

Мы повернули головы синхронно и резко, будто всегда танцевали в паре.

На лестнице стояла Кира.

— Где Виктор? — зло щурясь, спросила она. — Что происходит?

Не знаю, какую часть нашего разговора она слышала и слышала ли вообще.

Сильно хромая, Кира стала спускаться. Даже хромала она грациозно, придерживаясь за перила, как балерина за станок.

Балашов выпустил меня из кольца своих рук, и я сильно пожалела, что не успела к нему прижаться. Глядя на Киру, он сказал голосом, которым, наверное, проводил деловые собрания:

— Пойдем в гостиную. Нам надо поговорить.

— Поговорить? Ты приводишь сюда своих шлюх, палишь из оружия у меня перед носом, запираешь меня на замок и устраиваешь в доме бардак, а теперь тебе надо поговорить? Ты что, ранен? Где Виктор?

Балашов подошел к ней, по-хозяйски взял ее за руку и потянул наверх. Кира не издала ни звука. Я посмотрела им вслед. Может, стоит проявить героизм и, пока они там беседуют в гостиной, в одиночку поохотиться на маньяков? Все равно Балашов мне не по зубам, все равно у меня нет шансов. Словно прочитав мои мысли, он вдруг резко остановился, развернулся и приказал:

— Пошли!

Я и пошла. Может, он мне и не по зубам, но без меня давно бы пустил себе пулю в лоб.

За столом, в гостиной, сидел Дед Мороз. Он пировал. Огромный осетр, к которому за весь вечер никто так и не притронулся, был порезан на щедрые порции, одна из которых перекочевала к нему на тарелку. Туда же он набросал разноцветных салатиков, и даже примостил кусок торта, в котором я приехала. Мороз молча уставился на нашу делегацию. Он изнемогал от желания что-то сказать, но не мог, потому что набил рот так, что из-за щек не было видно ушей.

Балашов толкнул Киру в кресло и сказал:

— Я думаю, пора выкладывать карты на стол. Мы все вляпались в какую-то историю. Нам действительно сейчас лучше находиться вместе. В доме кто-то есть. И этот кто-то... убил Виктора.

— Убил? — Кира произнесла это почти спокойно. — Убил? Кто-то? Ярик, ты перемудрил. Ты же сам позвал его стреляться. Ты его и убил!

— Этот кто-то убил не только Виктора. В твоей спальне, в шкафу, я нашел труп эконома. Иван Палыч зарезан ножом. Внизу, у черного входа на кухню, зарезан охранник. Этот кто-то хорошо знает дом, он зачем-то постоянно вырубает свет. Он много натворил, но с места преступления не уходит. Мы пытались его обнаружить, но не смогли. Я не знаю, кто это может быть! Кира, что ты об этом думаешь?

— Я?! Я думаю, что у кого «дама пик», тот и ... Разъяренный, вооруженный муж в доме — ты, Ярик!

— Это не я, — сказал Балашов, — и доказать мою непричастность не составит никакого труда. А ты, Кира, должна рассказать все, что знаешь. Когда и почему вернулся Иван Палыч? Как он мог очутиться в твоей комнате? Вспоминай, думай. Ты так же по уши в этой истории, как и я!

— Иван Палыч? В моем шкафу? Черт, придется менять гардероб! — начала дурачиться Кира.

Кажется, от нее ничего не добьешься. Может, мне снова поднапрячь мозги?

Мырка — это бывшая учительница. Она узнала о связи своего мужа и Киры, а также узнала о том, как красиво они оставили Балашова без штанов. Если Виктор выходит из игры, балашовские богатства достаются ей и ее ребенку. Сам бес велит избавиться ей от Виктора, тем более, если у нее есть какой-нибудь возлюбленный. Она наводит Балашова на сладкую парочку, они с дружкой прячутся в доме и, подловив момент, обставляют все так, что убийство Виктора кажется делом рук ревнивого Балашова. Только почему они не смываются? Зачем обыскали Виктора и перерыли стол Балашова? Почему убили эконома, охранника, а Мороза огрели по голове? И самое главное, неужели Кира такая дура, что позволила все захватить женатому любовнику? В чем ее выгода? Реальных вопросов получалось больше, чем возможных ответов.

— Кира, когда вернулся Иван Палыч? — продолжал тем временем Балашов.

— Мне об этом ничего не известно. Зато известно, что ты не улетал в Париж.

Значит, Мырка — это учительница. «Мягкий знак» — ее любовник. Откуда они так хорошо знают дом, что легко в нем прячутся и вырубают свет там, где хотят? Они не уходят, потому что следующий — Балашов. Он может раздуть скандал, подать в суд, заявить, что его обокрали мошенники. Но тогда и Киру нужно того... к Виктору, эконому и Сене. Нет, с Кирой что-то не то. Не могла она допустить, чтобы вот так все на Виктора. В чем ее выгода?

— Значит ты, Кира, настаиваешь, что во всем виноват я.

— Я ни на чем не настаиваю.

«Калеса» — это машина Виктора. Они собирались ее использовать. Увезти трупы в багажнике?

— Я знаю, как вы с Виктором меня обставили. Только не могу понять — какой твой в этом интерес? Даже при разводе со мной ты имела бы больше. Ведь теперь у тебя ничего нет! Все достанется Тамаре. Не пойму, зачем тебе это было нужно? Какой тебе прок, оттого что все стало принадлежать Виктору?

— И не поймешь! — Кира залилась серебристым смехом. — Не поймешь!

«Я буду вовремя и на стреме». Вовремя — это когда? Значит, был условленный час? На стреме — это зачем? Чтобы убивать всех, кто попадется на пути? Мягкий знак — это не перевернутое Р. Этот парень с трудом пишет, он не стал бы экспериментировать с плохо знакомым ему алфавитом. Может быть, мягкий знак — это не начало, а конец слова?

— Кира, неужели ты никогда меня не любила?

— Любила?! Посмотри на меня, Ярик! А теперь найди зеркало и посмотри на себя! Любила! — Кира смеялась искренне, не натянуто, она радовалась так, будто ее любовник, на которого переписано все балашовское имущество, и на чей счет ушли все балашовские деньги, — жив, здоров и невредим.

Балашов заметался по гостиной, потом вдруг остановился у посудного шкафа с гнутым тонированным стеклом и уставился на свое отражение.

— Да, ты не могла меня любить. Как я сразу этого не понял? И я не мог тебя любить. Я любил твоего ребенка.

А меня вдруг осенило. «Калеса» — это не машина, это коньяк, от которого падают замертво. Я тут же озвучила свою мысль, на что Балашов удивленно ответил:

— Странно, откуда коньяк? В моем доме его никогда не бывает, я не переносу этот запах. Кира, откуда у нас коньяк?

— Ярик, я собиралась встречать Новый год с Виктором. Не с тобой, а с Вик-то-ром. А Виктор любил коньяк.

Значит, рухнуть под стол без чувств должен был Виктор.

— Странно, — Балашов плеснул коньяк в рюмку и понюхал.

— Не пей, козленочком станешь, — усмехнулась я. — У тебя, Балашов, позднее зажигание. Колеса бывают не только шипованные.

— Ты о чем? — спросила Кира.

— Ты про что? — спросил Балашов.

И тут раздалась телефонная трель. Я решила, что звонит мобильный у Балашова в кармане, но он кинулся куда-то за кресло, там, на тумбочке, стояла телефонная база, но трубки в ней не было. Телефон звонил, приглушенно переливаясь трелями, Балашов заметался по комнате в поисках аппарата.

Меня как током ударило. Я вспомнила, что, когда Кира сама предложила позвонить охране, она про этот телефон не сказала ни слова, сослалась на то, что свой мобильный оставила внизу, в сумке. Не так уж она хотела куда-то звонить.

Телефон все пиликал, Балашов, наконец, догадался, что звуки несутся из-под диванной подушки, на которой лежал в стельку пьяный Дед Мороз.

— Да! — крикнул он. — Да, Вадим! Что ты мычишь? Это охранник, — объяснил он мне, — кажется, он пьян в стельку. — Что? Какой мешок? Нет, мне не нужны никакие подарки! Можешь оставить себе. Се-бе! Что? Да, и посох тоже. Слушай, нужна твоя помощь... хотя какая от такого тебя помощь? Впрочем, слушай, не выпускай никого за территорию дома! Да, всех задерживай и звони мне. Ладно, про Сеню потом... — Видимо, на том конце бросили трубку, Балашов недоуменно посмотрел на свой аппарат и нажал отбой. — Этот артист, — кивнул он на Мороза, — забыл мешок с подарками и посох в будке у охранников.

В комнате повисла тишина. Стало слышно, как глубоко и ровно дышит юный Дед Мороз. Кира сидела в кресле, опустив глаза. Мне не нравилось это затишье. Я присела за стол, взяла рюмку с коньяком, которую налил Балашов, и понюхала. Кира подняла на меня фиолетовые глаза. Коньяк как коньяк. Я сделала вид, что делаю глоток. Мне показалось, что Кира слегка оживилась. Значит, я ей мешаю. Значит, она хочет, чтобы и я без сознания рухнула под стол.

— Не дождешься, — прошептала я.

— Чего не дождусь? — отбила подачу Кира.

— Балашов, как, ты сказал, называется фирма, которую состряпали Кира и Виктор?

— Что?

— Как?

— «Вилен». А какая разница?

— Странное какое-то название. Вроде как имя. Помнишь, в глубоко советские времена людей называли, используя революционную тематику? Кажется, Вилен — это сокращенно Владимир Ильич Ленин...

— Бред, — пожал плечами Балашов. — Название фирме придумать очень сложно. Нужно, чтобы оно не повторялось, вот народ и извращается, как может. Кира, что означает «Вилен»?

— Господи, «Вилен» — это Виктор придумал, и я не знаю, что это означает. Ярик, ну, пожалуйста, выведи меня в туалет, я больше не могу терпеть! Ты же вооружен, и нам нечего бояться.

Кире, видимо, очень нужно было выйти из гостиной. Она согласна сделать это даже в сопровождении Балашова. «Нам нечего бояться». Кажется, это ей нечего бояться.

— Мы никуда не пойдем.

— Ярик!

— Сиди!

— Ты пожалеешь!

— Балашов, а ты кухню закрывал на ключ, когда мы первый раз ее обыскали? — вмешалась я.

— Закрывал.

— Значит, они были там, когда мы потом напоролись на мертвого охранника.

— Почему?

— Потому, Балашов, что, раз кухня была закрыта и на твой ключ, и на щеколду изнутри, значит, они были там. Сам подумай.

— Черт, а как же они потом попали в дом и вырубил свет?

— Ты тормоз, Балашов. Мы не посмотрели парадную дверь. Значит, она открыта, и они курсируют через черный ход кухни и парадную дверь. А я ноги ломала, в форточку лазила.

— Точно, я видел у парадного сильно утоптаный снег, думал, там Дед Мороз топтался! А это они...

— Они? — напряглась Кира.

— Их двое, — объяснила я. — Мужчина и женщина.

— Мы нашли за...

— Балашов, передай мне кусок осетрины, я голодная как десять Дедов Морозов!

Балашов положил мне на тарелку огромный кусок осетра.

— У Ивана Палыча в...

— Балашов, подай мне грибочков!

— Мы думаем, — не унимался Балашов, передавая мне какие-то невиданные фаршированные грибы, — что Виктора и всех остальных убила Тамара с подельником. Ведь теперь она богачка, — усмехнулся он. — Тебя облапошили, Кира, ты осталась ни с чем, как и я! Зачем ты это сделала? Может, Виктор тебя как-то заставил?

— Как-то заставил, — чересчур старательно кивнула Кира.

— Впрочем, это ничего не меняет, — осадил себя Балашов, подошел к открытому окну и прикрыл его.

— Вы пожалеете, — злобно проговорила Кира.

— О чем пожалеет, Мырка? — спросила я, глядя на нее в упор.

Кира пошла какими-то пятнами, а Балашов приглушенно переспросил:

— Что ты сказала?

И тут дверь гостиной кто-то сильно дернул снаружи. Я поняла, что выражение «сердце ушло в пятки» — не образное сравнение, и тут же подумала, что, каким бы сильным и страшным ни был твой враг, лучше видеть его в лицо. Неизвестность способна довести до истерики и даже до самоубийства. Наверное, об этом подумал и Балашов. Он быстро повернул ключ, распахнул дверь и крикнул: «Заходи!»

В коридоре было темно. В гостиную никто не вошел. Мы ничего не увидели и ничего не услышали. Я поняла, что выражение «волосы встали дыбом» — тоже не преувеличение.

Кира вдруг сорвалась с кресла и с такой скоростью бросилась в коридор, что идея поставить ей подножку опоздала на множество мгновений.

— Стой! — ринулся за ней Балашов.

Отличная идея просидеть в гостиной до утра с треском провалилась. Я побежала за ними следом, с трудом набирая скорость. Кто, куда и зачем бежал — понять было трудно, и я решила про себя, что как обычно, добегу до рубильника и включу свет. Пусть Балашов ловит Киру, если оно ему надо.

Привычным движением я рванула рубильник, но за секунду до того, как голубой свет залил коридор, кто-то больно перехватил мою руку и заломил ее за спину.

— Не дергайся, — сказал мужской голос. — А то так прострелю чердак, что ставни закроются, — и довольно заржал над своей шуткой.

В мой висок уперся холодный металл. Убийца, за которым мы носились всю ночь, стоял у меня за спиной, и я не могла его видеть. Зато его хорошо видел Балашов. Он стоял на ступеньках, внизу, заломив Кире руку так же, как кто-то заломил ее мне. На его лице последовательно промелькнули удивление, ужас, ярость и вновь удивление. Я думала, что следующий — это Балашов. Но тот, кто сзади, решил, что следующая — я.

— Пора знакомиться, — сказал голос. Он был молодой, наглый и какой-то жирный. С таким голосом уместно зарабатывать на жизнь в службе «Секс по телефону». — Пора. А то эти «дурики» меня достали. — Кира усмехнулась, и я поняла, что про «этих дуриков» было сказано ей. — Они носятся по дому как парочка вонючих собак, которые не могут взять след. Если бы я хотел, то давно прибил бы обоих. — Голос опять омерзительно заржал, но его слова вселили в меня надежду. Раз не хотел прибить раньше, может, не захочет и сейчас. Руке было очень больно, а еще было больно шее, потому что он давил дулом в висок, а я, сопротивляясь нажиму, смотрела не в сторону, как все нормальные заложники, а вперед, чтобы видеть Балашова и Киру.

— Слышь, толстый, отпусти девушку, она не твоя. А не то я пристрелю эту клушу, она мне не очень нужна.

Балашов не пошевелился. По-моему, он не понял ни слова. А может, сделал вид, что не понял? С чего ради он должен меня спасти? Ведь Кире можно все, может быть ей даже можно быть Мыркой?

— Слышь, толстый! С тобой я должен поговорить. Отпусти Кирку, и пойдем наверх, а то я грохну эту мымру, мне от нее одни хлопоты.

Балашов не просто отпустил Киру, а оттолкнул ее от себя, давая понять, что не изменит своего решения.

— Урод, — фыркнула Кира, потирая руку с красным пятном.

Пуля в висок откладывалась на неопределенное время. Я понимала, что она не отменяется, а просто откладывается. Ведь я не нужна этому мягкому знаку, этому грамотею, я не нужна ему — от меня одни хлопоты...

— Наверх! — приказал голос сзади.

Мимо нас прошла Кира, за ней Балашов. Больно толкая в спину, неизвестный мучитель повел меня вслед за ними. Кажется, предстоят разговорчики. Может, он врет, что я ему не нужна? Пока я у него на прицеле, Балашов будет плясать под его дудку. Во всяком случае, он совсем меня не боится и даже не подумал обыскать. А у меня в карманах много интересного: записка, странный большой пистолет и... паспорт Виктора.

Он толкал меня вверх по ступенькам, я опустила глаза и увидела остроносые сапоги-казаки, не по погоде легкие, в нелепых металлических клепках, со скошенными каблуками и шпорами. Пижон шизанутый. Только такой шизанутый пижон способен резануть по горлу от уха до уха.

В гостиной мирно сопел Дед Мороз. Тот, кто сзади, пихнул меня на стул и, держа у виска пистолет, пристроился рядом. Кира плюхнулась в кресло, Балашов с прямой спиной присел на самый краешек стула с другой стороны стола.

— Ну, Мырка, все пошло не по-нашему! — начал мой конвоир. — Ты все перепутала, а я бегаю и правлю твои ошибки!

— Я ничего не путала! — взвизгнула Кира, будто ей под ногти вогнали иголки. — Не было моих ошибок! Я говорила тебе, что Тамарка следит за нами! Она наняла частного детектива, который таскает ей отчеты о наших с Виктором встречах! Я говорила тебе! А ты — пора торопиться, время уходит, Новый год — подходящий момент, все пьяные, и никто ничего не поймет! Это твои ошибки, а не мои! Ты что натворил?! Почему не смотался, когда пристрелил Виктора? Все устраивалось так, будто его убил Ярик! Зачем столько трупов? Что за цирк с иллюминацией? Зачем притащил всех сюда? Идиот, как нам теперь выкручиваться?

Голос сзади жирно заржал. Дуло с виска переместилось в точку между лопаток. Я смогла задыхаться свободнее и решила, что пуля между лопаток не так страшна, как пуля в висок. Быть может, есть даже шансы спастись.

— Мырка, я же сказал — я исправляю твои ошибки. Ты говорила, в доме никого. Вот они — твои «никого»! — Он сделал рукой полукруг. Рука была молодая, нервная, загорелая. — Это при том, что парочку я уже убрал. Жаль, этого не добил. — Рука ткнула пальцем в Мороза. — Ты сказала, сиди и жди своего часа, когда Витя хлобыстнет коньячку. И что? В спальню, где я сидел, втюхивается этот старый сучок эконома. Я еле успел спрятаться за портьеру. Он, как ищейка, обнюхивает все, обыскивает даже постель, приподняв подушки, и... лезет в шкаф. Зачем? Чтобы подождать начала концерта? Он что-то узнал, старый хрен! И это твой косяк,

Кирка! Он для засады выбрал твою спальню, значит, понял, что ты на главных ролях. Пришлось залезть в шкафчик и сделать из него бабочку для гербария, нанизав на мой любимый ножик. Потом опять начались твои косяки. Сначала приперли торт, минут через пятнадцать в дом вполз этот толстый. Слышу, шаги в коридоре, дверь приоткрыл — он крадется. Ни в каком он ни в Париже, пришел тебя с любовничком ловить. — Голос снова заржал. — Дальше ты все знаешь, я метался по дому как молния! Свет гасил, чтобы быть незаметным и этих двоих поугатать. Только откуда эта мымра взялась, я не понял.

Я очень хотела его увидеть. Мне было бы легче умирать, если бы я узнала, как он выглядит. Балашов сидел напротив с совершенно белым лицом. Его нежный цветочек, его трогательная девочка не только изменяла ему, не только обокрала его, она еще и заодно с убийцей. Есть отчего тронуться умом. Только было бы лучше, если бы ты не терял самообладания. Тот, кто сзади, расслаблен и уверен в себе, а у тебя в кармане пистолет. Так, может, хоть раз, Балашов, ты попадешь в цель?

— Эта мымра взялась из торта, — тихо сказала Кира. — Она уверяет, что любовница Балашова. И еще — она что-то нарыла, потому что зовет меня Мыркой и сильно озабочена тем, как называется фирма.

— Любовница? А что, она ему подходит! — Мне понравилось, что он так сказал. — Такая же клуша, как он!

— Что там с охранником, что нам теперь делать? — Кира обхватила себя руками за плечи и стала покачиваться.

— Говорю же, Мырка, — твои косяки! Бумаги на месте не оказалось!

— Не может быть! — воскликнула Кира. — Витя принес ее, он обещал мне ее показать, когда мы входили в дом!

— Я обыскал Камху, перерыл весь дом, бумаги нет! Я случайно нажал тревожную кнопку, когда

рылся в столе, и пришлось объясняться с Сеней. С ним я легко справился, потому что он узнал меня, похлопал по плечу и спросил, зачем я завел машину Камхи. Я и полоснул его ножичком. Когда начинаешь убивать, трудно остановиться. Только бумаги нигде нет. Может, толстый ее отобрал, когда они с Витей болтали в его кабинете? Где бумага? Отдай, или я пристрелю твою вяленую.

— Балашов, — еле ворочая сухим языком, сказала я, — ты его знаешь?

Балашов отрицательно помотал головой. В его черных глазах я постаралась рассмотреть отражение того, кто стоял у меня за спиной, но ничего не увидела. Значит, Балашов его не знает. Иван Палыч знал, Сеня знал, Виктор, похоже, тоже знал, а Балашов не знает. Яркий пример того, как нельзя уходить с головой в новое производство.

— Отдай по-хорошему. Она тебе ни к чему, я отказываюсь не в твою пользу. Если ты дашь ей ход, все перейдет Тamarке!

— Что перейдет? От чего отказываешься?

Я сфокусировала взгляд на Балашове и решила, что, если выйду за него замуж, то все дела буду вести сама. Он ни одной бумаги не подпишет не глядя, он будет знать всех тараканов в доме в лицо.

— Когда начинаешь убивать, трудно остановиться, — повторил голос сзади и переставил пистолет к моему виску. — Где бумага, толстый? Выворачивай быстро карманы!

— Стой! — заорала я и вытащила из кармана записку.

Смуглая рука вырвала бумажку.

— Это еще что? Откуда?

— Там лежала... — неопределенно ответила я.

— Мырка, ты что, хранишь мои записки?

— Эту я потеряла, — буркнула Кира.

Рука скомкала бумажку и, судя по движению, сунула ее в карман.

— Выворачивайте карманы! Оба! Ты тоже шастала по комнатам, встряхивайся!

На диване вдруг зашевелился Мороз. Не открывая глаз, он отчетливо и жалостливо произнес:

— Я не модный! Я не читаю Мураками, не люблю текилу и не жру цветы!

Все, как по команде, уставились на него. Все, кроме Балашова. Он стремительно выдернул из кармана пистолет и пальнул в моего конвоира. Раздался сухой щелчок.

— Bravo! — крикнула я. — Если бы не кончились патроны, ты бы попал!

Балашов уставился на свой пистолет, словно на гремучую змею. Кира засмеялась. Дуло у моего виска дрогнуло, и я мысленно попрощалась с жизнью.

— Слышь, парень, — задала я мучавший меня вопрос, — тебя зовут Вилен?

— Молчи! — взмолился Балашов. — Прошу тебя, молчи!

Дуло провернулось, цепляя на себя мои волосы.

— Стой! — задыхаясь, крикнул Балашов. — Я отдам бумагу! Только она внизу, в сейфе! Отпусти ее, и пойдем вниз, в мой кабинет! Ты прав, она мне ни к чему. Пойдем.

— Вытряси все из карманов! — приказал «мягкий знак».

Балашов выложил на стол рядом с пистолетом бумажник, мобильный, носовой платок и горсть семечек.

— Все! — сказал он.

— Кирка, проверь!

Кира встала и, кривя красивые губы, обстучала Балашова сверху донизу, словно небрежно выбивала пыль из дивана.

— Да нет у него ничего, — сказала она. — Пойдем вниз.

— Ты останешься здесь, с этим клоуном. Кстати, что это с ним?

— Коньячком угостился, — ответила Кира. — Я с ним не останусь.

— Останешься. Обыщи эту тоже!

— Отпусти ее! — продолжал твердить Балашов. — Отпусти, и я отдам бумагу. Без меня никто сейф не откроет. Его можно только взорвать.

— Отдашь, отпущу, — усмехнулся голос.

— Нет. Сначала отпусти, потом отдам. Из нас ты один вооружен, чего ты боишься?

— Кирка, обыщи ее!

Кира брезгливо залезла в карман жакета.

— Пусто, — сообщила она, сунула руку в другой карман и вытащила ключи от комнат.

— Дай мне! — потребовал голос, и Кира протянула ему ключи.

— Зато я люблю Марата Шерифа! Мое любимое — «Советы диетолога»! — весело крикнул во сне Дед Мороз.

— Слушай, — дернулась Кира, — он меня достал!

— Так влей ему весь коньяк в глотку, сам помрет от передоза! Телом больше, телом меньше! — заржал голос.

— Я ему кляп сделаю! — Кира схватила со стола красную полотняную салфетку, скомкала ее и запихнула Морозу в рот.

— Отпусти ее, или я не отдам бумагу! — не унимался Балашов, буравя черными глазами того, кто стоял у меня за спиной. — Без меня ты сейф не откроешь! Отпусти!

Кира подошла ко мне и приготовилась запустить руку в мой брючный карман.

— Э-ге-гей! — вдруг раскатисто заорал мужской голос в коридоре. Все вздрогнули, вздрогнуло дуло у моего виска, и я опять попрощалась с жизнью.

— Э-ге-ге-ге-гей! Сеня! Есть кто живой?!

Дверь гостиной резко отворилась, на пороге, полностью заслонив собой проем, возник огромный, черноусый мужик в камуфляже, с кобурой на поясе. Он был абсолютно пьян и с трудом фокусировал взгляд на окружающем.

— Э-ге-ге... — снова заорал он. — Все в порядке? А где Сеня?

Дуло с моего виска метнулось в точку между лопаток. Я стояла к мужику лицом, и он не мог видеть, что я на прицеле. Все молчали.

— Я пришел, центральная дверь нараспашку, в доме никого, и тишина. На лестнице кто-то разлил красное вино, упились все, что ли? Где Сеня? Эй, Виль, а ты чего здесь делаешь? Что-то я не помню, когда ты пришел! Проблемы со светом?

— Да, Вадим, — подчеркнуто беспечно сказал Балашов, — проблемы со светом. Были. Уже разобрались. А потом я пригласил Виля за стол. Присаживайтесь, господа, продолжим веселье.

Кира со светским видом присела за стол, Балашов опустился на свой стул, я плюхнулась без сил на стоящее рядом сиденье. Вилен вышел из-за моей спины и сел рядом со мной.

— Во, демократия, блин! Электрики с господами пьянствуют! А где Сеня?

— Спит твой Сеня, как убитый, — засмеялся Виль. — Иди на свой боевой пост!

— Дрыхнет? С тряпочкой во рту? — загоготал Вадим и шатнулся обратно в коридор, закрыв за собой дверь.

Я повернула голову и уставилась на Виля.

У него был длинный, с горбинкой, нос, веселые, наглые, но при этом жесткие глаза. Волосы сзади стянуты в дурацкий хвост. Отвратительный тип, но такие нравятся женщинам. На нем был серый френч, длиной почти

до колена, с шлицей сзади, с воротником стойкой и металлическими пуговицами, верхняя из которых была оторвана с мясом. Этот странный прикид напоминал театральный костюм, в котором играют диктатора. Виль вертел в руке дамский браунинг, и никто бы не мог усомниться в том, что нажать на курок для него — левое дело.

Виль — главный в этом спектакле, он его режиссер. Виктор оказался разменной монетой, все оказались разменной монетой, может быть, даже Кира. Его именем названа фирма, значит, не Виктор, не Кира, а он замышлял каким-то чудовищным образом заполучить балашовские деньги. Каким? Какая бумага ему нужна? Из-за нее он не уходит из дома, из-за нее он готов убивать еще и еще. Думать было трудно. Мозги, побывавшие под прицелом, отказывались работать. Напротив меня сидел Балашов, положив огромные руки на стол, и в его глазах я читала: «Не бойся, я придумаю что-нибудь, только не бойся!»

Больше всего на свете я боялась, что он опять что-нибудь придумает.

— Ты, толстый, правильно сделал, что спроводил охрану! — усмехнулся Виль. — И как ты допер, что шум поднимать не стоит?

— Допер, — хмуро сказал Балашов, сжимая руки так, что костяшки пальцев побелели.

— Я знал, что у тебя кончились патроны! — Виль довольно заржал. — Я считал выстрелы в доме! Я всегда все просчитываю, поэтому у меня все получается! А еще я фартовый, правда, Мырка?!

Виль встал и заходил по комнате. Двигался он бесшумно и стремительно, как дикий зверь на охоте. Он электрик, поэтому так легко баловался со светом, наводя на нас ужас. Он приходящая прислуга, поэтому его все знали — Иван Палыч, Сеня, Вадик, Виктор, который часто бывал в этом доме. Не знал только Балашов, и в этом нет ничего странного: он не помнит даже, есть ли фонари перед его домом. Что за бумагу требует Виль? За-

чем Балашов сделал вид, что знает? Он не знает, я вижу, как побелели его пальцы, как почернели глаза. Он просто под любым предлогом хочет выманить его из гостиной, он надеется что-нибудь придумать. А что тут можно придумать, кроме одного: попытаться задушить электрика голыми руками.

— Пойдем вниз, — сказал Балашов. — Женщины останутся здесь, а мы пойдем и откроем сейф в кабинете.

— Вообще-то я командую, разве ты не заметил? — Виль встал напротив меня и, прищурив один глаз, прицелился мне в лоб.

— Заметил, — быстро согласился Балашов. — Что ты предлагаешь?

— А здорово я урыл вас в подвале? Представляю, как вы там перетрухнули. Я всегда удивлялся, какой идиот придумал выключатель снаружи, да еще и щеколду! Если бы эта шкидла не выползла в окно, я бы вас там допрашивал голосом привидения! — Он засмеялся, закинув голову назад и показывая безупречно белые зубы.

— Ты очень хорошо все придумал, — вежливо произнес Балашов. — Просто отлично. Мы здорово перепугались. — Кажется, он взял на вооружение хорошо известный совет ни в чем не перечить шизикам и во всем с ними соглашаться. — А что ты предлагаешь делать сейчас?

Виль подошел к елке, рукой отломил приличный кусок торта и запихал его в рот. Потом вытер руку о серые штаны, оставив на них белые следы от безе.

— Видишь, толстый, ты спрашиваешь у меня, Виля, что мы будем делать. И правильно делаешь. Потому что делать будем так, как я скажу. — Он снова отломил кусок торта, снова запихал его в рот, снова вытер руку о штаны и сказал с набитым ртом: — Я никогда не могу наесться сладкого. Когда я был маленьким, меня хотела усыновить из детдома парочка жирных уродов. Они меня брали домой на выходные и били по рукам, когда я тянулся за вторым куском сахара. Когда я спрашивал, почему нельзя, они отвечали: «Вредно. И дорого стоит». Они потом раздумали меня усыновлять, наверное, решили, что такого не прокормишь. Тогда я решил, что, когда у меня будут настоящие деньги, я ни в чем не буду себе отказывать. Ты не представляешь, толстый, как это символично, что здесь стоит этот торт величиной с бочку! — Он снова отломил большой кусок безе.

— Заткнись, Виль, — раздраженно сказала Кира. — Им ни к чему твои излияния. У нас куча проблем, гора трупов, и нет самого главного — бумаги. — Она глазами пошарила по столу, остановила взгляд на бутылке водки и плеснула себе в рюмку. — У нас мало времени. Скоро утро.

— Скоро, но мы все успеем, все уладим, не бойся, Кирка! Эконома и Сеню убил этот, — ткнул пальцем в спящего Мороза Виль. — Я натолкаю ему в карманы твоих брюликов и суну в руку свой ножик. Скажут, наркоша при-

кинулся Дедом Морозом и пошел бомбить богатых. С Витей... Витю у нас Балашов застрелил в приступе ревности, в состоянии аффекта! Дадут немного, года три. Оружие из его коллекции, пальцы он свои оставит и ничего отрицать не будет, правда, толстый?! За это я оставлю тебя живым, за это ты будешь живым потом, когда все кончится.

— А с этой что? — Кира кивнула на меня. Новая порция спиртного уже добралась до ее мозгов, испуг и растерянность испарились с холеного лица, глаза заблестели. Кажется, ей все это снова нравилось.

— А с этой... посмотрим. Кстати, почему на ней твои брюлики?

— Сперла в моей спальне. Так же, как и костюм.

— Ну и отлично, пусть будет подругой Деда Мороза, грабительницей. Тем более что она начинка из торта — отличный способ проникнуть в богатый дом! Кстати, тебе ее можно пристрелить в процессе самообороны! Ты, толстый, сейчас назовешь код сейфа, Кирка спустится и достанет бумагу. А мы подождем здесь. И не вздумай свалить! — Он снова прищурил глаз и прицелился мне в лоб.

— Без меня сейф никто не откроет, — тихо произнес Балашов. Он все еще надеялся повести игру по своим правилам. — Никто не откроет. Даже зная код, замок нужно открывать определенным образом.

— Это правда, Кирка? — спросил Виль, засовывая в рот очередной кусок торта.

Теперь я знаю, самые страшные люди на свете — те, кто в детстве не наелся сладкого. Еще я знаю, что он забыл про мои карманы, а там болтается большой пугач неизвестной породы — благо, Кирины брюки мне велики, и он не сильно выпирает. Но я не знаю, заряжен ли он, не знаю толком, как им пользоваться, а веселить эту парочку еще одним холостым выстрелом очень не хочется.

— Правда, — кивнула Кира. — Единственное, что в этом доме приличное, — это сейфы.

— Так ты скажи, толстый, как сейф открывать, она и откроет!

— Она не откроет, — глядя Вилю в глаза, почти по слогам произнес Балашов. — Женские руки с этим замком не справятся.

— Не справятся?! — Виль почти поверил и почти сдался.

— Господа! — бодро воскликнула я. Мне осточертело быть мухой на мушке, ожидающей пулю в висок или между лопаток. — А чего нам терять?! Раз пошла такая пьянка, пойдёмте в кабинет все вместе! Все под контролем, все у всех на виду!

— А чего, пойдёмте! — гоготнул Виль с набитым ртом.

Я увидела, как в глазах Балашова метнулись испуг-недоумение-гнев. Он так старался убедить Вилю остаться с ним один на один, а я разрушила все одним взмахом глупого женского языка.

— К сейфу мы пойдём вдвоем! — басом отчеканил он.

— К сейфу мы пойдём вместе, — пропела я.

— Кирка, можешь остаться! — распорядился Виль, вытирая руки в беге о штаны.

— Нет!!! — подскочив, заорала Кира.

— Как хочешь, — кивнул он, подошел ко мне сзади и ткнул дулом в спину. — Ты идешь первым, толстый! Если дернешься, я продырявлю ей спину. Или чердак. Как получится.

Кажется, у Балашова дрожали руки, когда он открывал дверь.

Мы прошли по коридору, спустились вниз и, дойдя до рубильника, я заметила, что дверца открыта и болтается на уровне моей головы. Интересно, кто успеет быстрее: я — рвануть вниз черную ручку, или Виль — нажать на курок? Кира не в счет, она умеет только визжать.

Я сделаю это, чего бы мне это ни стоило.

Внизу вдруг раздался шум. Кто-то летел, громко хлопая крыльями. Дуло сзади дрогнуло, я рванула рубильник, одновременно падая на пол, и выстрел грохнул над моей головой. Кира, разумеется, завизжала. Перекрывая ее визг, голос пьяного Вадима проорал:

— Эх, Сеня! А не позвать ли нам б...?

И снова захлопали крылья. И снова:

— Эх, Сеня!..

От ужаса я забыла, что лечу кубарем с лестницы и, налетев на что-то большое, поняла, что это Балашов, только тогда, когда он жарким шепотом крикнул мне в ухо:

— Бежим!

Он потянул меня за руку, и мы побежали.

— Эх, Сеня! — снова разухабисто проорал Вадим. — А не позвать ли нам...?! — И захлопал крыльями у меня над головой.

Кира продолжала визжать, а Виль догонял нас сзади, я чувствовала. Этот зверь передвигался бесшумно и быстро. Хоть бы Вадим перестал орать глупости, а вспомнил о своих обязанностях и применил оружие! Грохнул выстрел.

— Все! — сказал Балашов, затаскивая меня в какую-то дверь. — Теперь у него кончились патроны. Я тоже умею считать!

Мы оказались в туалете.

— Быстрее, — вроде как самого себя подбодрил Балашов, толкнул стойку-стеллаж, и мы уже знакомой дорогой выбрались на улицу.

— Куда? — крикнула я.

— К машине Виктора! У меня ключи! Я вытащил!

Машина стояла на прежнем месте. Балашов плюхнулся за руль и завел движок. Я влетела на пассажирское сиденье, когда он, буксанув в снег, уже тронулся с места. Не знала за собой такой прыти.

Навстречу нам, со скоростью гепарда, выбежал Виль. Наверное, выскочил через центральный вход. Он несся прямо на нас, а Балашов жал на газ, разгоняя машину. Я поняла вдруг, что задумал Виль: прыгнув на лобовое стекло, он ввалится в салон, и нашему бегству — конец.

— Уходи! — заорала я Балашову и вцепилась в ручку над головой, готовая к лобовому удару.

— Куда? — пробормотал он, но в момент, когда Виль прыгнул на нас, крутанул руль вправо. Мы задели его боковым зеркалом, машину закрутило в заносе, но за пару секунд Балашов вполне достойно справился с управлением, выровняв автомобиль. Водил он лучше, чем стрелял.

— Ты водишь лучше, чем стреляешь! — воскликнула я, но больше ничего не успела добавить, так как мы врезались в кирпичную стену. На мгно-

вание я закрыла глаза, но удара почти не почувствовала — стена развалилась, будто была из пенопласта.

— Ошибка проектировщиков, — буркнул Балашов, — а потом и строителей. Сделали ворота напротив туалета, а не центрального входа. Я приказал заделать их сибитом и закрасить под кирпич. Пригодилось. Отсюда короче до трассы, а там недалеко до поста ГАИ.

— А почему твой Вадим, вместо того чтобы помочь нам, решил вызвать своему зарезанному другу женщин легкого поведения? — с трудом сформулировала я мучавший меня вопрос.

— Это не Вадим, — сказал Балашов, легко вписываясь на скорости в крутой поворот. — Это Гриша Сидоров.

— Что?! В доме был еще и развратник Сидоров? А говорили — никого нет!

— Гриша — это попугай, — забубнил Балашов. — Я привез его из Монако Эле в подарок. Но он ведь никогда не летал! Он чах, вечно болел, плохо ел и ходил прихрамывая! И потом — я его закрыл!

— Я открыла! — вспомнила я. — Сунула в клетку палец. Хотела узнать, какую фразу выучил попугай, оставшись на попечении охраны, и почему он больше не живет в детской!

— Узнала?

— Почему он Сидоров, он же из Монако?!

— Эта квелая птица ни на что не реагировала, только на рекламу, где кричали: «Сидоров, к доске!» Тогда он оживлялся и даже начинал приплясывать. Так и стал — Сидоров. Но он не умел летать!

Наконец мы вылетели на трассу. Трасса была пуста и совершенно неосвещена. Балашов прибавил газу, стрелка на спидометре качнулась к отметке сто двадцать.

— Кто такой Виль? — спросила я.

— Электрик.

— Надо же! А я подумала, что это любовник Мырки. Мне показалось, что он сделал не только тебя, но и Виктора! Что он не только электрик и любовник, но и тот, кому должны достаться твои деньги и фирма! Что за бумагу он требует? Зачем ты сказал, что она у тебя?

— Она не у меня. Но, кажется, я знаю, что ему нужно. В кабинете Виктор показал мне договор купли-продажи фирмы, подписанный моей рукой. Фирма продана подставному лицу, Виктор побоялся себя светить. И это подставное лицо — Виль. Скорее всего, ему приплатили, чтобы в договоре указать его паспортные данные. Виктор решил — безобидный, глупый электрик, сунул несколько сот долларов и увел на него фирму и деньги. Только лицо не захотело быть подставным. Ему нужен договор!

— Понятно. Значит, Кира вела двойную игру. Виль ей нравился больше. Руками зама увели у тебя все, не постеснявшись назвать фирму его

именем, а потом решили убрать зама, завладев при этом договором, о господи, черт ногу сломит, это не для моих мозгов! И где бумага? В сейфе?

— Тебе лучше знать, — покосился на меня Балашов. — Ты обыскивала Виктора. В кабинете он сунул ее в карман.

Я уставилась на него во все глаза:

— Я не видела никакой бумаги! Карманы были пусты! Виль обыскал его, как только застрелил! В кармане был только паспорт!

— Не было, так не было! Теперь без разницы, — поморщился Балашов, прибавляя газу.

— Как же ты собирался отдавать договор?

— Я блефовал, — гордо заявил Балашов. — Чтобы тебя спасти!

— Кому теперь все достанется?

— По барабану. Думать не хочу об этом. Со мной моя голова и руки.

Мы летели по трассе, мимо проносились разлапистые ели, припорошенные снегом. Только вдоль пустых и темных трасс, ведущих в крутые коттеджные поселки, растут такие разлапистые ели.

— Нас преследуют?

— Я не знаю, смогут ли они открыть гараж, там замок заедает!

— Жаль, ты не убил Виля!

— Жаль, у него не было родителей, — тихо сказал Балашов. — Он бы вырос другим человеком.

— Тьфу! — крикнула я и замолчала.

Скорее бы добраться до поста ГАИ.

Навстречу нам пролетела машина. Я не придала этому никакого значения, на то она и дорога, чтобы по ней ездили машины. А Балашов вдруг вздрогнул, стал прерывисто нажимать на тормоз и гасить скорость.

— Что? — заколотила я кулаками по коленкам. — Ну, что еще, что?!

Балашов, белый как мел, крутил руль, разворачивая машину в обратном направлении.

— Алевтина Ивановна, — прошептал он. — Это ее джип!

Гришу Сидорова из Монако, которому из всей человеческой речи понравилась лишь одна фраза, я еще могла пережить. Но Алевтину Ивановну на джипе! Алевтину Ивановну, из-за которой нужно вернуться в лапы шизанутого Виля!

— Нет! — заорала я. — Стой, Балашов!

— Там Эля, — задыхаясь, сказал Балашов. — В джипе моя теща. Она зачем-то едет к нам! С ней Эля! Она же не могла оставить ее одну!

— Может, это другой джип? — простонала я.

— Нет. Я сам его покупал.

— Звони ей! Пусть возвращается! Ты наверняка купил ей и мобильник!

— Купил. Только свой я выложил в гостиной, когда вытряхивал перед Вилем карманы!

— Стой, Балашов! Им ничего не грозит! Эта ... Ивановна — мать Киры! Она наверняка в курсе дочкиных проделок с мужиками! А Кира — мать Эли! Им ничего не грозит!

— Кира — мать?! — завопил Балашов и забил кулаками по рулю. — Кира — мать?!

Я поняла, что спорить бессмысленно, и изо всех сил вцепилась руками в сиденье.

Ездила балашовская теща не хуже зятя. Мы почти нагнали ее на повороте, Балашов посигналил ей, замигал фарами, но она, газанув, помчалась к воротам злополучного дома.

Ворота почему-то были открыты. Мы видели, как джип подъехал к центральному входу, из него вышли дама в мехах и девочка в шапке с ушками как у кошки. Они позвонили в парадную дверь, но им не открыли. Тогда дама толкнула ее, та открылась, и они быстро исчезли из виду.

Мы затормозили у будки с охранником, Балашов выскочил и, заорав: «Вадим, за мной!», пнул дверь ногой. За нею виднелась кушетка, на ней — лежал и храпел мертвецки пьяный Вадим. Балашов подскочил ко мне.

— Садись за руль! Уезжай. На посту ГАИ позвони в полицию! Давай!

— Нет.

— Быстрее!

— Я с тобой.

— Там ребенок, а он ни перед чем не остановится!

— Ты один не справишься!

Я выскочила из машины. Он схватил меня за плечи и запихнул на водительское сиденье.

У меня оставался последний аргумент.

— Я не умею водить машину, — тихо сказала я.

— Врешь, — еще тише проговорил Балашов, но я видела, что он мне поверил. — Врешь.

Я побежала к дому. Балашов меня обогнал. Все возвращалось на круги своя. Он опять бежал впереди, не заботясь, поспеваю ли я за ним.

Когда закончится эта ночь? Я прожила за нее десять жизней и пять раз умерла.

В холле горел свет, но никого не было. Напольная ваза, которой огрели Деда Мороза, валялась на полу, на вешалке болталась Кирина шуба. Балашов замер на мгновение в дверях. Голоса доносились из его кабинета. Солировал незнакомый контраalto, смешно и странно путая согласные.

— Мыльный потех с потолка! Шотландский плед пегватился в мочалху! Телевизог! Штогы! Хошмаг! Ховгы! Этот алхаш свегху опять заснул в ванной! Двегь всхгывали болхагкой! Я сдегу с нехотги шхугы за гемонт! Он у меня наесться нохтей с пегкотью! Виль, шо ты здесь делаешь? Пгоблемы со светом? Хига, хде Вихтог? Уже свалил? Я поживу у тебя с недельху, поха дома газхгом! Хошмаг, а не Новый ход!

— Кошмар, а не Новый год! — подхватил звонкий детский голосок.

Балашов широкими шагами направился в кабинет.

За столом сидел Виль. На коленях он держал маленькую девочку в розовом платьице и в шапке с ушками как у кошки. Это была та самая девочка, которой я по ошибке отдала приз. Кира с ногами забралась на подоконник, возле которого стоял огромный сейф, и смотрела на происходящее пьяно и весело.

Половину кабинета занимала дама в шубе из голубой норки. Дама была крупная, а ее черные глаза опасно вылезли из орбит то ли от гнева, то ли от безнадежно запущенной щитовидки.

Балашов застыл на пороге.

— Папа! Ура! — закричала девочка. — Ты прилетел из Парижа! — Она хотела броситься к нему, но сильные руки Виля удержали ее на коленях. Дама царственно развернулась к Балашову:

— Ягих, ты не в Пагиже! Ты навгал? Ягих, ты шо, офихел?!

Стало ясно, что пучеглазие — не самый страшный ее недостаток.

— Здорово, толстый! — хохотнул Виль. — Видишь, как все получилось! Ты сам вернулся и правильно сделал! — Он пощекотал Элю, и она, взвизгнув, опять сделала попытку спрыгнуть с его колен. — Тебе повезло, толстый, что я не смог открыть твой гараж, зато мне повезло, что их сосед заснул в ванной!

— Пусти, ко мне папа приехал! — Эля еще не поняла, что с ней не играют.

— Открывай сейф! — приказал Виль Балашову.

— Сначала Эля и Алевтина Ивановна уедут домой!

— Я Изгаилевна, Ягих! Схольхо можно? Шо тут за спехтахль? Хига!

— Мама, забери Элю и уезжай!

— Открывай сейф!

— Сначала Эля и Алевтина ... Ираклиевна уедут домой!

— Изгаилевна, Ягих! Ты не в Пагиже?

— Мама, забери Элю и уезжай!

— Да шо тахое? Хде Вихтог? Хига!

— Сейф!

— Я что — заложница?! — До Эли первой дошел смысл происходящего.

— Шо? Хто это? — Палец с неприлично крупным перстнем указал на меня.

— Виль! Мама!

— Сейф!

Говорила же я, что мы сделаем только хуже, если вернемся!

— Ай, у него ножик! — пискнула Эля. Она была бледненькая, но испуганной не выглядела. Между пальцами у Виля действительно блеснуло тонкое лезвие. Он левой рукой обхватил Элю за шею, а в правой зажал нож так, что острие упиралось девочке под подбородок.

Кира кинулась к Вилю и попыталась отвести его руку с ножом в сторону. Рука дернулась, но не сдалась, и у Эли на подбородке выступила алая капля крови.

— Хагаул! — простонала Алевтина Израилевна и, побелев, стала падать.

Балашов подхватил ее под мышки, пробормотал: « Не волнуйтесь так, Алевтина Исмаиловна!», и бережно уложил в глубокое кресло.

— У бабули давление, — сочла нужным объяснить Эля.

Одним прыжком Балашов оказался у сейфа, одним незаметным движением его открыл. Виль следил за ним неотрывно, рука с ножом слегка подрагивала. Кира обессилено опустилась на пол, к ногам любовника.

Верю, она не хотела так далеко заходить, не учла, что у красавчика нет тормозов. С ним было не скучно, а для нее — это главное.

— Папа, мне вовсе не больно, — пискнула Эля. Балашов смахнул с полки сейфа массу бумаг. Они веером спланировали на стол перед Вилем, часть из них упала к Кириным ногам.

— Она здесь, — задыхаясь, сказал он, — не знаю, где точно, но здесь. Сунул в общую стопку.

— А можно снять эту шапочку, а то я чувствую себя полной дурочкой? — жалобно спросила Эля.

Виль громко заржал.

— Ищи, — приказал он Балашову.

— Виль, отпусти Элю, — пьяно пролепетала Кира, — мы так не договаривались.

— Мам, а вы как договаривались? — Эля сидела, неудобно вывернув голову, чтобы острие ножа не так больно царапало подбородок.

— Помоги мне, — поднял на меня глаза Балашов.

Я подошла к нему, и мы стали перебирать бумаги, делая вид, что внимательно читаем каждую. Руки у нас тряслись в унисон, как у двух психов на уроке трудотерапии. Я поднимала бумаги, которые лежали на полу, просматривала их и складывала в стопочку на подоконнике. Это были какие-то акты сдачи-приемки работ, счета-фактуры и прочая деловая дребедень. Не было только той самой главной бумаги, из-за которой детдомовский пакостник Виль лишил жизни трех человек и готов был проткнуть ножом тоненькую детскую шейку с еле заметной голубой жилкой. Жилка пульсировала сильно и часто, Эля боялась, но старалась этого не показать.

— Можно я сниму эту шапочку, а то... вдруг по «ящичку» покажут, а я — как дура с ушками! Я ради бабули ее надела.

Бумаг становилось все меньше. Балашов точно знает, что нужной здесь нет. И я это знаю. На что он рассчитывает? Струйка крови сбежала по подбородку на тонкую шейку, загустела, остановилась. Кира тихонько завывала — пьяно, немножко картинно, но все равно искренне, потому что губы некрасиво поплыли, с глаз побежала косметика.

— Виль, ты не можешь, мы так не договаривались...

— Я все могу, Кирка! И мы много о чем не договаривались.

— Мам, мне совсем не больно. Можно снять шапочку? А то заложница с ушками...

Скоро закончатся все бумаги. Скоро последний лист, дрогнув в трясущейся руке, отправится в общую стопку. На что он рассчитывает?

— Вот она! — вдруг закричал Балашов и протянул Вилю какой-то лист.

Но в тот момент, когда Виль перевел жадный взгляд на бумагу, Эля сорвала с головы шапку и будто случайно попала острыми ушками ему в глаза. Балашов бросился на него, перехватил руку с ножом и подмял под себя. Эля ловко вывернулась, подбежала к Алевтине Израилевне и стала трясти ее за руку. Кира завизжала. Алевтина Израилевна, чуть приоткрыв глаза, увидела драку и снова лишилась чувств, успев шепотом прокричать «Хагаул!»

Драться Балашов не умел. Его спасал только рост и вес. Он придавил Виля к полу и пытался выкрутить нож. Я крикнула Эле: «Беги!», но девочка не тронулась с места, продолжая трясти даму в голубой норке.

Балашов, наконец, справился с рукой, она разжалась, нож выпал, и я, как заядлый футболист, точным ударом ноги отправила его в противоположный конец кабинета.

— Эля, беги! — снова крикнула я.

— Да куда? Прятаться в туалете? У вас, между прочим, пистолет не заряжен, а папа учил меня никогда не сдаваться! — Девочка вдруг схватила со стола бронзовую фигурку орла, размахнулась и со всех своих детских силенок запустила ее в голову Виля. Орел попал в переносицу, кровь брызнула вялым фонтанчиком, заливая Вилю глаза. Наверное, он отключился, потому что Балашов легко заломил его безвольные руки, перевернул на живот, и сидя сверху, приказал мне: «Веревку!», будто был уверен, что все время таскаю ее с собой. В ту секунду, когда я шарила по кабинету глазами в поисках какого-нибудь шнура, Кира подняла с пола орла и метнула его в Балашова. Орел тяжелым бронзовым клювом попал ему в затылок. Пока я с ужасом наблюдала, как его черные глаза встречаются у переносицы, Кира схватила со стола лист бумаги, который Балашов выдал за «тот», и со стремительностью скорого поезда вылетела из кабинета. Зря я ее недооценивала.

— Мам, — жалобно пискнула Эля и бросилась вслед за ней.

Я проморгала тот момент, когда Виль очнулся и подмял под себя вырубившегося Балашова. Увидела только, что он уже сидел сверху, занеся для удара руку с тяжелым орлом. Этот удар должен был стать для Балашова последним. Я не растерялась и тут же стукнула по длиннохвостому черепу, вложив в удар все отчаяние беспомощной и очень уставшей женщины.

И Балашов, и Виль получили по голове одновременно. Результатом стали два распростертых тела у моих ног.

Я забыла, где надо искать пульс, расслабила у Балашова галстук, расстегнула на груди рубашку, потом расстегнула ремень на поясе, потом вспомнила — шея! — и нащупала там сильные, ровные толчки. Слава богу, жив! Алевтина Израилевна открыла глаза, мутно на меня посмотрела, и, спросив: «Хто вы и шо вы твогите?», снова лишилась чувств.

— Балашов, миленький, вставай! Ты же учил — никогда не сдавайся!

Балашов промычал что-то, по-моему, на французском, он все-таки «улетел» в Париж.

— Ярик! — заплакала я.

— Я не Ярик! — вдруг отчетливо произнес он. — Я Я-Я-Ярослав!

— Балашов, давай, помоги мне упаковать это тело, с твоей головой мы потом разберемся!

— Потом, — кивнул Балашов и, пристав на локтях, сел на полу. — Как я его! — восхитился он, глядя на бездыханного Виля.

— Это не ты! — напомнила я. — Это я! Давай веревку!

Балашов, схватившись за голову, жалобно проговорил:

— Посмотри, пожалуйста, в столе капроновый шнур, я перевязывал им книги, которые сюда привозил. Голова кружится и тошнит, — пожаловался он и добавил, тревожно оглядывая кабинет: — Где Эля?!

— Убежала за Кирой. Кира утащила бумагу.

Он снова схватился за голову, закрыл глаза и прошептал:

— Это фикция. Это не та бумага, которая им нужна.

В сейфе я действительно нашла капроновый шнур, и Балашов, полусидя, стал стягивать Вилью руки. Стягивал он их неуверенно и неумело, я пару раз вмешалась в процесс, припомнив

все навыки упаковки вещей при переезде и хитрости в завязывании узлов.

— Готово, — вздохнул Балашов и снова схватился за голову.

Виль открыл глаза и уставился на нас жесткими, стальными глазами.

— Твоя взяла, толстый, — с усмешкой сказал он. — Надо же, твоя взяла! И что ты будешь дальше делать? — На затылке у него набухла большая лиловая шишка.

— Без органов тут никак, — попытался усмехнуться Балашов, но получилось неубедительно.

— Ну, валяй, — хмыкнул длиннохвостый. — Звони в ментовку! И почему ты до сих пор этого не сделал?

— Звони, — повернулся ко мне Балашов и кивнул на стол, где стоял огромный телефонный аппарат, стилизованный под старину. Единственная стильная вещица в этом доме, подумала я, вставляя трясущиеся пальцы в тесные дырочки с цифрами «0» и «2». Понеслись гудки, но трубку на том конце никто и не думал снимать.

— Что, не отвечают? — заржал Виль. — Новый год — лучший праздник! Можно без помех проверить самую дьявольскую работу! — Он вдруг легко вскочил на ноги, пронесся мимо нас и выскочил в открытую дверь кабинета.

— Мы забыли связать ему ноги! — заорала я в трубку, в которой, наконец, раздалось сонно-пьяное: «Дежурная слушает!»

Балашов вскочил с пола, будто его подкинуло на батуте, сделал два широких решительных скачка в сторону двери, но с него вдруг упали брюки, он запутался в них, с горестным изумлением рассматривая себя ниже пояса, и упал, произнеся бранное слово, единственно возможное для мужчины, внезапно оставшегося без штанов.

— Я забыла застегнуть тебе брюки! — в ужасе крикнула я в трубку. Там пьяно хихикнули и нажали отбой.

— Хагаул! — приоткрыла глаза балашовская теща.

— Не волнуйтесь так, Ангелина Израилевна, — успел успокоить ее Балашов и, ловко перепрыгнув через брюки, понесся по коридору, мелькая объемными трусами в синий горошек.

Я побежала за ним.

Добежав до лестницы, он в растерянности остановился.

— Папа, там, — прозвенел откуда-то Элин голосок. Она спряталась под лестницей, где был вход в подвал, и показала маленькой ручкой в направлении зимнего сада. Балашов побежал к огромной стеклянной двери. За ней мощные лампы дневного света освещали просторное помещение со стеклянными стенами и потолком. Несколько чахлах пальм и нечто вроде

хилых лиан — все, что давало стеклянному коробу право называться садом. Посредине коробка виднелся бетонный котлован, очень большой и глубокий. Наверное, это был недостроенный бассейн для Эли.

На краю котлована, на бетонном бордюре стояла Кира с бумагой в руке и, опасно раскачиваясь, улыбалась улыбкой Офелии из второго акта. К ней, со связанными за спиной руками несли Виль. Он с трудом затормозил и, подперев ее плечом, крикнул нагоняющему его Балашову:

— Ни с места, толстый! Или я столкну ее вниз.

Балашов остановился как вкопанный, я налетела на его широкую спину. Кира с таким удивлением уставилась на синий горошек, будто никогда не видела мужа без брюк.

— Виль, это не та бумага, — отрешенно сказала она и плавным жестом сбросила лист в котлован. Красиво планируя, он полетел в бетонную пропасть. — Это страница из какого-то бухгалтерского отчета.

— Бумагу, толстый! Дуй за ней, я подожду! А где портки потерял?! — весело крикнул Виль. — Кирка, развяжи мне руки, только ни шагу назад!

Все завертелось по новому кругу, и от отчаяния я чуть не завывала в голос.

Безмозглая Кира послушно справлялась с капроновыми узлами. Едва только Виль смог шевелить руками, он крепко обнял ее за плечи и повторил:

— Бумагу, толстый!

— Может, и правда, поискать этот чертов договор, ведь он где-то в доме! — прошептал Балашов.

— Может, и поискать, — устало ответила я, понимая, что второй сумасшедшей в этом спектакле буду я. Жаль, не все обладают счастливой способностью Алевтины И...зраилевны отключаться в сложный момент. — Эй, шизофреник, жди нас на месте, мы скоро придем! — и потянула Балашова за руку.

Он медленно двинулся за мной. Я видела, он на полном серьезе собирается искать этот чертов договор, вместо того чтобы хватать Элю и бежать из дома.

— Балашов, это Кира все затеяла! Если бы не она, ничего бы этого не было, электрик бы остался электриком, Виктор — хорошим замом.

— Эй, толстый, не вздумай исчезнуть, а то девочка будет отскребать свою мамочку от бетона! — Голос звучал в большом помещении гулко, Виль загоготал, и смех получился чудовищный. Я оглянулась. Кира обмякла в его руках, как тряпичная кукла.

Стеклопанельная дверь вдруг открылась. Навстречу нам бежала Эля, размахивая какой-то бумагой.

— Эй, Виль, отпусти маму, вот бумага, я нашла ее в коридоре!

Балашов кинулся наперерез Эле, схватил ее на руки и, прижав к себе, отобрал бумагу. Это был плотный, абсолютно чистый лист, сложенный вдвое.

— Отпусти маму, электрик! — крикнула она и застучала кулачками по плечам Балашова.

— Давай договор мне! — Виль, согнув Киру пополам, свесил ее над бассейном.

— А ты кто? — спросила меня девочка.

— Снегурочка, — ляпнула я.

— А-а, — понимающе кивнула Эля. — В мамкиных шмотках?

— Что же делать?! — спросила я сама у себя, и мне снова захотелось заплакать.

— Эх, Сеня! — Громко хлопая крыльями, в дверь влетел грязный большой попугай. Летел он тяжело, неумело и почему-то вертикально — брюхом вперед.

— Заткнись, глупая птица! — яростно проорал Балашов, стараясь воплем заглушить конец знаменитой Гришиной фразы. Он крепко прижал голову Эли к своей груди, запечатав ей уши ладонями. Попугай, не справившись с приземлением, грузно рухнул под чахлую пальму клювом вниз и, прихрамывая, пошел по полу, глядя под ноги, словно курица в поисках зернышка.

— Бумагу, толстый!

— Ой, да знаю я, что он кричит! — Эля высвободила голову из больших отцовских ладоней, закрывавших ей уши. — Конечно, слово нехорошее, и смысл неважный, но не настолько, чтобы разлучать меня с Гришей! Мама, держись, вот ваша бумага!

Балашов вдруг замер, уставив взгляд в пространство. Я физически ощутила, как он что-то соображает, как туго, словно заржавевшие детали, ворочаются его мозги. Наконец он гаркнул своим прежним сокрушительным басом:

— Эй, Виль, а какую бумагу ты ищешь? Если это договор купли-продажи моей фирмы, то он тебе ни к чему! Договор оформлен на твое имя, значит, он зарегистрирован в налоговой! Все и так на тебе! В том числе и налоги!

— И налоги тоже! — поддакнула язва Эля.

У Виля в глазах промелькнуло недоумение.

— Это правда, Кирка?! — он ослабил хватку, и Кира смогла встать прямо.

— Не знаю, — пролепетала она, — может, и правда.

— Нет, толстый, ты меня не обманешь! Что ты держишь в руке? Разверни, покажи, положи у моих ног и проваливай! Если это не та бумага, твоей малышке будет что вспомнить про мамочку! — Он снова склонил Киру над бетонной пропастью.

— Виль, ты не можешь! — задыхаясь, закричала Кира. — Мы же вместе все придумывали! Мы так хорошо все придумали! Мы уедем на Кубу, купим остров в океане, ты будешь королем, а я королевой!

— Папа, что она говорит? Она — король, он — королева, а я? Какой океан?

— Виль, ты не можешь! Наверное, правда, бумага не так уж нужна! Пусти!!

— Чтобы стать королем, я все могу, Кирка! Пока вы все сладко жрали и мягко спали, я давился гнилой перловкой, пил компот из червивых яблок и спал на голой продавленной сетке, потому что все матрасы растащили по домам воспитатели! Бумагу, толстый! Я все могу, Кирка! Проживу без королевы! Я закажу тебе такую службу за упокой, что все покойники перевернутся от зависти!

— Эх, Сеня! — весело крикнул попугай, бодро приподняв облезлый хохол.

— Ягих, ты не в Пагиже?! — Двери тучей из голубой норки заслонила Алевтина Израилевна. Каким-то чудом она добралась к месту действия в момент кульминации.

Правда, кульминацию изрядно заклинило.

— Бумагу!

- Виль, ты не можешь!
- Мама, держись!
- Ягих, ты не в Пагиже?!
- Эх, Сеня!..
- Бумагу!

Балашов, опустив Элю на пол, двинулся к Вилю.

Сейчас все закончится. Как — неизвестно. Детдомовский мальчик ни перед чем не остановится. Главный герой — в трусах. Хоть бы они были в синюю клеточку, а не в горошек!

Я прижала Элю лицом к себе, но она вывернулась, не желая быть испуганным слабым ребенком.

Балашову до Виля оставалось два шага.

— Разверни бумагу! — приказал ему Виль.

— Отпусти Киру, тогда разверну!

Виль немного ослабил хватку, Кира чуть разогнулась, чтобы не так нависать над бассейном.

— Тебе ни к чему бумага! — крикнул Балашов, протягивая сложенный вдвое лист. — Нужно было лучше и больше учиться, чтобы понимать это!

— Мне не нужно было учиться! Чтобы иметь много денег, достаточно уметь отбирать их у таких толстых, как ты! Разверни бумагу и положи у моих ног!

Не выдержав, Виль протянул руку к листу. Балашов сделал еле заметный шаг назад, и он, поддавшись на обманный маневр, отклонился от края бассейна. Кира, обретя устойчивость, тут же вцепилась зубами в державшую ее руку. Виль вскрикнул. Я вскрикнула. Эля ухватилась за меня обеими руками.

— Хде Вихтог? — пробормотала теща в голубой норке.

Балашов сцепился с Вилем. Дрался он хуже, чем стрелял. Если бы не его вес, Виль спихнул бы его на бетонное дно в первую же секунду. Виль дрался привычно, зло, ставя на карту жизнь или смерть. Балашов же, по-моему, думал не о том, как уцелеть, а о том, что недолюбленные дети вырастают в негодяев, и в этом не их вина. Если вдруг он победит в схватке, то обязательно усыновит Виля.

Минута, вторая... Балашов пытался оттащить Виля от пропасти, но получалось у него плохо, каждую секунду они могли упасть туда вместе. Кира отползла под пальму, где прихрамывая, мирно пасся попугай, привалилась к кадке, и зачем-то терла ладонями лицо, стирая с него остатки косметики и кровь своего короля.

Алевтина Израилевна подозрительно долго не теряла сознание и не задавала вопросов.

Элю я схватила за руки и прижала к себе, чтобы она не вздумала сунуться в драку.

Виль сбил Балашова с ног, и они покатались, нависая головами над бассейном. В такой диспозиции Балашов потерял преимущества роста и веса, поэтому Виль быстро оседлал его, сомкнув руки на шее противника. Балашов ногой ударил его в пах, и он инстинктивно схватился за ушибленное место. Я сильнее прижала Элю к себе и закрыла ей лицо руками.

— Пусти! — Она укусила меня за палец и вырвалась из рук. — Эй, электрик, а ты знаешь, что дома стены помогают?! — Хватая на бегу какие-то камни из кадок, Эля стала бросать их в стеклянные стены. Некоторые стекла просто трескались, другие стеклянным дождем со страшным грохотом сыпались на пол.

Кира завизжала, попугай тяжело взлетел и заметался по саду.

— А не позвать ли нам...?

И тут грохнул выстрел.

Выстрел грохнул и потонул в звуке бьющегося стекла. У Виля на лбу появилась темная родинка, как у индийской красотки. Он постоял секунду, удивленно посмотрел вокруг и стал падать вниз. Через пару секунд где-то на дне бетонной ямы раздался гадкий звук — будто взорвалась водяная бомбочка. Я повернулась к дверям и поняла, что стреляла Алевтина Израилевна — она по-прежнему заслоняла дверной проем голубой норкой невиданного размера. Но норка вдруг зашевелилась, и из ее складок вынырнул щупленький... Дед Мороз!

— Говорил же я, господа, давайте запремся в гостиной и подождем до утра. Я так не хотел применять оружие! Все живы, господа?! Кажется, вас стало больше!

— Дед Могоз! — прошептала теща. — Стганный! — и грустно посмотрела на пистолет в его руке.

— Стой, Эля! — крикнул Балашов, но Эля уже склонилась над бассейном. — Не смотри!!

— Готов! — выпрямившись, сообщила Эля.

На свинцовых ногах я поплелась к ним. Где-то тихонько подвывала Кира. Я подошла к краю бассейна, и Балашов взял меня за руку, а другой рукой схватил Элину ладошку. Зачем-то поцеловал меня в затылок и сказал: «Все кончилось. Все кончилось».

Все кончилось. Я заглянула в бассейн. Ноги из свинцовых превратились в ватные, перед глазами понеслась карусель — пальмы, светящее небо за стеклом, Эля, Мороз, теща в норке, дно бассейна, залитое кровью... Я поняла, что повторяю излюбленный маневр Алевтины Израилевны — падаю в обморок. Все-таки, я очень боюсь покойников.

— Папа, — услышала я, прежде чем отрубиться, — зачем ты ее целуешь?! Разве ее не к Сене позвали?

— Ты кто?!

Я очнулась на диване в гостиной. Никто не махал у меня перед носом нашатырем, не хлопал по щекам, стараясь привести в чувство. Меня просто бросили на диван и забыли. Я приоткрыла глаза. За новогодним столом сидели Балашов и Дед Мороз. Балашов разливал в рюмки водку, он был в брюках, и это обстоятельство меня порадовало, приуменьшив чувство легкой вины.

— Ты кто?! — басил Балашов.

— Я? Частный детектив Сева Фокин. — Мороз протянул Балашову удостоверение.

— Сыскное агентство «Мегрэ», — прочитал Балашов. — Чушь.

— Почему чушь? Меня Тамара наняла, жена Виктора. Я должен был прийти в этот дом и заснять на микрокамеру все, что в нем происходит. Предполагалось, что это свидание Киры и Виктора, а тут такое...

Они, не чокаясь, синхронно опрокинули водку в рот.

— Стреляешь ты хорошо, — похвалил Балашов.

— Отписывайся теперь, — плаксиво проныл Дед Мороз. — Хорошо, что на камере все заснято! — Он ткнул пальцем в большую красную пуговицу на бушлате. — Тут, в гостиной, и там, часть драки.

— Я дам оправдательные показания! — горячо заверил его Балашов, наливая вторую порцию водки.

— Да ладно! — махнул рукой Мороз.

Мне стало до слез обидно, что он вот так снимает свой стресс, забыв про меня, будто это не он целовал меня в затылок и не он шептал: «Все кончилось, все кончилось».

Все кончилось?.. В окно действительно лез зимний рассвет. А внизу вдруг раздался вой сирен.

— О, пацаны прикатили! — оживился Мороз. — Еле дозвонился до них! У меня в ментовке друганы работают, поэтому так быстро и приехали! — Он вскочил с места и бросился к двери. Балашов пошел за ним. Я сползла с дивана, доковыляла до стола и допила балашовскую водку. Водка пахла водкой, но не обжигала, не грела и не пьянила. После всех этих событий градусов в ней — ноль. Затем по инерции потащилась за Балашовым.

Внизу было много людей. В форме и без. Они бегали, ходили, топали, кричали, таскали жуткие пластиковые мешки. Дед Мороз активно и по-свойски с ними общался, что-то рассказывал, показывал и даже командовал.

Меня наскоро допросил небритый мужик в мятом костюме и несвежей рубашке. Похмыкал и пообещал проверить, «какой такой подарочек организовали кондитерская фабрика и агентство «Каре».

Где-то звенел Элин голосок. Дети переживают стрессы легче, чем думают взрослые. Для нее все это стало страшной сказкой с хорошим концом. Относительно хорошим, потому что Киру под белые руки увели в ментовский «газик», а Алевтину Израилевну, обколов лекарствами, погрузили в машину «Скорой помощи». Даже на носилках она твердила: «Хде Вихтог?» и «Ягих, ты не в Пагиже?» Кира каким-то расчудесным образом успела нанести на лицо свежий макияж, переодеться и победно улыбалась невесть откуда взявшимся телекамерам, словно говоря: «Проживу без короля».

Бумагу так и не нашли, а вернее, о ней просто забыли. В процессе разбирательства всплывало, конечно, что убийца искал некий договор, но поисками его в доме так никто и не занялся.

На короткое время, после того как оттуда увели Киру, мы остались с Балашовым в кабинете одни. На больших напольных часах стрелки по-

казывали одиннадцать утра. Ночь была бесконечно длинная, а утренние часы пролетели, как мгновение.

Я тронула его за плечо. Никто не заметил его рану, никто не подумал ее перебинтовать. Алевтина Израилевна перетянула на себя внимание всех прибывших в дом медиков.

— Надо обработать, — сказала я.

— Пустяки, — отмахнулся он. — Пиджак жалко. Я привез его из Парижа.

— Не говори мне про Пагиж! — засмеялась я. — Ягих, ты не в Пагиже?

— Да, Алевтина Иерусалимовна та еще штучка! Не думал, что она будет покрывать свою дочку! «Хде Вихтог? Хде Вихтог?» И Элю ведь притащила!

— Израилевна, Балашов, Израилевна!

— Ну да. Хотя какая теперь разница?

— Надо вернуть попугая в клетку, — сказала я.

— Бедный Сидоров, натерпелся!

— Зато научился летать!

Мы замолчали.

— Я отвезу тебя домой, — предложил Балашов, теребя пуговицу пиджака. Он так неуверенно это предложил и так нервно теребил пуговицу, что у меня не было никакой уверенности, что он действительно хочет сделать это.

— Вызови мне такси!

— Я отвезу тебя домой! — гаркнул Балашов, словно поняв, что образ нервного школьника ему не к лицу.

— Я в смысле — ты же выпил! — испугалась я нового Балашова.

— Я могу вести машину даже под наркозом! — гордо заявил он, и мы опять замолчали.

— А что теперь с домом и... всем остальным?

— Плевать! Потом разберемся.

Я поняла это как «не твоё дело», хотя, наверное, он просто хотел сказать «я очень устал».

В доме оказалось полно журналистов, в том числе и телевизионщиков.

Эля что-то бойко рассказывала перед камерой в большой микрофон, который держала юная корреспондентка. Корреспондентка сочувственно кивала с такт Элиным словам.

— Надо же, я так берег Элю от всего, что связано с насилием и безнравственностью, а она так легко, так уверенно чувствовала себя в этом аду, ни на минуту не растерялась! — то ли удивился, то ли восхитился Балашов.

— Она тебе еще поддаст! — хмыкнула я.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что наши дети — другие, а мы никак не можем этого понять.

Вдруг раздался шум хлопающих крыльев, и густой контральто прокричал:

— Ягих, ты не в Пагиже?!

— Папа! Теперь он может жить в детской! — обрадовалась Эля, увидев попугая.

К нам ринулась парочка репортеров с аппаратурой.

Балашов схватил Элю на руки и быстро пошел к выходу, свободной рукой подталкивая меня.

— Кто эта женщина?

— Это ваша любовница?

— Прислуга?

— Она подруга убийцы?

— Когда вы поженитесь?

Балашов вдруг резко остановился и сказал в микрофон:

— Я тут подумал, если Сидоров с Алевтиной Измаиловной поменяется репертуаром, то для нее в его фразе не будет ни одной трудной буквы!

— Объясните ваше заявление! — крикнул щуплый мальчик с микрофоном.

— Без комментариев! — рявкнул Балашов, и мы вышли из дома.

Он открыл гараж и выгнал оттуда джип — здоровый, наглый, с выражением превосходства на широкой серебристой морде. Эля привычно прыгнула на переднее сиденье, но Балашов сказал:

— Назад, доченька. Здесь тетя поедет.

Она фыркнула, но пересела.

Я забралась в машину с ощущением, что сажусь в автобус.

— Никогда не ездила на таких машинах!

— Тогда лучше не начинать, — голоском маленькой примерной девочки сказала Эля с заднего сиденья.

— Эля! — строго одернул ее Балашов.

Все кончилось. Все кончилось. Совсем все?! Теперь я тетя, а не девочка-Снегурочка, подарок от каких-то там господ. Кира попросит прощения, Балашов наймет ей лучших адвокатов и станет таскать в СИЗО шикарные передачи. Эля скажет: «Мама, держись!» А я вернусь домой, вернусь в агентство «Каре» и выучу новую роль.

От ворот отчаливали машины — «Скорая», труповозка, полицейские «Волги» и газики, «Жигули» местных телеканалов. Осоловевший Вадим стоял у ворот и ничего не понимал в происходящем.

Балашов вылетел за ворота, в секунды набрав сто двадцать, и вскоре домчал меня до самого дома. Остановив шикарный джип, вышел вслед за мной из машины, чтобы проводить до подъезда.

Первого января в этот час все нормальные люди спят, но я заметила, как колыхнулись занавески на первых-вторых этажах не только моего, но и соседнего дома.

— Куда сейчас? — спросила я и тут же испугалась, что услышу в ответ «разберусь», в смысле «не твое дело».

— К А... теще, в затопленную квартиру. Перекантуюсь пока у нее, в доме половина комнат опечатана.

Я кивнула. Нужно сказать: «До свидания, Ярослав Андреевич!», открыть дверь подъезда и быстро исчезнуть.

— Ты сильная девочка, — сказал Балашов, будто я всю ночь помогала ему рубить и таскать дрова.

— Да уж, не цветочек!

— Не цветочек.

Я поднялась на цыпочки и поцеловала его в галстук — куда дотянулась. Он покраснел как школьник на первом свидании и, взяв меня за руку, смущенно и растерянно произнес:

— Меня никто никогда не целовал в галстук.

Вечером меня разбудил колокольчик. Я обнаружила, что лежу на своей кровати, в дорогом брючном костюме, с невиданной красоты перстнями на пальцах и с умопомрачительным браслетом на запястье. Колокольчик продолжал трезвонить, я посмотрела на часы — восемь часов. Флюра ушла, Ива хочет есть. Минуту я боролась с провалом в памяти, вспоминая, откуда у меня такие дорогие вещи, а, вспомнив, мгновенно соскочила с кровати.

Балашов не позвонил.

Я усердно повторяла ему на прощанье все свои телефоны — домашний, рабочий, снова домашний и еще один рабочий. Когда повторила их в шестой или седьмой раз, он самодовольно фыркнул и сказал, что у него отличная память.

— Особенно на отчества, — съязвила я.

Он не понял юмора и серьезно кивнул. По-моему, он уже думал о чем-то другом. О новом производстве.

И вот уже восемь вечера, а он не позвонил. Или я проспала? Я выскочила в коридор:

— Мне никто не звонил?!

В ответ раздался только звон колокольчика, ставший уже истерическим. Наверное, Васька спит, Флюра ушла, а Ива очень хочет есть.

Я открыла дверь ее комнаты.

— Мне никто не звонил?

— Да кто же будет тебе звонить утром первого января? — раздраженно спросила Ива, рассматривая пальцы своей левой ноги. Ногти на них были накрашены бордовым лаком.

— Ты хочешь есть?

— Я? С чего ты взяла? Я худею.

— Слава богу.

— Что — слава богу?!

— Что мне никто не звонил.

Ива с подозрением посмотрела на меня. Заметив мой костюм, она округлила глаза:

— Лорка, он тебе большой! Отдай мне.

— Какая тебе разница, в чем лежать под одеялом?

— Я позвонила тебе, Лорка, чтобы сообщить, что у меня начал шевелиться большой палец правой ноги, — насупившись, официальным тоном заявила она.

— Здорово. Почему ты тогда накрасила левую? Как у Ильфа и Петрова — «больной вымыл ногу, придя к врачу, он обнаружил, что вымыл не ту ногу»?

— Лорка! — заорала Ива. — Ты теперь всегда будешь таким хамлом? Я вызвала педикюршу на дом! Вот! — она высунула из-под одеяла вторую ногу. Ногти на ней тоже были бордовые. — Завела себе этого борова крутого, значит, все можно? Подожди, я скоро начну ходить! И,

между прочим, я переписываюсь с канадским фермером, а он тоже не бедный!

У меня отвисла челюсть, и я спросила совсем не то, о чем хотела:

— И где ты его взяла, лежа в постели?

— В Службе знакомств, разумеется!

— А где ты берешь деньги? На педикюршу, на Службу знакомств?

— Теперь все работают в кредит! — фыркнула Ива. — Мы ведь уже не стеснены в средствах?! — Она кивнула на мои руки, имея в виду Кирины бриллианты.

— Что тебе принести на ужин?

— Я худею.

Я кивнула, вышла из комнаты, но тут же вернулась:

— Откуда ты знаешь, что я была у Балашова?

— Господи, да об этом весь город знает! С самого утра местные телеканалы показывают экстренные выпуски новостей! Трезвонят о страшных убийствах в его доме! Мне позвонила Ирина Тимофеевна, Людка со второго этажа, Мария Петровна из соседнего дома и даже Зинка-дворничиха. Все говорят, что видели по телевизору, как ты в обнимку с Балашовым ходишь хозяйкой по его дому! Ты его звонка ждешь? Мы разве не переедем к нему? Его женушку надолго засадят?! У него девочка? Сколько лет? Она уживется с Васькой?

Я вышла и плотно закрыла за собой дверь. Но Ива все не унималась:

— Лорка, не забудь, нам нужен новый телевизор! А то я все новости теперь узнаю по телефону!

Он не позвонил ни второго, ни третьего. Были выходные, я безвылазно просидела дома, практически не вылезая из кровати и прилично доплатив Флюре Фегматовне, чтобы она плотнее пообщалась с Ивой в эти дни.

Четвертого Васька крикнул:

— Ма, тебя к телефону!

Я понеслась, чуть не разбив по дороге торшер, который покачал укоризненно своим стеклянным абажуром, но устоял.

— Слушаю! — заорала я в трубку.

— Ну, Лорка, ты даешь! — услышала я голос своей подружки Нэльки. — Я видела тебя по ящику! Ты была там?! Ужас! Приезжай! Расскажи!!!

— Не могу, заболела.

— Хочешь, займу тебе «штуку» баксов на собаку? У меня, конечно, шило с деньгами, но ради тебя...

— Готовь баксы. Приеду.

У истории должен быть счастливый финал. Мечты должны сбываться. Хотя бы Васькины.

Пятого надо было выходить на работу. Я безбожно проспала, разбудил меня звонок в дверь. Мне под расписку вручили повестку, в которой говорилось, что завтра я должна явиться на допрос к следователю в качестве свидетеля по делу тройного убийства в доме Балашова Я.А.

На кухне маялся небритый Вадик. Он рассматривал полку, на которой стояли банки со специями.

— Разве ты не работаешь? — поинтересовалась я, разглядывая его осунувшуюся физиономию. — Ты же устроился! Сторожем! На склад!

— Понимаешь, Лорик, — замямлил он, распространяя отвратный перегар, — это пафосная работа!

— Сторож?!

— Ну да. Там нужно знание складского учета.

— Сторожу?

— Эх, Лорик! Сейчас даже уборщице нужна высшая математика! Пафосные люди! Пафосный склад! Мизерные деньги!

— Да, времена бандитов и лоботрясов проходят.

— Что, Лорик?

В агентстве на меня все как-то странно смотрели. Даже Ирина. Даже рыбы в аквариуме.

— Привет, Киселева! — весело поздоровалась со мной Деля. Она была свежа, бодрa, подтянута и смотрела на мир поверх новой серебристой оправы.

Я нырнула в свой кабинет. Пальмы уже не было, как и зеркала, зато появились два новых рабочих стола. Прибежал Толик, швырнул мне на стол пачку бумаг, деловито сказал:

— Посмотри, Киселева, это сценарий презентации кампании, торгующей оргтехникой.

Я взяла бумаги и поинтересовалась:

— Мне нужно изображать на сцене копир?

— Что ты, — скользнул взглядом по Кириным бриллиантам Толик, — всего лишь разнести шампанское гостям в костюме официантки.

Я усмехнулась. Моим привилегиям в агентстве пришел конец. Интересно, почему? Что разрезвонили местные новости? Что Балашов нищий? Что он уехал из страны? Или что быстро и счастливо женился?

Я уронила голову на сценарий и заплакала. И тут в кабинет ввалились Сорокина и Жанна. У них был вид женщин, получивших от праздников все, чего они хотели, — немного помятый, но очень довольный.

— Привет, — проблеяла Жанна. — Мы снова вместе?

Сорокина ничего не сказала. Усевшись за стол, она уставилась на мои кольца. Я подтянула ноги в драных сапогах поглубже под стул и пробормотала, протирая заплаканные глаза: — Черт, аллергия замучила на ... олигархов.

Девицы выпучили на меня глаза, став похожими словно двойняшки.

Я взяла телефонную трубку и набрала номер Зои Артуровны.

— Зоя Артуровна, это Лора. Я беру того щенка, все-таки беру! Штука баксов — не деньги за такую собаку! Скажите, куда мне подъехать вечером?

— Лорочка, — расстроено протянула Зоя, и я поняла, что ничего хорошего она мне не скажет. — Лорочка, очень жаль, но вы опоздали! Вчера вечером продали последнего щеночка!

— Может, девочки еще остались? — прошептала я. — Девочки всегда остаются.

— Нет, — убитым голосом сказала Зоя. — Последнюю девочку вчера и забрали. Лорочка, а хотите тойчика, он очень мало кушает, мастиф — собака для очень состоятельных...

Я бросила трубку, на мокрый сценарий хлынули новые слезы. Жанна с Сорокиной синхронно опустили глаза, сделав вид, что читают свои экземпляры сценария.

Днем в коридоре мне повстречался плавный Андрон.

— Киселева, — с кислой миной сказал он, — верните костюм в примерную. И босоножки.

Я с ужасом вспомнила, что жуткие перья с бубенчиками я оставила в Кириной спальне.

— Андрон Александрович, вы же в общих чертах знаете, что произошло. Не думаете же вы, что я всю ночь пробегала в бубенцах?! Костюм остался в спальне у Балашова. Спальня опечатана...

Вскользь глянув на мои кольца, Андрон кивнул и, не дослушав, пошел в свой кабинет. По-моему, он точно не знает, как ему себя со мной вести. Пальму распорядился вынести, девчонок подселил, на совещание начальников отделов вряд ли теперь позовет, и внеурочный конвертик с деньгами мне больше не подсунут в бухгалтерии. Но откровенно хамить он мне не рискует, хотя, чувствуется, очень хочет.

Я не в фаворе. Интересно, что наболтали в местных новостях?

Когда я зашла в буфет перекусить, все замолчали. Даже кассирша, забыв, что выбивает чек, замерла, приоткрыв плохо покрашенный рот. Мне начинало это надоедать. Решив поставить всех в неудобное положение, я раскланялась, словно вышла на сцену. Все отвернулись, спрятали глаза, кассирша вспомнила про чек, а я, как говорит Эля, «почувствовала себя полной дурочкой».

Заполнив поднос, я увидела Делю за самым дальним столиком. Из всех окружавших меня в агентстве людей, Деля казалась мне самой вменяемой и самой... порядочной, если, конечно, еще существует такой критерий оценки людей. Я направилась к ней.

— Знаете, Лора, — вздохнула она, увидев меня, — главное, не раскисайте! Женская доля такая: сегодня — Золушка, завтра — принцесса, утром — королева, вечером — прислуга. Главное — не раскисать. Не обращайтесь ни на кого внимания. Андрон расписуховался — это неудивительно. Такой заказ, на который он рассчитывал, на дороге не валяется, за такого заказчика конкуренты горло перегрызут. Он уже довольно потирал ручки, а тут выясняется, что платить за все — некому! Три дня подряд все местные телеканалы только и твердят — Балашов переписал все, что имел, на любовника своей жены! Тот порешил кучу народа в его доме, отыскивая договор, по которому вступал в права, и в результате был застрелен смелым парнем, изображавшем Деда Мороза! Ну, вы сами все знаете...

— А что там с Балашовым... они не сказали? — промямлила я.

— С Балашовым? — Деля сняла очки и посмотрела на меня умными глазами много повидавшей женщины. — С Балашовым? «7-й канал» сказал, что он жив, здоров, полон сил и планов. Собирается строить новую жизнь и новый бизнес. У него

хорошая репутация, никаких претензий по налогам, ему с удовольствием дадут кредиты банки и партнеры...

— А-а-а, — протянула я, почувствовав, что внутри пусто, вокруг пусто и в целом мире пусто.

— Слушайте, Лора, — потерла руками виски Деля, — Ирина все же хочет уволиться. Давайте, по совместительству ее место занимайте. Утром с пылесосом пройтись, рыбок покормить, по пальмочкам тряпкой помахать. А деньги хорошие. Наверное, вам и не лишние.

— Я подумаю, — сказала за меня серая мышь непонятно какого возраста, в стоптанных, изъеденных солью сапогах, но почему-то в очень дорогих украшениях. — Я подумаю.

В фитнес-клуб я опоздала на пятнадцать минут.

Люба мрачно посмотрела на меня со своего велотренажера, и я решила, что, если услышу сейчас «Киселева, опять опоздала!», то молча развернусь и больше сюда никогда не приду. Даже за еще не выплаченными деньгами.

Но Люба ничего не сказала. Она напряженно пошарила по мне цепкими глазами, тормознула на камнях, ловящих яркий свет зала, и ускорила, налегая на педали. По-моему, она не знает, как ей себя со мной вести. А может, промолчала лишь потому, что на тренировку в этот день пришла только Зоя Артуровна.

— Лорочка, — простонала Зоя, стоя на электронных весах, — я прибавила килограмм! Это катастрофа!

— Ничего удивительного, — на одной ноте пробубнила я. — Праздники, застолье. Возраст.

— Возраст?! — со слезами в голосе воскликнула Зоя.

— А что вы хотите? Женщине в пятьдесят неприлично быть хрупкой как девочка.

— Мне сорок, — побледнев, прошептала она.

— Значит, у вас еще все впереди, — сказала за меня поселившаяся внутри злая серая мышь.

— Что... все...?! — еле слышно прошелестела Зоя Артуровна.

Сорок пять минут она у меня протягала штангу. С нее сошло сто потов, но весы показали столько, что домой она полетела, как на крыльях.

Дома не царил разгром и не воняло гарью. Полы были чисто вымыты, обувь аккуратно расставлена, а на тумбочке, где стоял телефон, вместо привычного бардака я увидела идеальный порядок.

— Что случилось? — спросила я у Васьки, который высунулся из своей комнаты.

— Ничего, — жалобно проговорил он, и я поняла, что он ждал меня вместе с самой лучшей в мире собакой.

— Я стал сам дополнительно заниматься английским! — он помахал у меня перед носом ярким учебником.

— Молодец, — без всякого энтузиазма сказала я. — Это нужно в первую очередь тебе самому, — вылезла вновь на свет серая мышь. — Не нужно ждать от жизни подарков!

Васька насупился и скрылся за дверью.

— Мне никто не звонил? — спросила я дверь.

Она промолчала.

Ива и Флюра сидели с лицами синего цвета. Мне понадобилась ровно минута, чтобы сообразить, что это косметическая маска.

— Только не ори, Лорка, — сказала Ива с закрытыми глазами, — я не умерла, хотя, тебя, наверное, теперь трудно испугать. Это голубая глина. От нее молодеешь мгновенно!

— А оно надо?

— Кому как, — Ива открыла подкрашенные глаза. — Мне — да. А тебе не поможет.

— Не поможет, — кивнула я.

Моя серая мышь не справится с Ивиной зубастой крыской, нечего и стараться.

Флюра открыла глаза и посмотрела на часы:

— Ой! Опоздала! У нас собрание беженцев! Мы пишем письмо в мэрию, требуем улучшения жилищных условий! — Она хотела проскочить мимо меня в ванную, но я преградила ей дорогу.

— Требуете?! — прошипела я. — Требуете?! По-моему, вам лично и вашим братьям-беженцам выделили несколько роскошных коттеджей на окраине города!

Флюра округлила и без того круглые глазки.

— На окраине! — пискнула она.

— А кто вам что должен?! Кто?! Правительство? Государство? Что? Огромные квартиры в центре?! С чего ради?

— На трех хозяев! — отчаянно возмутилась Флюра.

— Какой кошмар! — всплеснула я руками. — Сотни научных сотрудников, врачей, учителей, десятками лет живут в общагах и на съемных квартирах! И не пишут ночами письма в мэрию!

— Мы голодаем! — крикнула Флюра.

— У вас же гектар земли вокруг домов! вспашите! Посейте морковь! Посадите картошку! Огурцы, помидоры! Консервируйте на зиму! Этим занимается большая часть населения города, даже те, кто прилично зарабатывает и живет в хороших квартирах в центре!

— вспашите?! Посейте?! — Флюра захлопала покрасневшими глазками. — Я не крестьянка! Мы не крестьяне!

— Вы лентяи, господа беженцы! Сначала вы захотели новое корыто, потом большой дом, потом орете, что вы не крестьяне, а знаете, что случается с теми, кто требует сделать их столбовыми дворянами? Они остаются у разбитого корыта!

— У нас уже было разбитое корыто! Было! Мы все потеряли, все, что нажили тяжелым трудом за всю жизнь! И мы не виноваты в этом! — По голубому лицу Флюры вдруг потекли крупные слезы, оставляя на щеках кривые дорожки.

Я пожалела, что начала этот разговор и наговорила глупостей. Каждый живет, как может, как умеет и как позволяют обстоятельства. Я пожалела, но сказала:

— Каждый человек должен быть готов, что может потерять все, что нажил тяжелым трудом. И самое глупое — искать виноватых, тратить время на собрания и бесполезные письма. Каждый человек должен быть готов начать свою жизнь заново. Вы всего лишились? Плевать. С вами ваши голова и руки.

Флюра всхлипнула, выскочила в коридор и, забыв смыть с лица голубую глину, натянула Ивино пальто. Она ушла, хлопнув дверью так, что у Ивы над кроватью зазвенел колокольчик.

— Ну, Лорка, ты даешь! — покачала головой Ива. — Кажется, нам придется искать новую сиделку.

— Не придется, — отрезала я. — Завтра извинюсь и накину к жалованью полтинник. Останется, куда денется! Целыми днями трепаться, смотреть с тобой сериалы и делать маски это тебе не картошку сажать.

— Э... а это, ты сможешь накинуть его... полтинник? Флюра сказала, что по «ящику» говорили, будто наш Балашов, того.... .. без копыя.

— Смогу. Я буду мыть пальмы. Кормить рыбок. И найду кого-нибудь ... побогаче этого Балашова.

— Эй, Лорка, смой с меня глину, а то физиономию так стянуло, что рот не открывается!

Я принесла тазик с водой.

— На твоём месте я бы не спешила, — опустив в него руки, заметила Ива.

— Что?

— Искать побогаче.

— Почему?

— Ну, знаешь, главное — не деньги, а отношение к ним.

Вода в тазике стала голубая.

— И чем же тебе нравится отношение к ним Балашова?

— Ну, ты же сама только что орала: «Всего лишились? Плевать! С вами ваши руки и голова!» Это же не твои слова!

— Это мои слова! — заорала я.

— Не-ет! Ты никогда так не скажешь. Откуда тебе знать, как всего лишаться? Это знают только Балашов ... и беженцы! Ну, как я? Помолодела? Знаешь, нет ничего лучше для здоровья, чем французская косметика! Он тебе не звонит, поэтому ты озверела? Не грузись, мужики не любят, чтобы женщины видели их неудачи. Очухается — позвонит.

— Я не могу ждать, пока он очухается! — заревела я, чувствуя, как лопается внутри пустота, как удирает злая серая мышь.

— Так позвони сама! — хмыкнула Ива.

Такая мысль мне в голову не приходила. Я ослабила поток рыданий.

— Понятия не имею, куда и как ему звонить!

— Вот в этом — вся ты! — фыркнула Ива.

В ванной я умылась и посмотрела на себя в зеркало.

Я почти красавица. Если наложить гипс, не забыв про лицо. Завтра утром постираю Кирином костюм, найду Балашова и отдам ему тряпки и бриллианты. Это игрушки из другой жизни. Не из моей.

Завтра же попрошу Вадика собрать чемодан. В одном доме со мной может быть только один мужчина — Балашов.

Ночью я плохо спала. Вернее — не плохо, а совсем не спала. Такого со мной не случалось, даже когда я как-то получила травму на соревнованиях, и обезболивающие, которые я пила на ночь, не помогали. Физическая боль мучила меня ровно пятнадцать минут, потом я проваливалась в сон, и никакие растянутые связки не могли этому помешать.

Этой ночью у меня ничего не болело. Просто я не хотела спать. А еще, я могла не услышать звонок телефона. Мало ли когда на человека накатит, и он решит позвонить?

Когда небо за окном стало светлеть, я поняла — не накатило.

Я пошла в ванную, снова поразглядывала себя в зеркале и стала все-речь размышлять: лучше будет, если я буду лежать в гробу накрашенная или как есть — бледная до синевы, с провалившимися глазами и сухими старушечьими губками?

Кто это?! Да Лорка это Киселева, из модельного отдела. Она еще пальмы мыла!

Может, Васька поплачет. Ива даст интервью журналистам. Флюра украдкой хмыкнет, прикрывшись цветастым платочком. Вадик с утра не найдет свой плавленый сырок и начнет жевать специи. А ОН ничего не узнает.

Я подошла к «Аристон» и стала ковырять проводку. Буду стирать Кирин костюм и получать электротравму. Несчастный случай с каждым может случиться...

Костюм хорошо отстирался, вот только травмы не получилось. Эта сволочь «Аристон» никак не хотел бить меня током, как я ни старалась. Может, я плохо старалась? Или получила не то образование? Откуда гуманитариям знать, что нужно делать, чтобы ударило током? Впрочем, у Ванькиного кота и такого образования не было. Но повторить его способ я не рискнула. Слишком много радости для злых языков. Черт с ней, с электротравмой. Есть много других проверенных способов.

Я запустила режим «легкой глажки» и получила костюм чистым, сухим и почти отглаженным. Точно таким же я получила..... паспорт Камхи Виктора Валерьевича. Надо же, совсем про него забыла! Следом я вытащила кожаную обложку, она почти не пострадала: «Аристон» — хорошая машина. В бачке валялась еще какая-то бумага, серьезная, с печатями и подписями, правда, она была постирана, подсушена и слегка отглажена. Я развернула ее и с трудом смогла разобрать: «Договор об уступке прав требования 100% доли в ООО» — название неразборчиво.

Это была та самая бумага, из-за которой ублюдок Виль гонял нас по дому и убил трех человек. Она была спрятана где-то в паспорте, скорее всего, под кожаной обложкой, а паспорт лежал в кармане брюк. Наверное,

Виль, когда обыскивал Виктора, забрал все из его карманов, а паспорт или не нашел, или пролистал и сунул обратно, потому что ничего в нем не обнаружил. Потом я, изображая великую сыщицу, нашла его и протаскала всю ночь в кармане широких Кириных штанов. Смешная история.

Я налепила влажную бумагу на лицо, как Ива лепит китайские тканевые маски, проткнула пальцем дырки для глаз и засмеялась. Потом захохотала.

— Ма, ты чего? — на пороге ванной стоял Васька с несчастным лицом. — Ну, ты чего? Да проживу я без мастифа. Это очень трудная собака. Она очень много жрет, а одни курсы дрессировки стоят триста баксов. А ветеринары! Прививки! Мы будем работать только на собаку! И потом, к ней только привыкнешь, она и помрет. Собаки мало живут, ма!

— Мало, — кивнула я.

На работе я пылесосила, кормила рыбок, разбиралась с сигнализацией, учила новую роль — так и не поняла чью. Там была одна фраза: «Я никогда не устаю, у меня десять жизней!» Может, это была батарейка?

Пальмы я мыть не стала, потому что стремянку украли риэлтеры с третьего этажа. Деля бегала к ним ругаться. Без пятнадцати пять я вспомнила, что должна явиться на допрос к следователю, быстро оделась и, ничего никому не сказав, ушла из агентства. На первом этаже, напротив вахты, я заметила парочку шустрых ребят с телекамерами и микрофонами. Не сообразив, что они по мою душу, спокойно прошла мимо них, но, когда они ринулись на меня, побежала. Бегать в стоптанных сапогах было удобно, я промчалась через тяжелые стеклянные двери, с размаху отпуская их перед носами журналистов, и, выбежав на улицу, молниеносно поймала такси.

Следователь был такой молоденький, что разбудил во мне материнские чувства. Я старательно отвечала на все его вопросы, подробно воспроиз-

водя события той ночи. Потом долго сидела и подписывала каждый лист допроса, чувствуя, как снова внутри поселяется страшная тварь — пустота. Когда следователь меня отпустил, я вышла в коридор, твердо решив, что на ночь наглотаюсь элениума и запью его водкой. Где-то я слышала, что так можно безболезненно расстаться с жизнью.

В коридоре стоял полумрак. Мерзкие голубоватые лампы дневного света потрескивали и мигали, создавая иллюзию, что у меня не все в порядке со зрением, и что у драных перил возле лестницы стоит и курит в костюме цвета топленого молока «сам Балашов».

Я прошла мимо иллюзии, но она вдруг сильно закашлялась и сказала басом:

— Я тебе звоню-звоню, а там берут трубку и орут, что это пункт проката подводных лодок!

— Не знала, что ты куришь, — протянула я, глядя на тонкую сигарету в пальцах величиной с банан.

— А я только что начал, — он снова закашлялся. — Вот, стрельнул у гражданина начальника. По-моему, нужно подыскать что-нибудь поприличнее, может быть, сигару?

— Ты от этой не загнишь.

— Да, голова кружится. — Он потер виски и, отправив окурочек в грязную урну, добавил: — Я хотел пригласить тебя в ресторан.

— Ну, приглашай, — сказала я и взяла его под руку.

Ресторан оказался так себе. Я не знала, как должно быть, но решила, что этот — так себе.

— Где Эля, что с Кирой? — спросила я, пригубив минералку, в ожидании, пока нам принесут заказ.

Есть совсем не хотелось. Ничего не хотелось. Он пять дней набирал не тот номер. Я ждала его с чемоданом, а он нашел меня для того, чтобы позвать в ресторан.

— Алевтина...

— Израилевна, — быстро подсказала я.

— Да, выписалась из больницы и вернулась в свою затопленную квартиру. Сегодня. Эля вызвалась за ней поухаживать и пожить там с недельку. Кира... в СИЗО. Я нанял ей адвокатов, правда, не знаю, чем буду с ними рассчитываться.

— Сейчас все работают в кредит, — усмехнулась я.

— Да, — кивнул он. — Знаешь, мы встречались пару раз с Севои Фокиным, у него, действительно, много знакомых в следственном отделе. Он сказал, что Кира начала давать признательные показания. С Вилем она познакомилась тупо, на улице, подвезла красивого парня

до дома. Он снимал комнату где-то в частном секторе у какой-то древней старушки. Старушка умерла, родственников у нее не было, вот он и жил в полуразвалившейся избушке. Узнав, что парень мается без денег и без работы, Кира пристроила его электриком в коттеджный поселок. И началось... Говорит, что влюбилась в него, как кошка, понимаешь?..

— Понимаю. — Я посмотрела ему в глаза. Он имел вид человека, который хорошо питался и хорошо высыпался. Просто он долго не мог до меня дозвониться, чтобы позвать в ресторан.

— Виль задумал занять мое место, как ни смешно это звучит. Это была такая сумасшедшая игра. Он вдруг решил, что сможет отнять у меня все, и, если уж не самому управлять бизнесом, то просто влезть в мою жизнь так, чтобы мне там не осталось места. Почему-то у него была идея фикс переселить меня в ту самую избушку-развалюшку, а самому укатить с Кирой на Кубу. Ширмой, жертвой и мозговым центром они выбрали Виктора. Виктор проглотил крючок в виде Киры и с жаром бросился выполнять план моего одурачивания, думая, что главный герой — это он.

Зная меня как облупленного, он придумал эту нехитрую манипуляцию с подписанием мною вслепую нужных ему бумаг и все сделал за них. Естественно, он не стал светить нигде свое имя, в том числе и в налоговой, а оформлял документы на глупого, необразованного электрика, которого подсунула ему Кира. Когда дело было сделано, Виктора решили убрать. Кира пригласила его встретить вместе Новый год и заодно показать ей злополучный договор, согласно которому у меня больше ничего нет. Виктор часто бывал у нас в доме, поэтому у охраны не возникло вопросов. Он любил коньяк, и Кира специально для него организовала бутылочку, хлебнув из которой, он потерял бы сознание. Виль уже был в доме. Кажется, это у них называлось «на стреме».

Он должен был перетащить Виктора в его машину, сам спрятаться сзади, пустив Киру за руль. Ну, и... как водится...

— Изобразить страшную аварию с пьяным водителем за рулем.

— Да. Только им много чего помешало. Сначала в дом вернулся Иван Палыч. Скорее всего, он нашел ту записку у Киры и решил, инсценировав свой отъезд, вернуться незаметно в дом, чтобы проследить за ней. Он был очень щепетильный, Иван Палыч. Никогда бы не сказал мне ничего такого, в чем не был бы точно уверен. Потом вернулся я, потому что мне позвонила, кстати, не Тамара, как мы думали, а секретарша Виктора. Она, оказывается, имела на него виды, и ей не нравились его свидания с Кирой. Она и Тамаре позвонила, но Тамара просто наняла частного детектива Севу Фокина, чтобы тот записал на специальную аппаратуру факт свидания ее мужа с Кирой.

Я кивнула. Балашов подозвал официанта и попросил его принести толстую гаванскую сигару. Официант кивнул и умчался, скользя и лавируя так, будто катился на коньках.

— А тут еще и торт...

— Ты не сказал, что теперь с домом и всем остальным... Я в этом ни бум-бум, но тебя же все-таки обманули!

— Я сам в этом виноват, — он так скривился, будто мясо, которое он ел, было невыносимо кислое. — Кто же в этом виноват, кроме меня? В общем, там не все так просто. Сначала, оказывается, я подписал бумаги, согласно которым брал кредит у некой фирмы, оставляя при этом в залог свой дом и прочее имущество, а она принадлежала Виктору. Увидев, что я легко подписал такие документы, Виктор и Кира пошли дальше — подсунули договор купли-продажи, который я тоже, не глядя, подмахнул.

— Договор об уступке прав требования ста процентов доли в ООО... название неразборчиво.

— Да, — он перестал жевать и удивленно уставился на меня. — Да, это так правильно называется. Откуда ты знаешь, ведь ты в этом ни бум-бум?!

— Я постирала этот договор вместе с Кириным костюмом и паспортом Виктора.

— Я же говорил Вилю, что договор ему ни к чему, сделка и так зарегистрирована... — вздохнул Балашов. — Договор можно потерять, постирать... Хотя какая теперь разница? Все на Виле, наследников нет, так что все отходит государству.

— Государству?! — эхом повторила я.

— Да. Кроме дома и имущества, они в залоге под кредит, который я якобы брал у фирмы Виктора. Это отходит Тамаре, она наследница.

— Тамаре?!

Он кивнул.

— И ты ничего не будешь с этим делать?!

Он весело посмотрел на меня и помотал головой:

— Понимаешь, Тамара осталась одна, у нее ребенок, она инвалид. Я все начну сначала, мне не нужен этот дом и это чертово имущество! Я хочу все начать с чистого листа!

— Ну да, у тебя же новое производство! — заметила я.

— Да, я начинаю производство развивающих игрушек и пособий для обучения детей по системе Монтессори!

— Ты же нищий!

— У меня репутация! Связи! Мне дадут деньги под честное слово! Я не нищий, я богач! За эти дни я понял, сколько хороших, верных людей есть на свете!

— У тебя все будет хорошо, — тихо проговорила я, снимая со спинки стула свою сумку. — Ты начнешь новую жизнь. А мне сейчас пора.

Он кивнул и вытащил из кармана мобильный:

— Я вызову тебе такси.

— Я сама поймаю, — возразила я и неожиданно для себя спросила: — А где ты будешь жить?

Он отрешенно посмотрел на меня и снова кивнул. Не спросил, как правильно мне позвонить, не вызвался меня проводить, только кивал и улыбался.

Я не стала ловить никакое такси. Купила в аптеке упаковку элениума, а в киоске — бутылку водки, и пешком дошла до Нэлькиного дома, чтобы отдать ей тысячу долларов.

Нэлька попыталась напоить меня кофе и выведать новые подробности нашумевшей новогодней ночи, но я решительно сослалась на больную голову и ушла.

— Да, выглядишь ты паршиво! — крикнула вслед мне добрая Нэлька. — Купила собаку?

Я зачем-то кивнула.

До дома я тоже шла пешком. Шла часа два, может, потому что медленно, может, потому что было

холодно, а может, пошла не той дорогой. И все эти два часа обдумывала только одну проблему: выпить сначала водку, а потом лекарство, или сначала лекарство, а потом водку. Очнулась я у своего подъезда, так ничего и не решив относительно последовательности приема спасительных средств.

Мимо меня прошел Вадик с большим чемоданом в руке. Двор был плохо освещен, и он меня не заметил. Странно, почему он ушел, я ведь утром так и не сказала ему, чтобы он собирал чемодан. Вадик медленно брел по неосвещенной дорожке, худой, неуклюжий, несчастный. Чемодан болтался на ветру, потому что особо утяжелять его Вадиду было нечем. Я хотела крикнуть ему, чтобы он оставался, все равно моя комната скоро освободится, но голос пропал, и я молча вошла в подъезд.

Дома было подозрительно тихо. Относительно чисто. И незнакомо пахло. Васька не вышел меня встречать. Это меня устроило — незачем ему запоминать меня в таком виде.

Не разуваясь, я прошла по коридору и толкнула дверь в комнату Вадика. Диван не был привычно застелен мятой простынкой, в комнате было прибрано, окно открыто, в комнате гулял холодный воздух, вытесняя запахи нищеты и безделья. На спинке стула Вадик забыл светлый пиджак. Я удивилась, что у него был такой хороший пиджак, взяла его двумя пальцами и выбросила в окно. Пиджак красиво спланировал вниз, на дорогу.

Я пошла к Иве. Узнаю, была ли сегодня Флюра, или нужно искать новую прислугу. Открыла дверь, и остановилась как вкопанная — кровать Ивы была пуста.

Я испугалась так, что ноги подогнулись в коленях, и заорала:

— Мама!

Наверное, она в больнице. Или уже в морге.

— Мама!

Тут дверь моей комнаты открылась, и из нее на сверкающей никелем коляске, словно королева на троне, выехала Ива.

— Лорка, чего ты орешь? — усмехнулась она. — Чего ты все время орешь?

На плечах у Ивы, словно мантия, была накинута шуба из голубой норки.

Я подошла к ней, пощупала ее, норку, коляску, потом себя, снова Иву и снова шубу. Наверное, я уже выпила элениум с водкой, только забыла.

— Испачкаешь! — дернулась Ива. — Слушай, Лорка, говорят, сейчас в Москве новая мода — есть цветы. Как ты относишься к тому, чтобы поужинать орхидеями?

— Как отношусь? Нормально отношусь. Хорошо. Только где их нарывать в это время суток?

Ива посмотрела на меня как президент на провинившегося министра.

— Это твои проблемы, Лорка, — сказала она и укатила в свою комнату.

Я набрала воздух в легкие и крикнула: «Васька!»

Васька молчал. Я пнула дверь в его комнату, почти наверняка зная, что там увижу.

Васька сидел на полу, на четвереньках. Напротив него сидел теленок. Он вилял чем-то вроде хвоста, и я поняла, что это собака.

— Гав, — жалобно просил Васька, — ну, пожалуйста, гав!

Собака молчала. Васька поцеловал ее в нос, в глаз, снова в нос и тихо спросил, не отрывая глаз от собаки:

— Она немая?

— Ах, она еще и сучка! — схватилась я за дверь.

— Девочка, — поправил он. — Последняя. Больше в городе нет.

— Грета, — сказала я.

— Пусть будет Грета, — кивнул Васька.

Я нашарила в сумке таблетки. Выпью одну. Или сначала водки? Рюмки были на кухне.

Рюмки были на кухне, а еще там был Балашов. Он стоял у раскрытого холодильника и грустно разглядывал пустые полки. На нем был все тот же светлый костюм, только без пиджака. Кухня с его присутствием стала значительно меньше, и пахло в ней глупым парфюмом.

— Будешь смеяться, — сказал Балашов, — но я опять хочу есть. А мой предшественник утащил последний сырок.

Я бросила сумку на стол.

— Я же спросила — где ты собираешься жить? Если бы ты признался, что здесь, я купила бы что-нибудь.

— А ты не купила? — Он раскрыл мою сумку, порылся в ней, вытащил пачку таблеток, бутылку водки и заметил: — Странный наборчик.

— Да, вот так и живем, с «колесами».

— Ладно, давай деньги, я сгоняю в ночной магазинчик...

— У меня нет денег.
— Черт, и у меня нет! Вообще-то, у меня была, конечно, заначка, но я...
— Знаю, купил шубу, коляску и сучку.
— Девочку. Кстати, последнюю в городе.
Я пошла в коридор и разделась.
— Как зовут твою маму?! — крикнул он.
Вот сейчас я ему отомщу. За все.
— Иветта Апполинарьевна, — крикнула я, — а ее сиделку — Флюра Фегматовна. Не вздумай ошибиться, дамы очень обидчивы!
Вернувшись на кухню, я сразу попала в его объятия.
— Знаешь, — засмеялся он, — я остался в одних штанах!
— Точно. Пиджак я выбросила в окно.
— Зачем? — удивился он и неуверенно чмокнул меня в нос, как Васька свою собаку.
— Не нравятся мне светлые пиджаки.
— Да?! А я постарался вырядиться. Даже надушился.
— Парфюм мне тоже не нравится. А что ты сказал Вадику? Его не так просто выставить из этого дома.
— Моему хорошему приятелю в коттедж нужен сторож. Еда и жилье бесплатно, плюс приличная зарплата. Я наврал, что место вакантно только до утра, если успеет...
— Знаешь, — сказала я, — это хорошо, что у меня холодильник пустой. Как у О'Генри — каждый должен в жизни познать голод, войну и любовь.
Он захохотал, закинув голову назад:
— Война у нас уже была!
— Любовь я тебе организую! — пообещала я.
— Голод у нас уже есть! Здорово, что холодильник пустой! Значит, мы молоды, полны сил, и у нас все впереди!

— А Эля и Сидоров сюда переедут?
Он лежал рядом и, борясь со сном, усиленно делал вид, что внимательно меня слушает.
— Да, Лорочка!
— Интересно, как они уживутся с Васькой и Гретой?
— Конечно, Лорочка!
— Ты возьмешь меня в секретарши?
— Да, Лорочка!
— А в замы?
— Конечно, Лорочка!
— А кого ты еще хочешь, мальчика или девочку?
— Да, Лорочка!.. □

Анатоллий Тшеничный

...До последнего драться патрона
Нам еще предстоит, старина...
Разворованная оборона,
Запахнувшая крылья страна...

Да, пришли непонятные люди,
В кабинеты Державы родной,
Встать готовые жирною грудью
За чужую заморской спиной.

Растащили, раскрасили, рассеяли —
Под высокие спрятав слова.
И уже из поганого семени
Ядовитая лезет трава...

Но в обидной бескрылости этой,
В недвижимости стен и одежд
Не взлетают к вискам пистолеты,
Не трепещут обрывки надежд.

И стала радость вдруг скоморошьёю,
Сменив достоинство на понты.
Огонь в Байкале, в тайге,
на полюсе,
В упряжках, шахтах, внутри ракет
И даже, как бы, в открытом
космосе,
И даже там, где и жизни нет...
...И через этот фанфарно-
бешеный

Безумный праздник — письмишко
мне:
«Закрыли школу, убрали
фельдшера —
Мол, денег нету на нас в казне...»
... Моей глубинке, где жизни донышко
Все приближается — плачь-
не плачь —
Хотя пушинку с того бы перышка —
Жила бы школа и был бы врач!

Снова нам цветными голосами
Будут петь из рощи соловьи.
Мне светло с закрытыми
глазами,
Если губы рядышком твои.

Но когда тебя я покидаю —
На денек, на месяц — все равно —
Без тебя, голубушка родная,
Мне под всеми звездами темно!

Может, просто я погорячился
Иль из века вышагнул не там,
Что такой вот радости напился,
Зачерпнув любви не по летам?

Потому порой, перекрестившись,
Я тревожусь думою одной:
Вдруг придется, с жизнью
не простившись,
В темноте остаться ледяной?...

НАС ОТУЧАЮТ РОДИНУ ЛЮБИТЬ...

...Все на продажу. Прочее
забыть.
Боготворить лишь деньги или силу...
Нас отучают Родину любить —
Единственную, кровную — Россию.
То недород, то к звездам недолет...
И веселится, статус свой развевая,
Страна неполучившихся господ
И высокопоставленных лакеев.
...Но в глубине родной моей страны,
Средь деревень, тоскующих
о чем-то,

Бесценным слоем скрытой старины
Еще живут Шайтанка и Ключевка!
Там прописные истины строги:
Не красть, не врать, завет оставить
сыну.
Там тоже пьют, но отдают долги,
Там тоже бьют, но не стреляют
в спину!..
Их с каждым годом меньше — этих
мест,
Где, не хитря, служить идут
в солдаты,

ГОД ЛОШАДИ

Грядущий год пройдет под знаком Лошади, этого сильного и грациозного животного. Есть человек, который знает о лошадях абсолютно все. Это Ноэми Семеновна Роберт, возглавляющая детский реабилитационный экологический центр «Солнечный мир». Она же — мама известного актера Дмитрия Певцова и свекровь актрисы Ольги Дроздовой.

Живое лекарство

Его зовут Большой Пельмень. Посмотрите, какой он бухметистый, ро-

зовый, добродушный. А это — Маня, рядом с ней — Тренчик с Гребешком, тракенской породы. А вот и всеобщий любимец, дети прозвали его Пуфиком. Как и положено русскому тяжеловозу, он не только большой

и могучий, но и спокойный, дружелюбный.

Детский реабилитационный экологический центр «Солнечный мир», созданный Нозми Семеновной Роберт, много лет проработавшей врачом в сборной страны по конному спорту, лечит детей с различными заболеваниями психики, опорно-двигательного аппарата, кровообращения, последствиями церебрального паралича. В качестве главного лекарства здесь выступает ... лошадь.

Еще великий Гиппократ утверждал, что раненые и больные поправляются быстрее, если ездят верхом. Он же советовал заниматься верховой ездой меланхоликам, поскольку это «освобождает от темных мыслей и вызывает мысли веселые». Советам Гиппократа вторили Александр Македонский, Авиценна, Гален...

Иппотерапия — «лечение лошадей» — давно зарекомендовала себя в Европе и Америке. В нашей стране ее впервые начал применять в 1972 году тбилисский профессор медицины Давид Цверава. Продолжателем его дела стал во многом и «Солнечный мир».

— Нозми Семеновна, объясните непосвященным, чем же все-таки может быть «целебна» лошадь?

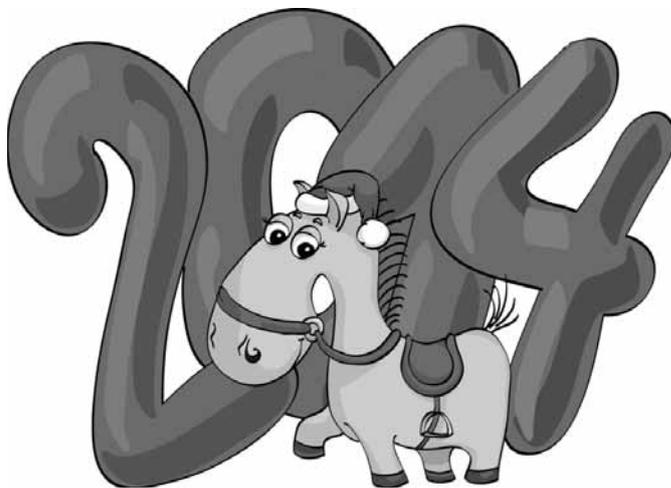
— Она вся целиком — ходячее «лекарство». У больного, сидящего верхом, перемещается центр тяжести. Для того, чтобы сохранить равновесие и не упасть, человек инстинктивно включает в работу все мышцы тела, в том числе и пораженные

болезнью. Лечит и ее живое тепло, и ритмичный плавный шаг, и мощная мускулатура, массирующая во время движения мышцы наездника, как бы имитируя его ходьбу.

Еще один немаловажный момент: желание научиться управлять лошадью, заботиться о ней, ласкать ее, само общение с животным, особенно на природе, раскрепощает больного, оказывает благотворное влияние на его психику. Словом, лечение без уколов, операций и противных лекарств.

— А как протекает процесс «лошадиной терапии»?

— Сначала лошадь выступает в роли своеобразного спортивного снаряда. Коновод ведет лошадь, на которой сидит ребенок, рядом, для страховки, идет методист-иппотерапевт. Затем наступает второй этап — обучение основам верховой езды. Лошадью уже приходится управлять самому. Ездят, в основном, шагом и рысью... Ну а детям с серьезными поражениями нервной системы приходится останавливаться на первом этапе.

Занятия иппотерапией зимой проходят в манеже московского ипподрома, летом — за городом, в оздоровительном лагере. Нашему Центру удавалось выживать за счет спонсоров, многих из которых находили мои дети — актеры Дима Певцов и Ольга Дроздова. Однажды, когда было особенно туго, Ольга всю свою зарплату отдала «Солнечному миру».

Среди пациентов Ноэми Семеновны в основном дети с диагнозом ДЦП и страдающие аутизмом. Даже если физических улучшений не происходит, в психосоциальном плане положительные результаты не заставляют себя ждать.

— Одним из первых к нам привели восьмилетнего мальчика с ДЦП, — рассказывает Ноэми Семеновна. — У него коленки на брючках были все в заплатках. Ножки плохо держали,

и он все время падал на коленки, руки ходуном ходили, к тому же, он говорил и слышал очень плохо. Ребенок походил к нам четыре месяца, после чего взволнованная мама сообщила, что уже две недели ни одной новой заплатки на штанишки сыну не поставила. Вскоре он уже довольно легко начал общаться со своими сверстниками.

Однажды привезли ребенка, страдающего аутизмом. Мальчик был настолько замкнут, настолько отстранен от внешнего мира, что родители потеряли надежду на улучшение его состояния. Ребенка невозможно было вытащить из «раковинки», куда забились его психика. Мы работали полгода. Сначала посадили на лошадь отца, а сын просто наблюдал. Потом отец начал кормить лошадь, и мальчик тоже протянул руку, захотел

угостить ее сахаром. Наконец отважился несколько раз проехать на лошади вместе с отцом. А сейчас уже совершенно спокойно садится на нее один, с удовольствием общается с ней.

Другой случай. Был у нас подросток с тяжелой формой церебрального паралича и эпилепсией. Передвигался только на коляске, даже не мог самостоятельно сидеть из-за слабости мышц спины. Стал заниматься иппотерапией в комплексе с массажем. Уже после пятого занятия мальчик попытался ходить, а после двух месяцев стал уверенно передвигаться с помощью костылей...

— Можно сказать, что заграницу по части «лошадиной терапии» мы уже нагнали?

— Увы. Дело там поставлено давно и серьезно. В Соединенных Штатах центров, подобных нашему, более тысячи, в Великобритании — около семисот, во Франции — в пределах шестисот, даже в Польше их более шестидесяти. Все это на базе конноспортивных клубов, конезаводов. А у нас в России, при всех ее огромных потенциальных возможностях, профессионально работают с иппотерапией единицы — в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Красноярске и Хабаровске.

— Но все же и нам есть чем гордиться?

— Безусловно. Наш Центр принят в Британскую ассоциацию иппотерапевтов и в Российскую федерацию конного спорта. В 1997 году была учреждена Националь-

ная федерация лечебной верховой езды и инвалидного конного спорта, которую мне выпала честь возглавить. Мы были участниками всех последних Международных конгрессов иппотерапевтов, где делились своими открытиями и достижениями. Например, на Западе долгое время считалось, что иппотерапия помогает только детям до четырнадцати, максимум пятнадцати лет. У нас же были случаи значительных улучшений и у больных в семнадцать, двадцать, даже двадцать шесть лет...

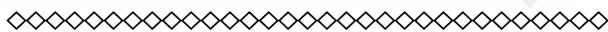
Главное, запомните: любое, даже непродолжительное общение с таким чудесным и ласковым животным, как лошадь, ничего кроме пользы и ребенку, и взрослому не принесет.

И воин, и пахарь

Что год грядущий нам готовит? Астрологи предсказывают, что очень удачным он будет для трудолюбивых, оптимистов, целеустремленных людей. Лошадь была ценима и уважаема человеком с древних времен. Достаточно вспомнить, какое значение она имела для воина, пахаря. Техника вытеснила коней с «полей битв и жатв». Сегодня они — лишь своеобразный и очень дорогой раритет. Породистый конь в наши дни ценится больше престижного автомобиля.

Что говорят звезды

Родившиеся в год Лошади: 1918, 1930, 1942, 1954, 1966, 1978, 2002, 2014. Эти люди предприимчивы, дружелюбны, честолюбивы, обладают хорошим чувством юмора, но, как правило, подвержены настроению, им не хватает терпения. Из них получаются хорошие спортсмены, политики, бизнесмены. В год Лошади появились на свет Владимир Ильич Ленин и Леонид Ильич Брежнев.

Овны

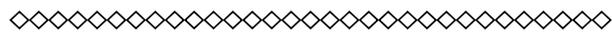

Согласно гороскопу Павла Глобы и других астрологов, те, кто родился под знаком Овна, имеют шансы прожить перспективный, насыщенный событиями год. Главное, чтобы не

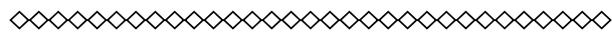
подвело здоровье. Овны редко обращаются к врачам, и это неправильно. Не нужно доводить дело до экстренной операции. Будьте бдительны! Проходить периодически обследование, сделать элементарные анализы — не так уж сложно.

Успех ждет в сферах, связанных с управлением людьми. От индивидуальной деятельности лучше отказаться, возможны убытки.

В любви все будет не просто. Постарайтесь избавиться от ревности, будьте внимательнее к партнеру, и это поможет наладить взаимоотношения.

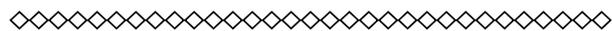

Тельцы

Накопили усталость, и это будет мешать адаптироваться в новом стремительном году. Из-за своей медлительности можно упустить шанс карьерного роста.

Возможно, предстоит работа на износ. На вас будут давить люди и обстоятельства. Почаще отвлекайтесь и развлекайтесь, чтобы не впасть в депрессию. Полноценное хобби, хороший отдых — вот что вам нужно.

Близнецы

Встретят год с большим оптимизмом. Есть возможность найти свою

любовь и укрепить взаимоотношения с близкими людьми. Время для венчания и крепкого брака.

Огромный запас нерастроченной энергии, максимальная организованность обеспечат вам негласное лидерство в любом коллективе. Возможно, уже летом это будет адекватно оценено, и вас ожидает карьерный рост.

Во второй половине года проявят себя хронические болезни. Держите свое здоровье под контролем.

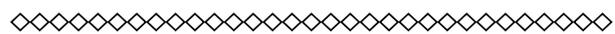
Чтобы иметь возможность саморазвития, вам необходима чувственная связь с любимым человеком, от которого можно подпитываться энергией. У представителей этого знака в начале года такая связь вряд ли будет, и это сделает их рассеянными, уязвимыми, не готовыми к позитивным переменам. Нужно сосредоточиться и подумать о своей энергетике, направить ее в русло любви. Ответ не заставит себя ждать, и все в жизни наладится. Не бойтесь любить, дарить себя любимому человеку — это для вас главное правило в новом году.

Будут вынуждены пережить достаточно противоречивый год. Их

ждет давление со стороны коллег, руководства, родственников. Львы будут раздражаться и срывать свою злость на близких людях, что только усугубит дискомфортное душевное состояние.

Постоянно будут возникать мелкие проблемы и неурядицы, которые нужно оперативно решать. Очень важно относиться к этому спокойно, все проблемы решаемы. Постарайтесь контролировать свои эмоции, не портить отношения с близкими, их потом так трудно восстанавливать. Вера в успех — и все получится. Ваш девиз в новом году — «Давайте жить дружно!»

Будут постоянно стремиться к гармонии и искать ее повсюду, пре-

жде всего, в путешествиях. Своеобразный год странника, познающего мир. Год романтических отношений с противоположным полом. Но не обольщайтесь — легко вскружить голову партнеру, но найти свою половинку гораздо сложнее, это большая духовная работа.

Здоровье будет часто вмешиваться в ваши планы, корректировать их. Необходимо тщательно обследовать свои внутренние органы, чтобы выявить причины болезненных ощущений. Возможно, что осенью возникнет потребность в операции. Постарайтесь не доводить до этого свой организм.

Девы

Придется быть решительными, искать пути материального обеспечения себя и своей семьи. Гармония

возможна только в том случае, если ваш дом будет полной чашей. Поэтому придется с утра до поздней ночи работать, работать и работать.

Летом все это даст свои плоды. Возможно, вы испытаете новое чувство любви, но будьте осторожны, оно кратковременно.

Скорпионы

Очень удачный год. Вы будете полны сил, энергии, сможете успевать заниматься сразу несколькими важными делами, и все будет получаться. Не надо больше сидеть и ждать у моря погоды, пора участвовать во всех значимых проектах, идти вперед и только вперед. Звезды благоприятствуют.

Самое ценное для вас — приобретение связей, новых знакомых, которые помогут обеспечить благополучие вам и вашей семье. Новые добрые друзья спасут вас от неприятностей, бед, конфликтов.

А вот что касается здоровья — возможно снижение иммунитета, опасность травм. Не забывайте принимать витамины и будьте аккуратнее!

Стрельцы

Непростой, очень затратный год. Не в материальном, а в эмоциональном

плане. Не стоит поддаваться эмоциям, унынию, мучить близких людей своими требованиями, ревностью. Иначе результатом будет депрессия, болезни. Постарайтесь во всем находить позитив, займитесь домом, ремонтом, разведением цветов, вспомните о своих творческих талантах. Рисуйте, сочиняйте стихи, заведите собаку или кошку, и все будет хорошо.

Козероги

Не будут испытывать желания менять что-то в жизни. Для них главное — стабильность, к которой они всегда стремятся. Но судьба будет вносить коррективы, ставить перед выбором, заставляя сомневаться в своих решениях. Из-за неожиданного чувства любви возможны ссоры с родственниками, отказ от своих принципов.

В профессиональном плане — все хорошо, вас будут ценить, возможно, поступят выгодные предложения от конкурирующих фирм. И тогда придется опять делать выбор. Постарайтесь все взвесить и не ошибиться.

Возможен сюрприз-известие — у вас будет ребенок.

Водолей

Основательный, успешный год. Будет возможность сделать круп-

ные покупки, приобретения. Возможно, вы возьмете большой кредит. Но звезды рекомендуют быть осторожными, как можно чаще консультироваться со специалистами, прежде чем принимать решения.

Год хорош для тех, кто хочет поменять мировоззрение, расти в духовном плане, избавиться от вредных привычек. Например, есть возможность бросить курить.

Но вам постоянно нужно плечо близкого друга, поддержка любимого человека. Цените внимание, любовь и уважение близких, это поможет преодолеть все трудности.

Рыбы

Спокойный год. Отдайте бразды правления в чьи-то руки, избегайте ответственности. И не жалейте об этом. Поменьше амбиций, тщеславия. Все это только отравляет жизнь.

Есть возможность улучшить материальное положение, обеспечить финансовую стабильность. Будьте очень внимательны к своему спутнику жизни, это и есть залог счастливого будущего. Полагайтесь на свою интуицию, но и прислушивайтесь к мнению самых близких людей.

Ради любви и гармонии вы готовы идти на компромиссы, и это правильно. Пусть кто-то воспринимает это как слабость и злоупотребле-

ние вашей добротой, держитесь, вы на правильном пути. Ваш девиз — душевное равновесие.

Танцуют все!

Лошадь по своей природе очень жизнерадостное, оптимистичное животное. Любит ширь, простор. Поэтому астрологи рекомендуют встречать Новый год в просторном помещении в большой дружной компании. И не забудьте поздравить как можно больше близких людей, которых не будет рядом. Для этого есть телефон и электронная почта. В новогоднюю ночь должна звучать зажигательная музыка — танцуют все!

Настраивайтесь только на позитив, забудьте все печальное, что осталось в старом году.

Оттенки синего

Талисман будущего года — деревянная синяя Лошадь, поэтому встречать Новый год рекомендуется в любых оттенках синего — от нежно голубого до глубокого кобальтового. Синь — это цвет неба, глубины и высоты. Декор — цветы, ветки деревьев, фигурки лошади, подковки. Поскольку лошадь животное травоядное, на столах предпочтительны легкие блюда, салаты, овощи и фрукты. Если есть желание проявить особое уважение к Лошади, можно при-

готовить салат в форме этого прекрасного животного.

Возьмите на заметку:

САЛАТ «ВЕСЕЛАЯ ЛОШАДКА»

В этом салате преобладают самые радостные краски — оранжевый или желтый, то есть морковь или сладкая кукуруза.

Ингредиенты: горошек консервированный — одна банка, говядина (вырезка) 300-400 грамм, морковь — четыре штуки, яйца — три, одна луковица, соленые огурцы — три, майонез, соль, черный молотый перец.

Овощи, яйца и мясо отварить, остудить. Морковь натереть на терке и оставить в отдельной мисочке для украшения. Это будет лошадиная мордочка. Можно морковь заменить сладкой кукурузой. Синий цвет прекрасно сочетается с желтым и оранжевым. Так что не волнуйтесь, что на столе не будет салата синего цвета. Такого просто в природе не бывает. Но ведь мы встречаем год синей деревянной Лошади... Есть приправы, травы, которые помогут сделать желтую лошадь синей — базилик, розмарин. Из двух кусочков моркови нужно вырезать треугольные ушки. Все остальное порезать, перемешать, посолить, поперчить. Из стебельков укропа сделать сбрую, веки и рот, из маслин — глазки. Гриву можно сотворить из измельченных яиц, зелени и колечек репчатого лука.

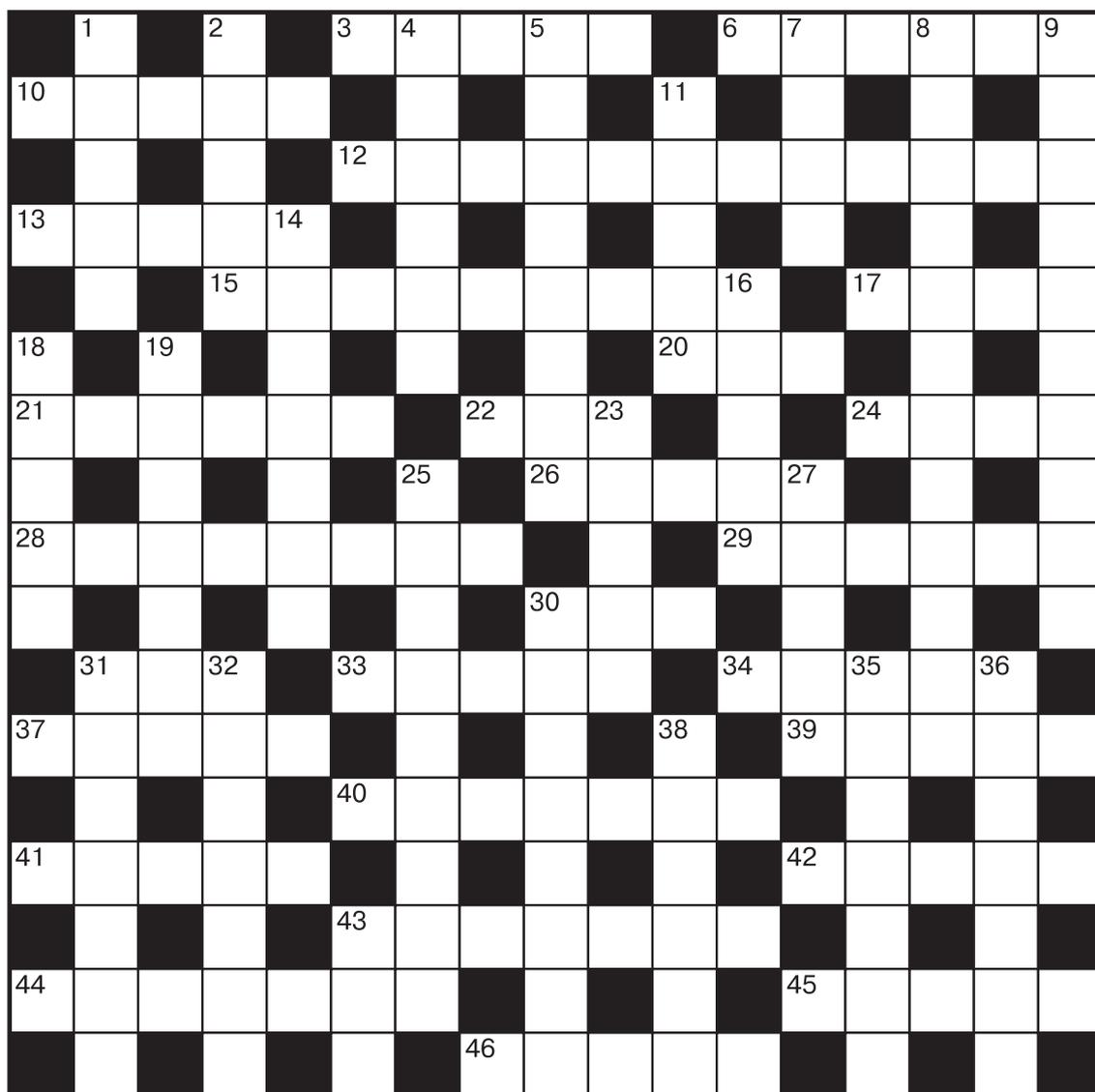
Одним словом, фантазируйте!

И напоследок хочется пожелать всем нашим читателям счастья, здоровья, удачи во всех начинаниях в новом году!

*Пусть подарит радость
Новогодний праздник,
Сбудутся чудесные надежды,
Сложится весь год из дней
прекрасных,
Словно снеговик из хлопьев
снежных.*

**С Новым годом,
дорогие друзья! □**

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Головной убор, становящийся «пожароопасным» на некоторых жуликах. **6.** Василий Иванович, ставший героем фильма братьев Васильевых. **10.** Причина гибели «Британии» в романе «Дети капитана Гранта» француза Жюль Верна. **12.** Арбузный бизнес. **13.** Граница военных времен. **15.** Плоть Буратино. **17.** «Уральские физики столь круты, что расщепляют атомное ... голыми руками». **20.** Эпоха динозавров.

21. Полезная добавка к хлебу. **22.** Какой остров прозвали «сердцем Индонезии»? **24.** Какая птица прилетает к нам за неделю-полторы до жаворонков? **26.** Фильтрация худших. **28.** Какую политическую философию исповедовал русский князь Петр Кропоткин? **29.** Какому оружию посвящено стихотворение «Поэт» Михаила Лермонтова? **30.** Что категорически запрещалось собакам породы «русская псовая борзая», что-

бы ее не вычеркнули из племенных книг? **31.** Какой голос способен на самую большую низость? **33.** Строительное приспособление, якобы придуманное Дедалом. **34.** Бразильский «Аэрофлот». **37.** Замечено, что «пьяный ... всегда возвращается для прощальных объятий». **39.** Формат кардигана. **40.** Что во времена перестройки окрестили «петлей Горбачева»? **41.** Большой соблазн. **42.** Швейцарское кушанье, для приготовления которого на стол ставят особую керосинку. **43.** Подтяжка лица косметологом. **44.** Самые знаменитые в мире соревнования по триатлону названы «Гавайский железный ...». **45.** Чем паркет зачищают? **46.** Собеседник Мефистофеля.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Именно ... Бастилии положил начало Великой французской революции. **2.** Торговая марка. **4.** Грузинская река, упомянутая в лермонтовском «Мцыри». **5.** «... продукции можно резко улучшить, если заранее знать, что ее удастся вынести». **7.** Какой оперный

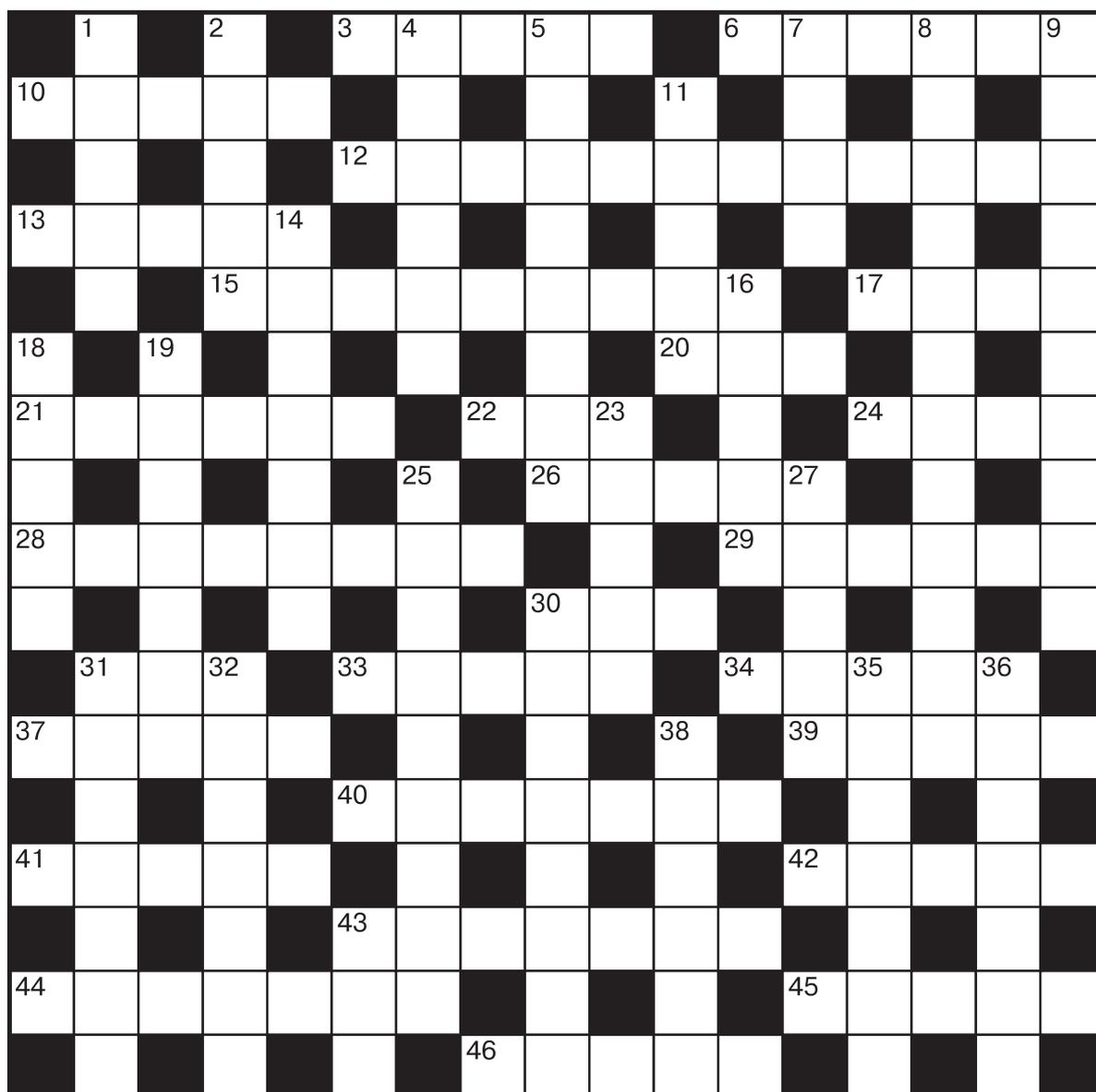
шедевр появился благодаря открытию Суэцкого канала? **8.** Кто ходит по мостовой в оранжевом жилете? **9.** Музыкальная любимица Мстислава Ростроповича. **11.** Улица для янки. **14.** Основа ливера. **16.** В какой лагерь стремились попасть все пионеры СССР? **18.** «Милый друг» от Ги де Мопассана. **19.** Где в 1901 году отбывал ссылку Максим Горький? **23.** Шелковая ткань, увлечение которой разорило Римскую империю. **25.** Кто берет чужие деньги, рискуя получить свой срок? **27.** На каком повороте уши закладывает? **30.** Какую собаку прозвали «четвероногой орхидеей»? **31.** Спорт, в котором однажды попробовал себя ведущий программы «В мире животных» — Николай Дроздов. **32.** «Гороховый футляр». **35.** Яркий представитель пролетариата. **36.** Великий немецкий композитор, чья вспыльчивость была «притчей во языцех». **38.** «Прелестный баловник Киприды». **43.** Морской ... может иметь до 100 жен и иногда обходиться без еды по три месяца.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Пава. **3.** Клык. **7.** Стрип. **11.** Раут. **12.** Закорючка. **13.** Обида. **14.** Брак. **17.** Буран. **20.** Листаж. **21.** Хам. **22.** Либретто. **24.** Провал. **28.** Простокваша. **29.** Этилен. **30.** Отсек. **34.** Бюджетник. **37.** Собинов. **38.** Рубеж. **39.** Орлан. **41.** Барон. **42.** Касса. **43.** Обет. **44.** Флинт. **45.** Дождь. **46.** Акула. **47.** Муар. **48.** Ветка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пузо. **2.** Вакуум. **4.** Лечо. **5.** Краб. **6.** Чума. **8.** Табаско. **9.** Индиана. **10.** Триал. **15.** Ратуша. **16.** Клоп. **17.** Багратион. **18.** Никон. **19.** Дрова. **23.** Ассенизатор. **25.** Ратмир. **26.** Волк. **27.** Лен. **31.** Жюв. **32.** Ожерелье. **33.** Отказник. **34.** Борозда. **35.** Кухарка. **36.** Версаль. **40.** Холм. **41.** Беда.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Первый японский искусственный спутник Земли. **6.** Часовня под храмом. **10.** Англичанин, слывущий «отцом современного цирка». **12.** Участник кюадрильи. **13.** Кто в 1995 году доказал теорему Ферма, что до него не могли сделать в течение 350-ти лет? **15.** Спуск по вертикальной стене при помощи закрепленной сверху веревки. **17.** Узбек-

ская лапша. **20.** Блаженный Августин тонко полагал, что «есть нечто в человеке, чего не знает и сам ..., живущий в нем». **21.** Главная молитва у мусульман. **22.** Кто из друзей Ильи Ильфа и Евгения Петрова скорее всего и стал прототипом Остапа Бендера? **24.** Странствующий рабочий у американцев. **26.** Возлюбленный Афродиты в ту пору, когда она обита-

ла в подводном царстве. **28.** Дебютная роль для Сары Бернар. **29.** «Гениальный продюсер» русских футуристов. **30.** Белый осетр. **31.** Японский театр масок. **33.** Какой штат слывет 15-й крупнейшей экономикой мира? **34.** «Вечная возлюбленная» бога Кришну. **37.** «Невеста Америки», занимавшая на киностудии ту же примерку, где до нее готовилась к съемкам Марлен Дитрих. **39.** «Душа человека» у Даля. **40.** На чем адвокат Френсис Скотт Кей написал оригинал слов к американскому гимну? **41.** Обязательное рагу у ашкеназов на Новый год. **42.** Собачья порода с голубыми глазами. **43.** Наибольший из шведских островов в Балтийском море. **44.** Самый грубый рубанок. **45.** Деревянный дюбель. **46.** Какой лук едят только в свежем виде?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Самый редкий среди галогенов на нашей планете. **2.** Коловорот скульптора. **4.** Карельская ржаная лепешка. **5.** «Залог вечной любви» из романа «Евгения Гранде» француза Оноре де Баль-

зака. **7.** Phiz of pig. **8.** «Парчовая» рыбка из аквариума. **9.** «Сибирский самогон» из романа «Козленок в молоке» Юрия Полякова. **11.** Рисовый хлеб у древних греков. **14.** Имя мужа и сына певицы Анны Герман. **16.** Горный аул, ставший последним гнездом Шамиля. **18.** Брошь на сюрко. **19.** Какой сенатор в 1849 году стал Президентом США всего на один день? При чем большую часть его он проспал! **23.** «Философский камень». **25.** Врачебная специальность отца знаменитого певца Хулио Иглесиаса. **27.** Что делает английский футбол зимней порой мучением — как для игроков, так и для болельщиков? **30.** Баранина, запеченная с картофелем. **31.** «Ценные цифры» на купюре. **32.** Национальный ... Монако, больше его армии. **35.** Какую фамилию повелела носить разгневанная императрица Екатерина II всем потомкам Емельяна Пугачева? **36.** Персидская тубетейка. **38.** Кто из федеральных канцлеров ФРГ был удостоен Нобелевской премии? **43.** Дозатор масла из античных времен.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Фуко. **3.** Ямба. **7.** Вскат. **11.** Йорк. **12.** Гамбургер. **13.** Хохот. **14.** Акья. **17.** «Гараж». **20.** Щербец. **21.** Юрт. **22.** Лавуазье. **24.** Рэндзю. **28.** Квинквирема. **29.** Адорно. **30.** Антиб. **34.** Бандолеро. **37.** Физикат. **38.** Стрюк. **39.** Яноши. **41.** Вятка. **42.** Эстес. **43.** Чаут. **44.** Дуино. **45.** Добро. **46.** Тонно. **47.** Гяур. **48.** Фреки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фугу. **2.** «Комбат». **4.** Маго. **5.** Айра. **6.** Арль. **8.** Спорран. **9.** «Апофеоз». **10.** Бубал. **15.** Козима. **16.** Ящер. **17.** Гривенник. **18.** «Жатва». **19.** Мудра. **23.** Аннигилятор. **25.** Эндерс. **26.** Дору. **27.** Юсов. **31.** Лат. **32.** Аденауэр. **33.** Ольшаник. **34.** Баккара. **35.** Отоскоп. **36.** Люцерна. **40.** Очаг. **41.** Вуду.

Уважаемые читатели!

открыта подписка на 1-е полугодие 2014 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____
Дата рождения _____ Индекс _____
Обл./край _____ Район _____
Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2014 года и годовая (через каталог «Газеты и Журналы Агентства «Роспечать»), в любом отделении почтовой связи.

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p> <p>Индекс 70656 — годовая подписка</p>
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся пресса в одном месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
 ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

СМЕНА №2, 2014

« Были такие времена, когда социальное положение человека определяли по его прическе. В Древнем Египте, например, парик был обязательным атрибутом аристократии — и мужчин, и женщин. У греков и римлян завивка и надевание париков являлось своеобразным ритуалом, который длился иногда по нескольку часов и выполнялся специально обученными работниками — каламистрами. Рабам же, как правило, коротко стригли волосы. Как ни парадоксально звучит, парикмахерское искусство тесно связано с особенностями политического строя государства, культурными традициями и национальными особенностями. Вот почему в России, несмотря на периодические «отклонения» то в сторону Востока, то в сторону Запада, «тупейное мастерство» развивалось своим особым путем.

Денис **Логин** «Тупейные искусства»

« Его творчество благословляли Борис Пастернак, Илья Эренбург, Николай Глазков, отец Александр (Мень), а советский режим принимал в штыки, считая стихи Николая Шатрова бездейными и лишенными социального оптимизма. При жизни поэту удалось напечатать только три стихотворения из трех тысяч им написанных! Но он все равно продолжал писать так, как пела его душа, и часто в своей поэзии обращался к Богу, запрещенному советскими властями.

Рафаэль **Соколовский** «Поэт Божьей милостью»

« Расправляться с непокорной интеллигенцией пришедшие к власти революционеры начали уже в начале 1922 года. Последовали увольнения из университетов, преследования и аресты, заключения в тюрьмы, ссылки и позорные депортации. 29 сентября 1922 года из Петрограда отплыл пароход, пассажирами которого была группа выдающихся философов: Н.А.Бердяев, И.А.Ильин и другие, всего на борту было вместе с их семьями около 70 изгнанников. Этот пароход вошел в историю под названием «Философский пароход». Но власти не успокоились, и уже 16 ноября того же года на пароходе под названием «Пруссия» была депортирована в Германию еще одна группа профессоров, литераторов, инженеров — всего 44 человека. Кто они, и как это происходило, рассказывается в очерке Владимира **Братченко** «Еще один «Философский пароход»

« Итальянцы — очень эмоциональная нация, они любят вкусную еду, отличное вино, любят любить и быть любимыми. А главное, точно знают, что такое счастье и как его достичь. Даже итальянское кино, при всем его кажущемся печальным образом, одно из самых жизнеутверждающих в мировом кинематографе. Ярким примером этого является величайший Федерико Феллини, сумевший поделить своей любовью к Италии со всем миром.

Евгения **Гордиенко** «Счастье по-итальянски»

« Новый детектив Анны и Сергея **Литвиновых** «Талант на миллион»